

Соло Всеслав

Астральное тело-2, Изида или Врата Святилища (Как стать магом - 2)

Всеслав Соло
Астральное тело-2.
Изида или Врата Святилища
Как стать магом, книга 2
АСТРАЛЬНОЕ ТЕЛО (Магическая Эпопея)
Изида или Врата Святилища (роман II)
"Победитель Мира"
1997 год.

Мира и Добра Вам!

Во втором романе Магической Эпопеи "Астральное тело" действует астральная шайка. Множество уникальных сцен. Главный герой, Сергей Истина, осваивает Высшую Магию посредством своих учителей, собственного опыта, умеет покидать свое земное тело.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и профессионалов экстрасенсорики, тонкой энергетики.

В Объемы Высшей Магии

Каждый человек после смерти покидает свое физическое тело, но не каждый сможет осознать себя после своей кончины и в какой-то мере не умереть, не раствориться в просторах тонкого, астрального мира, ибо подавляющее большинство существ сотканы из одержаний, из присвоения, принятия извне: чувств, эмоций, ощущений, идей, мыслительных троп и др.

И все это, как и земное тело, как и те предметы, что окружали его, человека, придется оставить, и в таком полубезумном состоянии только личного, своего неповторимого сущность неминуемо снова рождается, потому что не ведает осознания себя, она приходит в новом воплощении на Землю.

Умереть, зная, что такое смерть, умереть осознанно, имея опыт смерти при жизни - это первое прикосновение к бессмертию и в большинстве случаев - не возвращение более на Землю, на физический план в новой инкарнации, а устремленность в обладании знаниями к Божественному Началу, ко все большей развертке своего Космического Сознания, к овладению, к осознанию такового.

"Астральное тело" - это целая эпопея романов, основанная на Первичном Вселенском Знании Священной Книги Тота.

Через романную форму, художественную форму здесь дается теория и практические упражнения по Высшей Магии, образ жизни астральщика, путь.

Каждый читатель, если внимателен и устремлен - может научиться летать, стать летающим человеком Новейшей Эры - Эры Космического Сознания, посвятить себя Шамбале - Стране Богов.

Эпопея "Астральное тело" - Начало Растворения планеты Земля, двухпланового существования человечества: астрального и ментального.

Заключительные романы эпопеи предусматриваются как учебники по Космическому Сознанию, как учебники по отработываемой мною сегодня науке о Свете.

В "Астральном теле" во втором романе "Изида или Врата Святилища", так же, как и в первом романе - предлагается читателю проследить структуру детектива, и поэтические прикосновения, и мистическую поступь, и магическую реализацию любви, и философские состояния, привкус фантастики и в то же самое время реальное строение энергетики тонкого мира в движении и проявлениях.

Я много выступал, как в больших, так и в камерных аудиториях, и большинство моих материалов уже сейчас имеют подтверждение подлинности со стороны моих

многочисленных слушателей.

Всеслав Соло. г. Москва

Содержание

Изида или Врата Святилища (роман второй)

Часть первая. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ.

Поток Право в силе? В плену Астральной Веры Посещение В библиотеке Чувств
Заместитель меня

Часть вторая. АСТРАЛЬНАЯ ШАЙКА

Тайна публикаций Простуда Противостояние Наудачу! Восторг тела Сатана

Часть третья. ЮРА БОЖИВ Кража сновидений Урок Первый

Часть четвертая. В ОПУСТОШЕННОМ ТЕЛЕ

Побег Людочка Одержанье любви Сказка о любви Урок Второй

Часть пятая. СУЕТА

Друг детства Размышления Дубинина А что, если... Магический совет

Часть шестая. ПАРАЛЛЕЛИ ВРЕМЕНИ

Почему? Тайная вечеря Созерцатель Урок Третий Среди мертвецов? Божья

Мать

Часть седьмая. ПОЧЕРКОМ ИЗИДЫ

Это принадлежит... Смерть? Было... Есть кому! Улики Ноль три Пожар Кто?

* Часть первая ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ *

Поток

У окна общежитьевской комнаты литинститута, в тесноте медленного полумрака ночи ютились на скрипучих кухонных стульях двое: я и Юра Божив, мой друг и поэт.

Красный светлячок сигареты плавно подлетал из пепельницы к моему лицу, на секунду вспыхивал ярче, опустошая полумрак, и снова опускался в пепельницу.

Юра перебирал четки, продолжительно и однообразно мыча не разберешь что, но я понимал: Божив вымучивает кришнаитскую мантру. Шло время. Наконец, я не выдержал: бессловесное пространство показалось мне неудобным, и я медленно заговорил, осторожно и напористо подыскивая слова.

- Какая же едкая штука! - сказал я, имея в виду исполнение мантры.

- Что? - переспросил меня Божив и тут же продолжил свое трудолюбивое бормотание.

- Ничего, - тоскливо произнес я и раздавил красного светлячка сигареты в пепельнице, - ты писал, что чтение мантры похоже на космический музыкальный инструмент.

- А разве нет? - обронил Божив свой вопрос, будто сплюнул посреди мантры, и напористо забормотал громче прежнего.

- Тише. Ты что! - воскликнул я каким-то надсадным шепотом.

Божив тотчас присмирел и оглянулся назад: на его кровати спала Вика, и я почувствовал, как Боживу это было неуловимо приятно, но долг перед мантрой, узелки слов которой он смаковал, словно леденцы, заставил его опять отвернуться к окну и зашептать, набирая обороты: "Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна, Кришна, Харе, Харе ...

Но вдруг Юра остановился...

- Все, - сказал он, облегченно улыбнувшись, шестнадцать кругов!

Потом он включил настольную лампу, стоявшую на широком подоконнике прямо возле него, и вспыхнувший свет из-под ее искореженной, видимо от частных падений на пол, шляпки косыми лучами будто обточил, заострил и без того исхудалое лицо друга.

Вряд ли на этом бледном лице сказывалась только лишь пресловутая полуголодная студенческая жизнь, полная нервотрепок и бессонниц, - Юра подрабатывал дворником, и, в общей сложности, со стипендией вместе, у него выходило, надо полагать, рублей сто пятьдесят в месяц, да и родители не забывали о сыне, поддерживали посылками.

Конечно же нервотрепки и бессонницы несомненно потрудились над теперешним обликом Юры. Но эти, будто влизаные, крупные скулы говорили еще и о другом.

- Смотри, как ты похудел! - сказал, не удержавшись, я, тем самым подытожив свои

размышления. - Не ешь калорийную пищу, дубина, бормочешь, будто старуха-колдовка... так и какую-нибудь болезнь уговорить к себе в постояльцы недолго!

- Ничего ты не понимаешь! - определил Юра, всматриваясь сквозь черное стекло окна в мутные переливы огоньков на улице. - Мне это все - совершенно не трудно, а результаты... результаты очевидны.

- Да уж, это ты точно подтвердил, - всполошился я.

Я вскочил со стула и, чтобы не шаркать по полу, не одев тапочек, а прямо в носках, зашагал по комнате от окна до кровати, где спала Вика, и обратно - туда-сюда.

- Что мечешься? - спросил Юра. - Улови, определи свои мысли, вон как тебя размотало по сторонам, - посоветовал он озабоченно.

- Это ты ничего не понимаешь! - прошептал я, остановившись у окна.

- Ну что же, если ты так считаешь, то я готов тебя выслушать, - подчеркнул Юра убедительно.

- Я понимаю, что переуверить сейчас, мгновенно, - вряд ли смогу. Но я знаю одно: не молчать, а говорить всегда нужно, отрешенно, но участливо. Говорить нужно в любом случае, даже если это абсолютно безнадежно, даже если тебя не поймут,сиюминутно отвергнут или даже убьют!

Говорить - все равно надо!

Хоть одно слово, да станет после, - отправным, поворотным. Ведь слова не канут куда-то, они, как подводные течения: мы и не замечаем их русла, их многочисленные русла, а глядишь, сегодня - уже не думаем так, как вчера, и не подразумеваем даже, что определило нас в этом - думать иначе...

Знаю, отвергнешь ты кришнаитское безумие, лишь бы не поздно, Юра. Лишь бы не поздно!

Я буду сейчас говорить еще и потому, что существует в мире удивительная, мало кому приметная зависимость. Ты знаешь, Божив, в жизни бывает именно так: значительное в нас - обязано - всегда - незначительному. Ведь вряд ли кто может, из простых смертных, вообразить себе, проследить эстафетную переключку событий, увидеть взаимосвязь между, ну, скажем, некогда случайно сломанной нами во время прогулки ветки на дереве и, предположим, - сегодняшним нашим каким-то открытием, откровением, проникновением. Пусть даже это была и не ветка вовсе, а что-то другое, но было же, обязательно!

- Я слушаю тебя, - только и сказал Божив, и вдруг: Да! - неожиданно воскликнул он, но тут же сориентировался виновато на спящую Вику: глядя на друга, я покачал ему неодобрительно головой.

- Виноват, - сказал Юра, - но мне вспомнилось: ты же обещал пояснить тот отрывок в твоём письме.

- Вот с него и начну, - хладнокровно заявил я.

И я говорил, говорил, и время от времени прохаживался по комнате, делая тем самым пространственные паузы. Когда я отходил от Юры, углубляясь в комнату, я приостанавливался там, поодаль от спящей Вики, и чутко присматривался к другу: он сидел на стуле не шевелясь, я присматривался к нему, а может даже и не к нему вовсе, а к ореолу высказанных мною мыслей, обступавших Юру, дружески склонявшихся над ним. Мне так хотелось, чтобы Божив принял их участие, и когда я неуловимым чутьем понимал, видел, как какая-нибудь из них слабела и таяла в пространстве, тотчас снова стремительно подходил к Юре и укреплял эту слабеющую мысль. Я знал одно: когда я уеду из Москвы, Божив останется с ними, с моими мыслями наедине, и надо, чтобы они были крепкими и не погибли бы от пустячного взмаха руки. И потому я продолжал порождать, обуславливать все новые мысли. В то время больше никого на свете я не знал вокруг себя, кого бы я мог приобщить к обладанию знанием пути к наивысшей тайне, пути к тайне, которой невозможно овладеть в одиночку!

- Юра! - восклицал я. - Меня удивляет, вдумайся: почему имя Бога Кришны сегодня все больше стараются приукрасить?!

Недавно я читал и возмутился: одна, не исключено, что с неким умыслом, несведующая областная газета в одной из своих статей о кришнаитах дала перевод имени Кришна как "привлекательный", "прекрасный"!

Но ведь это наглая неправда, ложь!

Кришна переводится с санскрита как "темный", "разрушитель"!

Значит, ты служишь дьяволу, Юра!

Опомнись, друг! Осмотришь, подумай!

... И потом, ты же знаком с понятием кармы. А чтением этой кришнаитской мантры ты разрушаешь или, на худой конец, загоняешь в дальний угол сознания свою карму, а кто же ее за тебя отрабатывать будет?!

Хорошо!

Ты загнал ее в угол, загнал в этой жизни, но ведь ее все равно, карму, придется отрабатывать в следующем воплощении, а значит, эту жизнь, сегодняшнюю, ты прожил зря, остановил свою устремленность к истине!

Если тебе удастся разрушить свою карму, тем хуже! Это хуже, чем загнать ее в угол!

Не дай-то Бог!

Ты и не представляешь, что тебя тогда ожидает. Ты же понимаешь, Юра, что все должно из задуманного проявляться, а карму свою ты сам создаешь и сам же проявляешь на свет Божий!

Как бы ни было тяжело отрабатывать свою судьбу, но если она есть - это хорошо! Тогда ты с помощью воли осознанно будешь ее отрабатывать, проявлять, в этом случае ты остаешься личностью, больше того: укрепляешь, растишь, познаешь свою и Божественную космическую сущность. Но беда, если карма твоя разрушена: там на ее месте только месиво, крошево из добра и зла, тебе предстоит на многие и многие воплощения - скотская, полусознательная жизнь, издерганная жизнь сумасшедшего!

И эта жизнь будет продолжаться до тех пор, пока вся, некогда разрушенная кришнаитской мантрой твоя карма, вернее крошево, месиво твоей кармы - не воплотится, не проявится полностью, не выдавится из тебя, как через ситечко мясорубки!

А потом - все сначала: тебе предстоит опять нарабатывать и отрабатывать новую карму. Но здесь тебя ожидает страшная, чудовищная беда!

Сегодняшним чтением кришнаитской мантры ты, Божив, друг мой, порождаешь ангела-разрушителя, который поселится в твоей сущности и будет всегда стремиться постоянно превращать в крошево и месиво и твою новую карму, кроме того, воплощением, проявлением этого крошева из себя ты будешь нарабатывать уродливую карму, ангел-разрушитель будет ее разрушать, и тогда с нарастанием снежного кома из тебя повалят все более уродливые крошева и месива!

И этот процесс может перейти в бесконечность! Тогда исход, и только исход борьбы твоего ангела-хранителя с ангелом-разрушителем, воспитанным и порожденным тобою добровольно, покажет будущность твоей заблудившейся сущности!

И неизвестно, через какое количество твоих воплощений твой ангел-хранитель одержит победу. Но если эту победу одержит ангел-разрушитель, то тебе, Юра, никогда больше не возвратиться самому в поток устремленности к истине. Но знай, что эта беда не будет принадлежать только тебе. С ангелом-разрушителем в сердце ты понесешь беды людям Земли. Господи, остановись, Юра, и пока твой ангел, ангел-разрушитель слаб - уничтожь его, изгони!

Но за это уничтожение тебе придется поплатиться, и не исключено даже, что изгонишь ты ангела-разрушителя, уже наработанного тобою сейчас, ценою сегодняшнего твоего земного воплощения...

Да зачем же далеко ходить, Юра?! Кого воспитывают кришнаиты?...

Так вот, я скажу тебе, кого: улыбочиво покорных, полуголодных, но забывших об этом, самодовольных от истязания людей, и не людей даже, а что-то вроде исхудалого, социально-фанатичного мусорника, в котором шипит ядовитая мантра, будто сладостная

слюна ангела-разрушителя, шипит на кусках порубленной души!..

Ослепительно сочная луна зависала высоко в небесном пространстве, и здесь, в городской кухне, ее освещающий свет будто молоком заливал полированный стол.

- Космическое сознание... - прошептал Юра, сидя у окна. Вика тоже находилась на кухне, стояла возле него.

- Что? - спросила она, озабоченно очнувшись от раздумий.

- У Сергея дома должны быть где-то спрятаны ценные книги и личные записи, бумаги, он рассказывал мне о них в ту московскую ночь.

- Зачем тебе они?

- Как ты не понимаешь, - сказал Юра и привлек Вику к себе на колени, - может быть, только я и смогу ему помочь!

- Чем? - всхлипнула Вика и поцеловала осторожно Юру в щеку. - Я уже все молитвы перечитала, какие только могла...

- Его сон - необычен!.. Я знаю: ему удалось покинуть свое земное тело.

- Господи! - воскликнула Вика. - Его душа мается где-то?! Я еще давно чувствовала, что это дьявол его увлекает и ... Господи! - устрашилась Вика промелькнувшей мысли и замолчала.

- Что? - настойчиво поинтересовался Юра. - Ты что-нибудь знаешь?.. Да?! Говори же!

- Все началось с той книги, которую я ему принесла в подарок! Будь она трижды проклята!

- Что за книга? Ну, не молчи же, говори! Я прошу тебя.

- "Возрожден ли мистицизм" Там все о загробном...

- Так, - задумался Юра, - надеяться не на что... Ждать или же действовать, прийти на помощь ему... Я должен помочь!

- Господи! - прошептала умоляюще Вика. - Я не хочу потерять и тебя, Юрочка! И тебя уже манит, зазывает Темный!

- Надо помочь Сергею... Понимаешь ты, - надо! встрепенулся Юра, и Вика вскочила с его коленей и в ужасе прильнула к холодной кухонной стене. За окном, там, внизу, на улице, будто расшатывались под порывами ветра желтые паруса столбовых фонарей...

А мне ото всего этого стало пуще не по себе! И я словно зажмурился, ослеп...

Отшатнулся от кухни, и вдруг: во мраке зазвучали какие-то монотонные, будто заученные кем-то слова:

- День Ангела - девятнадцатый. Месяц - январь. В цифрах - ноль один. Год - одна тысяча девятьсот пятьдесят четвертый. Тишина... Какая острая тишина!

Малейшее движение мысли в сторону, и можно пораниться об эту тишину!

Вдох:

- Девятнадцать ноль один умножить на одна тысяча девятьсот пятьдесят четыре...

Серебрится поток тишины ...

Выдох:

- Три миллиона семьсот четырнадцать тысяч пятьдесят четыре...

Все-таки поранился о тишину!

Сверкнуло ее ослепительно белое лезвие, засияло снежно-перламутровое пространство, густо просочились изломанные красные лучинки цифр, над их рядами вспыхнули крупно два зеленых слова: Формула жизни

3 1 8 15 22 29 26 43 50 57 64 71 78 85

7 2 9 16 23 30 37 44 51 58 65 72 79 86

1 3 10 17 24 31 38 45 52 59 66 73 80 87

4 4 11 18 25 32 39 46 53 60 67 74 81 88

5 5 12 19 26 33 40 47 54 61 68 75 82

5 6 13 20 27 34 41 48 55 62 69 76 83

4 7 14 21 28 35 42 49 56 63 70 77 84

И вот все растаяло, но крепкое чувство памяти увиденного сохранилось, будто все это

парит за спиной, оглянись - и увидишь. Зазвучал голос:

- Ноль - опасность насильственной смерти; единица воля, выбор, вероятно смерть от болезни; два - судьба, пассивность, чувства, возможна случайная смерть; три совесть, провидение, движение от основательного прошлого; четыре - реализация, необходимость формы, высшее, сознательное начало, жизнь; шесть - испытания; семь - победа; восемь среда уравновешенных закономерностей, девять - сути вещей и процессов. ...

Массивный каменный пилон - вход в храм. Сверкает до гладкой нежности отполированный, каменный куб, а на нем сидит обнаженная, в золотых сандалиях, женщина, вся будто из воска, янтарно-полупрозрачна, строгие изгибы тела, женственные рельефы, ноги сжаты плотно, прямая спина, золотое кружево на шее едва опускается на верхнюю часть спины и груди. Правая рука со свитком папируса прижата к сердцу, несколько складок папируса лежат на коленях и с них опускаются до самых ступней. В левой руке - цветок лотоса, сильно сжата кисть, она прочно удерживает стебель. На голове женщины - дымчатое, полупрозрачное покрывало, оно закрывает колени, и немного лишь из-под него выглядывает папирус. На голове женщины металлический шлем с двумя рогами и шаром на них. Позади же, на фоне пилона - входа в храм, четко выступают две колонны огромные, они поддерживают портал...

... Отсырели краски лета, солнце искоса глядит, ну а я еще не петый, все во мне еще гудит! Шелушатся, блекнут краски, ветер морщится в листве, так случилось: не обласкан я по молодой весне...

Может быть, застыло время настояться на тиши?.. Далеко заброшу кремень я спрессованной души! Не обласкан, не растаскан, берегу я свой уют. Я не выставляю краски, и дожди на них не льют! Да, вокруг меня - все блекнет, а моя душа цветок, что не дрогнет, не намокнет - потому что я так смог! А моя душа все ярче, все заметнее для всех: где позволят ей поплачет, где воспримут - дарит смех! Так и осенью: то солнце, то дожди... Я Арлекин. Хорошо мне так смеется там, где плачут дураки! Плачь и смех иной весной - не коснутся головы. И тогда, все ставши мною, назовут меня на "Вы"... ...Араб...Арестант... Артист... Вдова... Военнослужащий... Вор ... Гости... Грабители... Дама... Девушка... Дети... Дитя... Друг... Жена... Женщина... Землекоп... Идиот... Карлик... Лакей... Люди... Мертвец... Мать... Милиционер... Младенец... Монах... Мужчина... Муж... Невеста... Нищий... ... Право в силе... Свобода - идея. Либерализм... Золото. Вера. Самоуправление... Деспотизм капитала... Внутренний враг... Толпа... Анархия... Политика и мораль... Право сильного... Непоборимость власти... Цель оправдывает средства... Толпа слепец... Партийные раздоры... Наиболее целесообразный образ правления - самодержавие... Спирт. Классицизм. Разврат... Террор... Свобода, равенство, братство... Принцип династического правления... Уничтожение привилегий аристократии ... Новая аристократия... Психологический расчет... Абстракция свободы... Сменяемость народных представителей... ... Печник... Подкидыш... Покойник... Почтальон... Президент... Противник... Слепой... Соучастник... Сын... Старики... Старушка... Толпа... Труп... Урод... Учитель... Царь... Царица (Король, Королева)... Ювелир... ... Александр Корщиков, Александр Корщиков...

... Небольшая книжица в красном переплете, машинописный текст, рассказ второй, сборник философских рассказов, двенадцать философских рассказов... Александр Корщиков, Александр Корщиков...

Небольшая книжица в красном переплете...

Право в силе?

(Философский рассказ)

Жил да был один счастливый человек, и все-то у него мирно и ладно укладывалось в жизни. Никто ему не мешал...

Однажды мимо его благодатного жилища проходил другой, хитрый человек. Откуда он, этот проходивший, был родом и куда шел, путь свой держал - никто не знал. Одно только и значилось в его родословной бумаге, что прибыл он...

И вот захотелось этому прохожему человеку, хитрецу, остановиться на жительство в

благодатном жилище счастливого, ибо своего жилища хитрец не имел и строить не очень-то хотел...

Попросился он, и счастливчик приютил его у себя, приютил прихожанина, потому что жил он счастливо и нарушать свое благочувствие отказом в жительство, дабы потом не помнить об этом злополучно, - не подумал.

Тут надо оговориться наперед о немаловажном обстоятельстве: счастливчик был очень сильным и крепким в телесах своих, а хитрец - совсем наоборот, народился хлипким, с масляным блеском в глазах.

Хитрец начал жить у счастливчика. Он откровенно побаивался его. Но жить хотелось ему по-хитрому: чтобы и в жилище счастливчика пребывать да в подчинении бы и счастливчик был!

Много рассуждал про себя хитрец о том, как же подчинить себе счастливчика. И вот однажды он придумал, поразмыслив. Если на стороне сильного и крепкого счастливчика все права на уклад в благодатном жилище, и он, хитрец, обязан жить в подчинении, то почему бы не сделать наоборот?!

Так, чтобы иметь право, и тогда - сила явится в подчинении тебе, ибо сила - слепа, а право - зряче!

Так рассудил хитрец...

- Пусть же сила созерцает себя через право! - воскликнул он. И это означало, что сила счастливчика должна была перейти в единоначальное подчинение хитреца.

Теперь, когда вывод стал ясен, оставалось обозначить верно и непобедимо, исходя из уклада счастливчика, свое право хитреца. Надо было самому стать воплощением права. И тут хитрецу пришла на ум нужная идея!

Дело в том, что всякий раз, когда он, хитрец, обращался к счастливчику со своими предложениями об изменениях в жизненном укладе благодатного жилища, счастливчик всегда отвечал одно: так жить мне подсказывает сердце, ветер, река, лес и небо, забор...

И вот как-то поутру счастливчик вышел во двор после благодатного сна, чтобы привычно приступить к своему укладу жизни. И вдруг:

На заборе зеленой краской, крупными каракулями на языке счастливчика было написано: "Отныне главой сего благодатного жилища является прихожанин, и ты, счастливчик, должен ему подчиняться во всем!

Следом за счастливчиком, прищуренно улыбаясь, вышел и хитрец на порог дома и принял гордую позу избранного!

Счастливчик, привыкший подчиняться, прислушиваться к окружающим подсказкам, не удивился надписи на заборе, и хотя сердце у него и защемило незнакомо, но он подчинился безоговорочно, признал хитреца главой и низко поклонился ему. Ведь счастливчику и невдомек было то, что хитрец сам, вчера вечером, тайком, написал эти приказные слова на заборе!

- Ты видишь?! - воскликнул театрально хитрец, обращаясь к счастливчику. - Забор тебе сегодня подсказал, чтобы ты во всем слушался меня, ибо я есть - забороизбранный человек!

И начались с того самого дня и часа в благодатном жилище счастливчика "Заборные дни" правления хитреца.

И напрасно счастливчик ожидал встретить каждое утро долгожданную надпись на заборе, которая бы возвестила облегчение и восстановила бы справедливость, вернула бы право распоряжаться в благодатном жилище его первому, истинному хозяину по законам: сердца, ветра, реки, забора и неба. Но появлялись все новые надписи на заборе, закрепощающие счастливчика, и он уже и не знал, когда все это кончится, и что же ему теперь делать, и как жить дальше?..

"Получается, что не право в силе, а сила в праве!" подумал я и отвернулся от книжицы в красном переплете. Но что-то остановило меня удаляться, растаивать от нее. И в следующее мгновение понял я: чтобы возвратиться в земное тело мое, надо обладать правом на волю это сделать. Не на волю желать этого, а именно - на волю возвратиться!

А я, пока еще, только лишь имел возможность желать вернуться обратно!

... Победить коллективную волю астральной шайки!

Она явилась реальной силой, и я нуждаюсь в обладании правом на эту силу. Астральная шайка сделала "надпись на заборе" подобно хитрецу. И я поверил в нее, подчинился своему заключению в астральном теле добровольно: вне камеры и связанных рук! Ибо моя камера и связанные руки - это моя вера!

Господи!

Вот что значит пребывать не краешком, а без остатка в мире своей веры!

Но мог ли я иметь с собою хотя бы тень сомнения? Казалось бы, как легко: не поверь в приговор астральной шайки - и все!

И ты - снова дома, в теле!

Нет!

Подобного случиться не могло, в мире моей веры! Я не мог не поверить в приговор. Ведь если бы я это смог, то, прежде всего, я никогда бы не вышел в Астрал!

Я избавился от веры вовне меня на физическом плане, но я еще так беззащитно верил тогда в реальность Астрала. В том и состояла моя беда...

В плену Астральной Веры

Астральный мир теперь для меня был такой же реальностью, как раньше являлся незыблемостью и несокрушимостью мир земли. Если прежде я тяжело искал выхода в Астрал, специально упражнялся в этом, вел особенный образ жизни моих чувств и мыслей, образов, и Астрал мне казался диковинкой, восторженно-сияющей новью впереди, в приближении своем: мечталось, воспитывалось астральное пространство, зарабатывалось во мне; то ныне я начинал забывать - что такое земной мир, неповторимости которого и прочности мне так не хватало!

Я усердно искал выхода, но теперь из Астрала в земной мир! Пока мне это не удавалось, да я еще и не знал, как это сделать, - надо было научиться!

Несостоятельность всех моих попыток вернуться в свое земное тело обнажилась до отвращения от этого действия и дошла до того, что я уже и не помышлял больше вернуться к этим опытам не иначе как через победу над коллективной волей астральной шайки Остапа Моисеевича, - ревностного обладателя, служителя темных сил. Эта шайка являлась реальной силой, и я нуждался в обладании правом на эту силу. Астральная шайка сделала своеобразную надпись на "заборе", и я поверил в нее и подчинился своему заключению в астральном мире добровольно: вне камеры и связанных рук. Выходило, что Остап Моисеевич был не только начальником ОВД моего района, но и, в каком-то земном смысле, своеобразным начальником ОВД определенного астрального подплана. Ну да мне от понимания этого не приходилось легче воспринимать свое заключение в Астрале. Своею легкостью и доступностью, но и определенным подчинением и зависимостью от меня, мое астральное тело утомило меня. Господи!

Вот что значит пребывать без остатка в мире своей веры и воли!

Казалось бы: как легко - не поверь только в приговор астральной шайки - и все!

И ты снова дома, в земном теле! Нет!.. Подобного случиться не могло!

Я находился не просто в астральном мире, а прежде всего в мире своей веры, и в какой-то усеченной степени воли!

Здесь хотел бы я сразу же оговориться, что в Астрале чувства и страсти человека просачиваются на первый план, воля человека целиком зависит от владения своими страстями и чувствами. К примеру: если в земной жизни человек чем-то неистово бесконтрольно увлекался, услаждался, полностью подчинился этому увлечению, страсти своей, то в астральном мире он будет то и дело нянчиться с этим пороком, и воля его будет усечена этим. Я находился в мире своей веры. Я не мог не поверить в приговор, ведь если бы я это смог, то, прежде всего, я никогда бы не вышел в Астрал!

Ибо не поверить в приговор и одновременно находиться в Астрале означало бы не что иное, в качестве примера земного, как то, что я находился бы среди, скажем, своих друзей и

громогласно утверждал бы свое телесное неприсутствие!

И если бы меня начали в тот момент пинать, то мне бы пришлось либо поверить в свое физическое присутствие, либо не поверить, но физически все равно присутствовать и получать самые настоящие побои, с синяками и ссадинами!

Мир нашей веры, каким бы он ни являлся, существует, когда он уже открыт нами, автоматически живет, начинает жить независимо от нас, и уничтожить его, разрушить, не поверить в него - громаднейшая и практически неосуществимая участь!

Такое подвластно только высшим существам или богам! Здесь удивительный парадокс!

Пословица, говорящая о том, что легче разрушить, чем по-строить, - превращается в пылинку на дороге, вообразившую себя камнем!

Построить мир своей веры тяжело, но все-таки легче, чем разрушить его основы!

Мир настоящей веры - нерушим! А уж тем более дважды нерушим - мир веры коллективной!

Астрал - это обновленный пример, по крайней мере для меня, пример придуманности, коллективного построения веры до незыблемой реальности, каковым является когда-то такой доступный и мне мир физических форм. Но у меня еще была надежда созерцать и частично или временно обладать восприятием земного мира, но эта возможность лежала через преодоление безразличности присутствия в чужих земных телах!

Мало того, - эта возможность, кроме безразличности, вызывала во мне чувство преступности!

Ведь завладеть чужим телом, хотя бы и частично, означало держать на устрасимо-волевым или соблазнительном прицеле испуганную или наслаждающуюся брошенной "костью" для отвлечения внимания сущность, - хозяина данного тела!

Я видел, странствуя в Астрале, как многие подлые сущности его причудливых просторов воображения, другими словами астральные жители, в особенности жители низшего подплана Астрала, - прямо-таки следили и выслеживали, поджидали и вкрадливо, исподтишка, а то и нагло, бесцеремонно впивались, внедрялись в чужие, увлеченные страстями тела и вытворяли такие разбойничества, так уж ненасытно упивались вкусом чужого тела, что изводили его порою до полного истощения: пока оно не падало замертво наземь - не оставляли его!

А всему виною безвольные медитации, усердно-доверчивые гадания, многотрадные в таинственности спиритические сеансы и прочая чертовщина!

Люди, там, на земле, и не догадываются даже, насколько они легко доступны через все вышеперечисленное оболванивание себя, доступны одержанию, ношению в себе других астральных сущностей, которые либо исподволь мешают жить, подобно духовным червям, хозяину тела, разлагают его, либо сами владеют предоставившимся телом и сводят хозяина с ума, или же одержимо тащат его тело по пути той страсти, которая приятна им самим, а не хозяину!

Вот почему так часто алкоголик или еще какой-либо чем-то одержимый человек раскаивается в минуты прозрения, сквозь пелену захвативших его тело астральных жителей. Но вскоре снова отдается их яростному правлению!

Как же уместна здесь та пословица, которая говорит: "Семь раз отмерь, а один раз отрежь"!

И действительно, - семь раз подумай хорошенько: ты ли на самом деле хочешь задуманного, просящегося на исполнение или же этого желает вселившаяся в тебя астральная сущность. Все болезни наши тоже - одержание!

Берегитесь быть одержимыми!...

И что интересно, я открыл для себя понятие ада или, по крайней мере, его элементов. Вообразить, и то будет страшно, а видеть и болезненно ощущать, как страдают те или другие астральные сущности, по разным причинам некогда расставшись со своим земным телом, умерев там, на земле, как страдают они здесь, в Астрале!

С телом-то земным они расстались, а вот с воспитанной страстью своею, за свою

земную жизнь воспитанной прочно и основательно, они очень и очень долго не могут, не в силах расстаться!

Их астральное воображение выламывается в чудовищных муках, оно ищет прежнего земного наслаждения, но тела нет, и остается только лишь метаться от пронзительной боли желая, без надежды, и потому так часто безумно врываться в чужое тело!

За всем этим я наблюдал как бы со стороны, как, впрочем, наблюдал я со стороны и за земной жизнью, а последнее было нелегко, ибо мир земных форм теперь виделся по-иному. Я видел астральные тела людей, животных, птиц и насекомых, растений и прочих предметов земли, как-то: морей и океанов, рек, гор, зданий...

У меня появилась возможность созерцать Астрал людей и всевозможных предметов одновременно изнутри и со стороны!

Так, люди представлялись довольно удивительно: все человеческие органы имели свою окраску и все они были испещрены светящимися точками, а мысли, мысли переливались светящимися искорками!

Да, я видел мысли, и даже, при желании, мог бы многими из них управлять, на что я не решался, как это делали те, подлые и страстные астральные существа, а так же и другие (с каким-то умыслом и исполнением) астральные жители, разнообразие и предназначение которых, как я понимал, для своей пользы мне еще предстояло изучить. Да, я больше пока смотрел со стороны, нежели вклинивался в их жизнь. Правда, однажды мне довелось подсказать одному алкоголику земли, я только слегка подправил его мысли, подсказать ему во время случившейся с ним белой горячки, что он пил не сам, а его заставили. Алкоголик пить тут же отрекся, а вот астральная сущность, присутствие которой в теле алкоголика стало теперь неуместным, разъяренно бросилась на меня, дабы отомстить!

Но я мысленно и искренне погасил ее пыл, и сущность послушалась, и успокоилась, и задумчиво улетела прочь. Не знаю, вылечил ли я пристрастие к спиртному у нее, но то, что я обладаю немалой астральной силой, понял я, осознал с удовольствием. А обладал я ею в силу того, что у меня, как бы там ни было, хоть слабенькая, но осталась связь с моим земным телом, лежащим на диване в летаргии, и поэтому оно будто конденсировало, подпитывало мое астральное тело тонкой энергией, ведь земное тело подкармливали, там, на земле, и ухаживали за ним...

Итак, я находился в астральной западне.

Но все больше я начинал понимать, размышляя о путях своего освобождения, что мне необходимо выйти на контакт с Юрой Боживым, который теперь, как я знал, жил с моей, когда-то моей, Викой. Легко сказать: "Выйти на контакт!"

Но как это сделать?

Появиться пред другом в астральном сгустке с обращением: "Здравствуй, Юра! Помоги мне!" Абсурд!

Божив, хоть и весьма отличен от многих, хоть и весьма близок к пониманию подобных вещей, но все-таки не настолько подготовленный человек, чтобы не растеряться и не пойти на прием к психиатру или же не начать поголовное оповещение окружающих людей о чуде, феномене, вместо того, чтобы серьезно вникнуть в мои обстоятельства, принять мои наставления и на самом деле действительно помочь. Нет, в астральном сгустке перед Юрой появляться ни в коем случае нельзя, по крайней мере, пока - нельзя. Но что же делать? Как-то же надо направить Божива не путь помощи мне?!

Оставалось одно: либо взять попечительство над Юрой, из Астрала вести его жизнь по нужному мне руслу, и тогда мне по существу некогда будет заниматься самому изучением астрального мира, что не в малой степени имело возможность обернуться неожиданностью быть ввергнутым в какую-нибудь новую, дополнительно, еще более сложную астральную ситуацию, вместо того чтобы держать ухо остро, да и времени на такой ход событий моего освобождения уйдет куда как много; либо оставалось мне второе - завладеть или завладеть по мере необходимости чьим-либо земным телом и в таком облики войти в контакт с другом, правда, здесь это шаткое по непредсказуемости предприятие могут поджидать

невероятные осложнения!

И все же последний способ по времени гораздо короче второго. С крепнувшей надеждой я решительно пошел по второму пути, ибо лишь в таком случае я имел возможность изучать Астрал без напрасной траты времени на новые поиски и построения своего освобождения...

В самом начале мои "проделки", иначе и не назовешь, были скромны. Попросту говоря, я внедрился в один из Викиных снов. Почему именно Викиных? Да потому, что, хоть я и собирался навести прочный контакт с Юрой, но я хорошо помнил однажды сделанный мною вывод: все серьезное производи через что-то, через кого-то, если хочешь, чтобы то, что задумал воплотить удалось обязательно!

Во-первых, перекладывая свои заботы на кого-то или на что-то, ты высвобождаешь свою энергию, получаешь ее сэкономленную, а значит дополнительную порцию, и одновременно парализуешь чужую энергию, а значит твое дело пойдет, будь уверен, с меньшим сопротивлением, если учесть, что ты мало того что парализуешь, нейтрализуешь чуждую энергию, но и заставляешь ее работать на себя! Это все во-первых. А во-вторых...

Дело в том, что длительные мои наблюдения всевозможных продвижений жизненных дел привели меня к оригинальному и довольно неожиданному суждению, закономерности, к примеру: попроси кого-нибудь о чем-нибудь, и эта твоя просьба останется наедине с тем человеком, которого ты ею озадачил, и ты вынужден будешь сам ему о своей просьбе напоминать каждый раз!

И этот человек, если ты не будешь иметь возможности напоминать ему о своей просьбе, в конце концов - подумает о ней, подумает, да и чаще всего отвергнет, избавится от твоей просьбы, возьмет и забудет ее!

Но попроси о том же самом через кого-то из близких ему людей, и ты можешь считать, что сопроводил человека не только своей просьбой, но и стимулятором таковой!

И чем ближе, роднее тот, через кого ты передал свою просьбу человеку, тем надежнее исход выполнения, осуществления ее, в особенности, если тот близкий человек действительно любим. Вот почему многие дела воплощались, даже исторические дела, через мужа или жену, путем воздействия жены на мужа и наоборот. А если же не через кого воздействовать, то можно избрать для этого любой предмет или какое-либо место, что очень близко и дороги человеку, к которому ты обращаешься со своей просьбой. Я сказал бы даже, что через предметы или какие-то места воздействовать можно гораздо сильнее, нежели через близкого человека, ибо люди всегда в существе своем многословны или многовыразительны, в любом случае они передвигаются лично, а предметы статичны или же передвигаются с помощью своего хозяина, который их обожает, или же хозяин передвигается мимо их неподвижности, а значит и ваша просьба там, на своем месте, и каждый раз готова о себе напомнить!

Предметы немногословны и потому сохраняют определенное более или менее настроение, а за многословностью или многовыразительностью людской легко или гораздо легче не замечать просьбы!

Но правильно обыграть предмет или место - это особый дар, не каждому данный, и потому широкому кругу повседневности легче воздействовать через людей. Но через предметы или места все-таки это здорово!

Например: увязать свою просьбу с любимой ложкой того человека, к которому просьба твоя обращена, или, скажем, с кроватью, на которой он спит, с понравившейся ему песенкой, мелодией...

Вот почему я так редко, в последнее время моего пребывания в земном теле, приглашал кого-либо к себе домой в гости: понаследят везде, поперепакают все словесами своими, а потом днями, неделями, а то и годами будешь помнить Бог знает какую однажды высказанную кем-то чепуху!

Бывало, я даже выбрасывал подобные надоедливые вещи!

И еще: если есть такая возможность, то неплохо бы и менять время от времени место жительства!

И вот еще что я понял: ни в коем случае нельзя водить никого на свете в святые для тебя места, даже упоминать о них не надо!

В таких местах ты черпаешь энергию созерцания и своего мышления, ведь если наследят и перепачкают все и там, то вообще нигде будет укрыться иной раз и получить свежее подкрепление сил, осуществить передышку или принять очистительное покровительство!

На предметы у меня не было времени, да и все они являлись в существенном смысле недосыгаемы для меня, предметы земли. И так, я внедрился в один из Викиных снов!

Но сделать это было невероятно трудно!

Вика была невероятно и основательно к этому времени набожна!

На ночь она читала страшные молитвы, которые огнем обступали всю ее квартиру, и даже к утру, когда огонь угасал, я все равно не мог, как ни старался, пробраться к астральному телу девушки, потому что вся квартира хоть и не была объята мощным пламенем молитвенности, но продолжала являться передо мною непроницаемой, и все это из-за крестных знамений, наложенных еще с вечера на стены, окна, пол и потолок, на все двери квартиры. Вика исполняла свои божественные манипуляции исправно!

Я все мог видеть сквозь эти стены, пол и потолок, окна и двери, но пройти, просочиться сквозь них мне не удавалось: каждый раз неведомая преграда Викиной веры останавливала ход моего астрального воображения!

Но все-таки среди всяческого рода божественных построений улучил я момент. Мне посчастливилось, это было так: Вика прилегла на диван посмотреть телевизор и незаметно уснула без крестов и молитв. Тут-то я к ней и пробрался!

Вначале я обернулся перед ней ее мамой, живущей в деревне, и позвал девушку прогуляться в астральный лес. На поляне мы остановились. Вика подошла к своей маме, и обняла ее, и поцеловала в щеку, и крепко прижалась к груди. "Пора!" по-думал я и поспешил обернуться в свое, земное обличие!

Вика ничего не соображала, она приняла эту метаморфозу как должное и тут же принялась со мною целоваться.

- Сереженька, - говорила она. - Я люблю тебя, миленький!

Мне тоже, по старой памяти, захотелось предаться страсти, и я познал Вику, и мы наслаждались в томительно-нежных переливах воображения. Потом я увидел, как Юра едет в автобусе домой, ему оставалось две остановки и потом еще минут пять хотьбы, значит, мое время пребывания в Викином сне ограничивалось уже десятью минутами.

- Хватит! - резко, неожиданно для девушки отрубил я и отклонил таявшую Вику от себя, крепко держа ее за плечи.

- Ну, Сережа! - упрямо капризничала она.

- Слушай внимательно! - предупреждающе и довольно сурово сказал я и встряхнул девушку за плечи. Она встрепенулась, опьяненная страстью, но насторожилась.

- Это - не сон! - как можно внушительнее определил я для Вики. - Все, что я буду говорить, запомни и слово в слово передай Юре! Ясно?

- Ясно... - пристально присматриваясь ко мне и словно что-то вспоминая, покорила она...

Вика рыдала, сидя на диване. Юра суетился возле нее: успокаивал, подносил воду в стакане, становился перед девушкой на колени и целовал мокрые от слез щеки.

- Я умоляю тебя, расскажи все по порядку, Вичка, я знаю, я чувствую, что это серьезно. Ну перестань, родненькая, не плачь! Мы должны ему помочь! Что он еще, сосредоточься, пожалуйста, что он еще сказал? - уговаривал девушку Юра. Наконец, мне это надоело, и я выдернул из Викиной головы, будто серебряный волосок, мысль о жалости ко мне, и Вика тут же успокоилась, словно актриса, выходя из роли и переходя на разговор с режиссером о генеральной линии спектакля.

- Он сказал, - проговорила она рассудительно улыбнувшись, - чтобы ты, Юра, не пугался встречи с какой-нибудь неожиданностью в твоей жизни или таинственностью и не

бежал бы рассказывать об этом всем, кому ни попадя, а так же не вздумал идти на прием к психиатру при обнаружении необычного! Словом, передал тебе Сережа, что бы ни происходило - это будет дело его рук. И еще... - Вика призадумалась. - И еще он сказал: "Это все необходимо для моего спасения, Астрал - действительно существует!" - это буквально его слова!

- Повтори еще раз, - попросил Юра.

- "Это все необходимо для моего спасения, Астрал действительно существует!" - повторила девушка. Чтобы ситуация не показалась странной при воспоминании о ней, по крайней мере для Вики, за Юру я теперь был спокоен, я вернул серебристый волосок мысли о жалости ко мне обратно в искрящуюся голову девушки, и Вика снова, будто опомнившись, разрыдалась...

Посещение

Сабинушка, зябко поджав ножки, спала в соседней комнате на раскладушке. Наташа, медленно, на цыпочках мыла посуду на кухне...

Теперь у меня дома многое существенно изменилось: моя мама уступила свою комнату, а сама перебралась в мою спальню. В ту же мамину комнату перенесли и меня, точнее - мое земное тело, и уложили его на диван, и отгородили легкой разноцветной ширмой. Так и вышло - из одной маминой - две комнатки. В первой едва помещался диван с моим земным телом, в другой комнате среди остальной мебелировки настороженно проживала моя таинственная семья: уже двухлетняя дочурка и Наташа, жена...

Вначале я приблизился как можно ближе к физическому плану, так притиснулся к его плотным красочным формам, что меня увидеть конечно нельзя было бы, но если бы кто-то, например, Наташа, вошел бы сейчас в комнату, он наверняка бы ощутил теплоту моего зависшего воображения здесь, посредине комнаты, возле Сабины. Конечно, такая густота моих чувств значительно утяжеляла мое психическое равновесие, и теперь оно существенно походило на чисто земное состояние, состояние, когда человек может и выйти из-под собственного контроля, и натворить чего-либо такого, в чем он потом будет раскаиваться и сожалеть. Но ничего поделать было нельзя, ибо лишь в таком астральном сгустке, состоянии утяжеления, концентрации, насколько это было возможно в моем арестантском положении, концентрации моих чувств в отъединенную теперь от земного тела сущность, мог я смутно, но различать подлинность физических, плотных очертаний земли, а не довольствоваться надоедливо-доступным: пластилиновостью и гармоничным простором Астрала!

Сабине в это время снился удивительный сон!

Девочка ласкала мамины груди, целовала их и потихонечку, наслаждаясь, отсасывала из них молоко, которое покапывало у нее с розового подбородка на колени. Обе они, мама и дочь, блаженствовали, были голенькие, нежились и целовались...

Не знаю, что руководило мною, но я, будто погибающий от неистощимого голода, увидевший спасительную монету, кинулся к земному телу моей дочери!

На несколько секунд я остановился возле этого тела, и у меня промелькнули стихи, которые когда-то пытался я посвятить Викиной дочери, но так и не окончил их:

Девочка-кокетка

На велосипеде,

Будто бы конфетка,

Крошка - мятный ветер!

Крохотные дали

Привлекают девочку,

Колесо педалят

Ножки, словно белочки!..

"Стоп", - попытался я сказать себе внутренним всплеском воли, но мои отчаянные барьеры нравственности и самообладания рушились...

Сабина была еще несмышлена и не умела контролировать неосознанно во время сновидения свое земное тело. Желание пожирало меня!

Сгусток моих чувств вибрировал и грозил мне таким уплотнением, что меня смогли бы тогда увидеть, как призрак на физическом плане!

Этого допустить никак нельзя. Оставалось выбрать что-то одно: либо вернуться в безвременность Астрала, либо войти в тело, в земное тело моей дочери!

Наконец, секунды колебания остановились. И я, о Боже, вошел в земное тело малютки!

Теперь это уже был сон, астральный сон, ибо, для того чтобы обладать земным телом, надо уснуть в Астрале или хотя бы вздремнуть!

Желания и чувства - это всегда проявления воли. И вот мои желания и чувства отчетливо улеглись в размеры детского тела. Пока моя дочь невинно обвораживалась сном, я, словно маньяк, пошевелил кончиками своей воли и силою поднял земное тело девочки с раскладушки и открыл ее глаза!

Теперь я резко видел, как раньше, физический мир! И меня в первую же секунду обдало тоской, страшным чувством потерянности чего-то самого что ни на есть близкого и дорогого. В следующее мгновение Сабина, а точнее ее земное тело, руководимое мною, с одержимо взрослым выражением лица твердо зашагало за ширму!

"Тело! - ударила меня мысль. - Мое тело! Я так соскучился по нему!" - вслух сказала крохотная девочка, сказала без каких-либо погрешностей в произношении, сказала так, что если бы кто-нибудь мог услышать это, он неминуемо бы испугался. Тело моей дочери было до такой степени тесным для меня, что казалось, оно - вот-вот растрескается!

Я шагал слабенькими ножками, делая эти крохотные шаги, будто играл в карманные, величиной со спичечный коробок шахматы!

Я все время боялся сделать что-нибудь не так, какую-нибудь неловкость, непростительное, необдуманное резкое движение: ведь мое воображение не было так сковано во взмысленности, в такие маленькие рамки. По своему жизненному опыту я был взрослым человеком, мужчиной, и все мои движения, освоенные за долгую жизнь, никак нельзя было полностью перенести на неуклюжее тельце дочери. Я не знал, а это являлось особенно грустным и вызывало особую настороженность, не знал я самого главного, пределов этого земного тельца, и, что еще важнее, я и не чувствовал их!

Да! В том-то и состоял риск овладения чужим челом, а тем более телом маленького ребенка, что никакой боли не ощущаешь в нем!

И потому шагал я хотя и уверенно, но достаточно настороженно. Достаточно было сделать один неверный шаг, в полном объеме взрослого человека, и я незамедлительно бы натворил бед, и, возможно, непоправимых!

Эти маленькие ножки!

Связки, сухожилия могли, попросту говоря, порваться, в любой момент могла бы хрустнуть какая-нибудь, еще такая "молочная", косточка!

Нет! Не дай Бог! И потому я хотя и шагал одержимо, но какое-то усилие, островок нравственности, так же одержимо помнили об ответственности!.. Ну вот, я стоял у изголовья своего земного тела, сосредоточенно всматривался в свое, казавшееся безжизненным, заостренное лицо. Муть ожесточенности к бессилию своего положения, безумное сожаление о происходящем начинало одолевать мой рассудок. Но я еще с трудом, но мог сдерживать себя. Так я простоял у своего изголовья некоторое время: в молчании, в переосмысливании всего на свете. Вскоре я почувствовал, как Сабинино сердечко заколотилось, ее дыхание стало прерывистым, спазмы окольцовывали горлышко. Подобные взрослые переживания были способны убить малышку!

Сердечко могло бы не выдержать, а детские легкие - просто порваться!

Насколько у меня хватало сил, я сдержался, но слезы, они все-таки покатались, закувыркались по щекам девочки. Маленькой ручкой я прикоснулся к жестким волосам моего земного тела, и неожиданно захныкало и громко разрыдалось Сабинино лицо!

Да, я плакал, отчаянно ревел детским голосом...

Вбежала в комнату Наташа, о ней-то я совсем забыл!

И тут я обернулся назад на ее зов и взглянул серьезно ей в глаза так, что Наташа -

остановилась на мгновение, как замороженная.

- Наташа! - громко и внятно сказала девочка, но тут же я замолчал, ибо последствия для моей Сабинушки, если бы я продолжал говорить в ее теле, оказались бы непредсказуемыми...

- Сабинушка, что с тобой?! - кинулась наконец опомнившаяся Наташа ко мне и обняла свою дочь. Но как только Наташа обняла мое хрупкое тельце, я тут же пришел в себя: немедленно сосредоточился и покинул тело своей дочери, и завис в изнеможенных чувствах поодаль. Остальное произошло по сценарию природы: Сабина проснулась, пришла в себя, уже будучи на руках у растерянной мамы, целовавшей и отчаянно обнимавшей дочь.

- Сабинушка, доченька, тебе что-то приснилось страшное? Успокойся, маленькая, мама с тобой, все хорошо...

Девочка была абсолютно спокойна после того как проснулась, и подобный перепад немало насторожил Наташу, и она даже недоверчиво огляделась по сторонам.

- Я плакала? - заинтересованно и неуклюже пролепетала Сабинушка.

- Да, малышка, да, Сабинушка, - приговаривала Наташа, и слезы едва сверкнули у нее в глазах. - Скажи, ты, наверное, плакала о папе? Ты хочешь, чтобы он встал? Да, маленькая?

- Мама, мама! - потербила Сабина свою разволновавшуюся маму за отворот халата.

- Что, доченька?

- Мама, я хочу си-и! - закапризничала девочка.

- Да ты что! - игриво удивилась Наташа, этот поворот ее немного успокоил. - Ты же у меня такая взрослая!

- Хочу си-и! - не унималась Сабина, и действительно, теперь уже по своей воле, начала хныкать и уже приготовилась разрыдаться.

- Вот это да! - укоряла ее Наташа. - И не стыдно тебе? Ведь сисю сосут только маленькие детки!

В библиотеке Чувств

... Я долго так страницы перелистывал,

Осмысливая буквенную вязь,

И мне хотелось дня такого чистого!...

А на страницах: черной краски грязь.

Довольно книгу перепачкал рок,

Лишь белые просветы между строк!...

Но все же нет!... Здесь истина права:

Чтобы прочесть союз добра и зла

Все в черных красках светлые слова...

Я прочитал это, свое, случайно разлистнутое по настроению, стихотворение, захлопнул книгу и поставил ее на одну из полок моей астральной библиотеки и призадумался...

Астральная комната, я давно здесь не был, но теперь хорошо владел ее законами, и стоило мне чего-либо пожелать, как это желаемое, возникшее всего лишь, как я называл, "во взмысленном вдохновении", другими словами - в осмысленном течении воли, итак, желание являлось в том или другом незамедлительно сформированном образе, такое доступное, невинное и податливое. Вот и сейчас я сидел в удивительном астральном кресле, какое только могла придумать, вообразить в самом совершенстве, самая гениальная инженерная мысль, там, на Земле. Кресло реагировало на мое настроение, изменяло цвет и величину своих частей, оно как бы было связано с моим подсознанием, в различных местах своих могло уплотняться, даже растворяться до ощущения свободного парения у сидящего, также оно принимало любые конфигурации: усаживало, наклоняло меня в любые стороны...

Но абсолютно не этим комфортом были сейчас заняты мои осознанные просветы раздумий. Я перебирал мысленные тропы, чтобы наконец добраться, выбраться на необходимую магистраль волевой устремленности, которая выведет мою осознанную душу к светоносному решению. Но пока только лишь мои мыслительные тропы изматывали мое воображение, заставляли еще и еще раз пробегать по ним. Мне часто вспоминались Саша Корциков, Аня Олейникова. В Астрале я их не встречал. "Видимо, - рассуждал я, сидя в

астральном кресле, - Саша находится где-то в Ментале, а вот Аня, она, вероятнее всего, не занимается серьезно Астралом. Я же помню, как она сказала мне как-то: "Хватит, я один раз получила такой возвратный удар!" Уже не в первый раз мне приходилось оживлять в своей памяти образ учителя Ивана. Он тоже не появлялся. И как ни старался я призвать его на помощь, усилия мои были тщетны. А отыскать Ивана самому у меня не хватало астрального опыта, ибо подобные похождения неизвестно чем способны закончиться!

"Странно, - рассуждал я. - Не может быть!"

Ведь Иван обязательно пользуется пространствами Астрала, тогда почему же все-таки он так и не вышел на меня?..." Далеко удаляться от своего земного, так сказать, дома, я не очень-то часто старался: боялся, что если мои астральные враги, шайка Остапа Моисеевича, способны были заблокировать мое возвращение в земное тело, то вполне не исключена и вероятность подобного же блока или какого-либо иного ухищрения, неведомого мне, и тогда не удастся возврат даже в астральное пространство моего земного тела, как говорится, "пиши пропало": я не сумею выйти на контакт ни с Юрой Боживым, ни с кем-то другим, близким мне человеком, не то чтобы пытаться искать варианты овладения своим земным телом!

Однако мое пребывание в астральном мире не сопрягалось с особыми трудностями. Меня никто, по крайней мере пока, не преследовал и не обижал. Все протекало плавно и четко: образы выказывали мгновенное послушание, а мысленные островки сохраняли сокровенную свежесть. Словом, чувства верно служили мне и не отягощали моей, теперь наработанной, мускулистой воли. "И все же, почему Иван до сих пор не поможет мне? - повторял я свой незадачливый вопрос, который исподволь, но одолевал меня. - Он, не может же не знать, что такое летаргический сон! возмущался я учителем, но тут же немедленно оправдывал своего наставника по Астралу. - А почему, собственно говоря, он обязан мне помочь?!"

Это мои трудности, мое испытание!

Все, что он мог дать мне и успеть пояснить, он дал и пояснил, остальное зависит от меня самого!

Сам я должен найти выход и стать, наконец, тем самым Победителем из Первой Тайны Священной Книги Тота!

Ну, хорошо!

Придет учитель, поможет мне, и что тогда? Да ничего!

Пусть даже поддержит меня Иван, как говорится, "своей ладонью", поддержит некоторое время, и все, - не выход это из положения!

Надо победить только самому, ибо если я не смогу одержать верх надо всем этим сейчас, а лишь понадеюсь на чужую помощь, воспользуюсь поддержкой учителя, то я неминуемо проиграю, потерплю крушение в чем-то следующем, в еще более серьезном и трудном, нежели теперешняя ситуация, мое астральное заключение. Нет уж, побеждать - так побеждать самому, побеждать основательно, бесповоротно!" Я подался немного вперед в обмякшем кресле, и снова достал один из томиков астральной библиотеки, и разлистнул его:

Всеобъем

Какое чудо - одиночество!

Оно мне дарит лишь меня...

Я становлюсь - Мое Высочество,

Себя единственно пленя...

Я помещусь в пространстве узеньком,

Не я, - пространство будет узником...

Я перелистнул страницу, не дочитав стихотворение, и пробежал глазами следующее:

Скоморох

Одинокое безумство

Рядом, около меня...

Дружбу, вражество и пусто

Предлагаю слепкам дня.

Я шагаю им навстречу,
Плачу или хохочу:
Утро, день и снова вечер,
С ночью я - плечо к плечу!
Засыпают все излишья
Дети ночи... Я - трубя:
В размышлении затишья,
В одиночестве себя...

Дочитав скоро это стихотворение, я слегка отклонился назад и отстранился от книги взглядом. И тут - свершилось нечто невероятное!

Можно было ожидать многое, самое сногшибательное и неповторимое, но только не это, как подумаешь, - простенькое, но величайшее и так необходимое мне!

Если ничего не ждешь, значит, что-то ждет тебя; если ничего не встречаешь, значит, что-то встречает тебя!

Так и я по прочтении последнего стихотворения находился в довольно отрешенной дреме моих помыслов, я выразился бы даже так: мои думы не покидали меня, но они перестали быть активными, они дрейфовали, а чувства плавно переливались по собственному хотению. Вот почему и произошло это событие!

И вот в чем оно заключалось: открытие!

Да, такое, стремительно возникшее, открытие сделал я в своей астральной библиотеке, что отныне эта библиотека становилась координационным штабом, пунктом моего астрального наблюдения за текущими событиями, начиналась новая эра моего пребывания в астральном мире. С великой жадностью и прилежной трогательностью я схватил с полки первый том моего астрального дневника. Нет, не то!

Здесь период освоения Астрала, когда я еще пребывал в земном теле. Тогда я срочно вернул первый том на место и живо выхватил из книжного ряда и разлистнул второй!

Перебрав добрую половину страниц, я радостно рухнул в астральное кресло, ошарашенный найденным, и начал незамедлительно читать. Когда я сделал, будучи в астральном плену, открытие - заглянуть в свое будущее через посредство второго тома моего астрального дневника, то мне стало ясно, как надо действовать дальше, и я уже полчаса спустя приступил к строгому и неукоснительному выполнению собственных описаний этого выполнения!

Заместитель меня

Прежде всего я должен был определить сущность астральной шайки Остапа Моисеевича: представляет ли он организованную кем-то структуру или же действует по иронии судьбы, по своему стихийному усмотрению. Вспоминая те недолгие отрывки астральной жизни моих врагов, отрывки, которые подсмотрел я когда-то и с которыми столкнулся в своем сегодняшнем несчастье, я еще и еще раз проанализировал, ответственно прочувствовал каждую мелочь. "Ну, хорошо! - рассуждал я, - они заблокировали меня ведь не ради же каприза, не ради же только лишь своей узкой засекреченности, ее сохранения, они поступили со мною столь сурово и даже не попытались, как это водится в подобных случаях, предложить мне, ну, скажем, определенное место в своей компании, дабы подчинить меня, от которого бы я все равно отказался, но все-таки, мне кажется, они вначале бы поугаили, предупредили, соблазнили? Хотя - стоп!...

Как же это я забыл? Екатерина же сообщила мне об опасности заблаговременно и совращала по указу, и контролер ударил меня неспроста!

И все же не все здесь гладко стыкуется!...

К примеру, Екатерина же, если и предупредила меня о готовящихся провокациях со стороны шайки, то чисто из человеческих побуждений, сама предупредила, вразрез установке моих врагов, взяла да и призналась она мне в намерениях соблазнить меня, и что подослана именно для этого; а контролер, да он просто хотел - и я мало сомневаюсь в этом, ибо ударил он сильно и наверняка, - пытался убить меня!

Значит, с самого начала определялась платформа - убрать меня с физического плана, потому что если бы врагам понадобилось больше, то они, не испытывая особенных трудностей, продолжали бы меня преследовать и здесь, в Астрале, а то ведь словно забыли обо мне, оставили в покое!

Итак, вывод: меня убрали с физического плана, и убрали, как я предчувствую, не шайка сама по себе, а шайка по чьему-то особому, подготовленному заданию!

И отсюда еще один вывод: следовательно, шайка занимается не просто кратковременными развлечениями, а тщательной, выверенной астральной деятельностью и, видимо, не божественного порядка, иначе зачем же понадобилось избавляться от меня сразу, без колебания?!

Потому что знали, что я не того склада, знали, что не соглашусь сотрудничать во зло, но могу помешать!

А знать могли только лишь с более мощными, нежели Астрал, способностями управители!" И все-таки Екатерина!

Да, да!

Именно она. Именно она как никогда подходящая сейчас кандидатура!

Мне надо срочно встретиться с ней, потому что она способна понять меня, в конце концов, способна встретиться со мною в подходящих для меня теперь условиях, появиться на уровне естественном для меня, а не в трансе все больше беспамятливой, заторможенной сонливости!

Да здравствует Екатерина Васильевна!

Итак, я решил во что бы то ни стало, срочно, разыскать подругу Зои Карловны, подругу библиотекарши когда-то моего кинотеатра...

Все было бы легко и хорошо, если бы не имелось у меня одной, немало мешающей мне трудности: из Астрала мне было не всегда так уж и легко попадать в настоящее время земли случалось искать возврата, ибо настоящее время в Астрале вмещало в себя все время земли и астральные действия происходили вокруг меня по мере определенного, сиюминутного, я бы сказал, своеобразного развертывания моего воображения. Вот еще почему старался я меньше уходить в другое время и даже пространство, а больше удерживался в развертке настоящего времени земли так, чтобы оно параллелило мое воображение со своими текущими действиями, чтобы все метаморфозы физического плана, абсолютно без каких-либо различий, совпадали бы в обоих планах, начиная отсчет с моего засыпания, и в текущем с такой скоростью времени, как если бы я и вовсе не засыпал. Иными словами, я старался продолжать жить и здесь, в Астрале, и в том же физическом времени, в котором находилось в летаргическом сне мое земное тело, спящее на диване за ширмой у меня дома. Я так боялся или сказать помягче, побаивался потерять это гармоничное для меня время обоих планов, и все более, терпеливее находилась я в этом времени, и даже в своей астральной библиотеке установил огромные часы, которые показывали не только секунды, минуты и часы, но и дни, месяцы, годы, эпохи!

Неожиданно легко мне удалось очутиться в астральном образе помещения книгохранилища библиотеки того самого кинотеатра, где я провел время своего таинственного директорства. Сам не понимаю, почему все же раньше я не пытался даже приблизиться к этому злополучному месту? Логика, словно реверансы, выводила завитушки, уродливые завитушки ответов на вопрос "Почему?" но мое сознание, огорченное астральным томлением, отказывалось воспринимать логические штампы страха!

Видимо, я должен был, хотя бы разок, но рискнуть: "Лучше поздно, чем никогда!" Прежде чем сказать о том, что же я увидел здесь, в библиотеке кинотеатра, я думаю, существенно будет объяснить одну интересную особенность, я бы сказал даже неуютность Астрала для меня: весь физический мир, мир плотных форм полностью по желанию моего мыслительного воображения конструировался, отражался в астральном мире мгновенно и без искажения, но это отражение абсолютно, практически не замечало меня, не реагировало, существовало как бы само по себе!

Нет, я конечно же мог позволить себе усесться в астральный образ, скажем, какого-то стула, находящегося в данный момент там, на земле, но вот заговорить с астральным образом человека я нисколько не мог!

Нет, воздействовать на астральный этот образ, образ человека, я, естественно, косвенно, но умел, и это было мне легко доступно. А вот заговорить, чтобы там, на земле все это восприняли как естественное и доступно понятное, привычное...

Подобное не являлось возможным!

Для того необходимо мне было либо сгущаться, о чем уже упоминал, до астрального сгустка, призрака, чтобы меня заметили на физическом плане, либо общаться непосредственно с людьми, когда они покинут земное тело во сне или в медитации и их сознание окажется лишь в астральном теле. Нет, скажем, подой-ти, приблизиться к чьему-то астральному телу здесь, в Астрале, и, предположим, отвесить поцелуй я, без сомнения, мог, но человек там, на земле, астральное тело которого я поцеловал, всего лишь может быть ни с того ни с сего улыбнется от какой-то неожиданной приятности и даже, возможно, отыщет у себя ту или иную мысль, которая вызвала эту приятность, и вовсе не догадается о моем поцелуе; либо наоборот - осерчает, особенно горячо, если мой поцелуй пришелся ему невпопад, некстати, не под настроение!

Итак, я довольно легко очутился в складском помещении библиотеки бывшего моего кинотеатра, и неожиданный успех обрадовал мое воображение!

Мне повезло! В момент моего появления Екатерина Васильевна оказалась будто выжидательно и покорно сидящей за столом. Она словно предчувствовала мое появление или же, действительно, и в самом деле ожидала таковое. Короче, стоило мне обнаружить самого себя в библиотеке, Екатерина тут же как бы слегка встрепелась, будто вспомнила что-то важное. И хотя она продолжала перелистывать один за другим разноцветные "Крокодилы", но я-то чувствовал, сознавал, что смотрит в эти журналы ведьма так, словно для приличия спрятала глаза, дабы не глядеть, к примеру, на голого мужчину, случайно вошедшего к ней сейчас в комнату. Теперь, когда я немного освоился, зависнув неподалеку от Екатерины, я мало уже сомневался, что так называемым "голым мужчиной" оказываюсь непосредственно я. Ведьма знала толк в Астрале и не заметит мое появление не могла!

Но пока Екатерина Васильевна не выказывала каких-либо действий и даже чувственных намерений по отношению ко мне, а только лишь нечто едва уловимое в ее состоянии выдавало ее знание. Я, будто предупреждая себя, знал, что вот-вот произойдет.

Так, по своим особым приметам опытные люди в яркой солнечный день предсказывают близкую непогоду или наоборот.

- Сергей Александрович, - тихо, как-то определенно вдумчиво и не поднимая головы в мою сторону, произнесла Екатерина. Я тут же радостно отреагировал на это вполне астральное обращение к моей измученной одиночеством персоне. Чувства переливами прошлого взволновали мое сознание, отчего я даже промолчал невпопад!

- Не затаивайтесь! - воскликнула ведьма. Она продолжала все так же сидеть за библиотечным столом книгохранилища и будто вслепую перелистывать журнал. - Ну, так как, - не унималась Екатерина, - будем продолжать молчать?

- Я не привык разговаривать таким способом, - наконец освободившись от картин прошлого, сказал я. Ведьма говорила там, на физическом плане, обычно, словно сама с собою, словами, выраженными голосом, но здесь, в Астрале, я не мог слышать и в таком же, естественном земном смысле ее разговора, а я как бы осознавал через свои, разлитые в пространстве моего воображения, чувства, осознавал доподлинность ее слов, и они звучали в моем сознании, я всего лишь видел, как у астрального образа ведьмы шевелится рот и обнажаются в сочном блеске белые зубы соответственно своему земному рисунку. Таким же свойством обладала и моя астральная речь.

- Каким же способом вы, Сергей Александрович, не при-выкли разговаривать? - уточнила ведьма.

- Вы абсолютно ни разу даже не посмотрели в мою сторону! - укорил, но не

настойчиво, я Екатерину. Екатерина подняла голову и посмотрела на меня в упор.

- А я что я могу сказать? - донесли мои робкие и печальные чувства до астрального воображения ведьмы, и она тут же признательно уловила их.

- Я невольная соучастница в вашей судьбе, Сергей Александрович, поверьте, иначе поступить я не могла.

- А я вас не осуждаю, Екатерина Васильевна. В моем теперешнем положении виновата моя поспешность обладать предметом своего желания. Я выходил в плавание в жалком суденышке своего духовного равновесия в необозримо непредсказуемый океан Астрала. За что я и поплатился нынешним заточением.

- Не преувеличивайте, Сергей Александрович, всем нам когда-нибудь предстоит пройти это святилище! Вы приобретаете бесценный опыт!

- Не сомневаюсь, что бесценный, но я же еще весьма многое не отработал на земле, взять хотя бы ту же мою невыдержанность! Разве не так?!

- Кажется, если вы явитесь понастойчивее и попредприимчивее, то обязательно отработаете, и скоро!

- Екатерина, давай не будем красноречить! А?

- Короче, что вас интересует, Сергей Александрович?

- Мне важно получить ответы на три вопроса. Первый - за что я оказался запертым здесь, в Астрале? Второй - как отсюда выбраться? Третий - я могу надеяться на вашу помощь или хотя бы молчание?!

- Не думаю, Сергей Александрович, не думаю! воскликнула озадаченно ведьма, отчего я слегка уже пожалел о своей такой наивной и простодушной болтовне и даже о появлении здесь. - Не настораживайтесь, Сергей Александрович, молчать я умею, но помочь вам, - Екатерина призадумалась, приумолкла, ее впечатляющие глаза юлили по сторонам, а я напряг все свои чувства до предела, будто ожидая приговора, - но помочь вам, - повторила Екатерина, - я смогу, наверное, но только в том и тем, чем могу! - хладнокровно, но покровительственно заключила она. И некоторое облегчение освежило мое растрепанное настроение, и теперь я почувствовал, что - чаши весов "да" и "нет", по крайней мере, уравновешены.

- Ну, хотя бы теперь, - продолжая разговор, пока еще теплилось дружелюбие, заговорил я, - я могу узнать, Екатерина Васильевна, как вы попали в свое положение, стали ведьмой? Вопрос о том, как выбраться мне из Астрала, я решил немного отложить, и предварительно, из вытекающих отсюда тактических соображений и чтобы еще более расположить к себе Екатерину, спросил ее о близком именно ей. - Это, видимо, весьма удивительное занятие, быть ведьмой?! - с некоторой поспешностью добавил я и тут же осекся. "Переиграл..." подумалось. Екатерина сразу же уловила мой тон и мою тщательно скрываемую интересом к ней степень озабоченности.

- Только не стоит впадать в такую выразительно подчеркнутую речь, будто мои обязанности ведьмы и впрямь волнуют вас так непосредственно! - сказала она.

- Извините, я не предполагал вас...

Но Екатерина оборвала меня:

- Мои обязанности ведьмы не так уж и сильно отличаются от какой-либо другой работы! Не удивляются же настолько профессии водолаза, Сергей Александрович?!

- Извините, - снова пробормотал я, - я не предполагал вас.. Но вы, - словно опомнился я, - вы сказали "обязанности"! Не стоит ли это понимать, что вы подневольный человек?!

- Да, именно так мое дело и обстоит, - сожалеюще, даже с печальным оттенком, проговорила ведьма.

- Расскажи, Екатерина! - взмолился я, и на сей раз это не просто получилось, а вырвалось у меня естественно. На ходу, краешком сознания я уловил, что перешел на твердое "ты". "Это во мне просиял прежний любовник Екатерины", - подумал я, но тут же уточнил:

- Расскажи, как же все это с тобой произошло?!

- А зачем тебе это, Сергей Александрович, Сережа?... будто с мечтательной горестью отозвалась Екатерина. - Твое положение от моего рассказа не изменится, - колеблясь в точности своего измышления, определила она и настойчиво присмотрелась к немного вибрирующим, разноцветным оттенкам моего астрального тела.

- И все же! - не успокаивался я, просительно заставляя ведьму заговорить.

- Ладно, - как-то равнодушно, врасстяжку, но впечатляюще произнесла ведьма, - слушай... Вначале я жила обычным человеком, слегка верующим, слегка не верующим в Бога, чуть-чуть суеверным, а по большей части - невежественным, да что там "по большей", - абсолютно невежественным человеком в отношении моих, сегодняшних, все-таки еще далеко не таких искусных, знаний. Ты помнишь, Сережа, Людочку? - неожиданно прервав свой рассказ, обратилась ко мне с вопросом Екатерина.

- Еще бы не помнить! - немного всполошился я. - Это из-за нее я сейчас торчу здесь, в Астрале!

- Да, тебе не стоило ее спасать! - попутно заметила Екатерина.

- Знаю. Но теперь что об этом говорить впустую: что сделано, то сделано! Поздно: остался один вывод!

- Вывод, - улыбнулась ведьма, - это уже хорошо! Ну да не об этом сейчас речь. Я тебе напомнила о Людочке не случайно, потому что именно так же все это начиналось и со мною. Екатерина призадумалась, но не мечтательно или тяжело осунувшись, а призадумалась так, будто подыскивала подходящие слова, и наконец снова продолжила свой рассказ. - Вначале, как и с Людочкой, они, ты знаешь, о ком идет речь, - сказала ведьма, и я понимающе подкивнул ей, - так вот, они тоже воровали силком, все больше по ночам, мое астральное тело. Это начало случаться где-то через год после того как я поступила работать в кинотеатр.

- Так ты тоже здесь раньше работала?! - удивился я.

- Да, методистом, но потом вынуждена была, под их же опять влиянием, перейти работать в другое место, нужное, как мне потом объяснили, для их деятельности.

- Для их деятельности? - переспросил я.

- Да. Но, позже об этом! - отрезала Екатерина, и я не стал настаивать, хотя это-то меня больше всего и беспокоило, ибо эта разгадка означала путь моего освобождения, но я трудолюбиво усмирив свою настойчивость к свободе и возвратил, подчинил свое внимание последовательности рассказа Екатерины. Итак, ведьма словно мимоходом отговорила от моего вопроса, отослав его на "потом", будто невзначай оглянулась назад на пути своего повествования и снова продолжала:

- Тело они воровали мастерски, - сладко проговорила она, будто ей даже это и нравилось, - воровали так, что я и не подозревала о приближающейся кабале!

Ах! Какие мальчики ласкали меня тогда в моих снах! выдала свою нестерпимую усладу воспоминаний ведьма. - Мне думалось, что у меня прорезались своеобразные, настойчивые, даже навязчивые, но приятные сны, и я от них и не очень-то мыслила отказываться!

Муж у меня был неважный "труженик", не передовик по женской части, - и она прихихикнула. - В своих снах я все больше пребывала среди одной и той же компании, правда, в различных азартных ситуациях. А в компании была добрая половина знакомых лиц, которые чуть ли не каждый день находились возле меня и днем, - это сослуживцы по кинотеатру!

Тогда, вначале, я еще даже и рассказывала, по наивности своей, этим сослуживцам, приходя на работу, некоторые свои сны, - все рассказывать стеснялась! - юльнула глазами ведьма. О, я помню, как мы все вместе хохотали, как я теперь понимаю: я над происшествиями снов, а они - над моей впечатлительной доверчивостью!

Но, мало-помалу, я начала замечать, что мои так называемые выдумки сна стали переходить, входить в мою повседневную жизнь, они начали даже незаметно вмешиваться и руководить течением моего дня!

Настоящего дня, течением моего бодрствования!

Сны стали сбываться!

И дошло до того, что то, что я проделывала в своих сновидениях, определилось исподволь, вначале ненароком, под видом совпадений, а потом и реально, полностью своими отчетливыми воплощениями! "Реализациями" - как говорят они. И наконец, я почувствовала в себе силы осознавать себя во сне, осознавать так, как если бы я не спала!

Как и во время бодрствования!

Короче, я начала самостоятельно жить во сне, управлять его течением и в конце концов престала удивляться продолжению своей жизни земной, но во сне...

Но уже тогда мне что-то приходилось делать с моими сослуживцами, проделывать разные штучки, и мне это, не скрываю, нравилось!

Потом и я и они уже и в реальности начали ссылаться на сны, как на то, что мы в действительности, скажем, вчера сделали или пережили вместе. Будто все это было не во сне, а на самом деле!

Так грань между сном и так называемым реальным, дневным миром - стерлась окончательно, и я вошла в бесконечную жизнь!

Я теперь никогда не спала, а вскоре от меня потребовали полного молчания обо всем...

Потом совершенно уже для меня не выглядело пугающе, а даже привлекательно мое новое состояние!

Они научили меня выходить в низший Астрал, тогда я уже знала, как это называется, научили выходить не только во время сна, но и в любое по собственному желанию, моему желанию, время. И тут-то, освоив этот навык, я впервые поняла, что обратной дороги - нет! Что теперь я оказалась - ведьмой!

Все мое существо протестовало, мне очень хотелось вернуться к обычной человеческой жизни, с естественным чередованием дня и ночи, но теперь мои "учителя" насильно стали мне давать различные поручения, от которых отказаться я была уже не в силах!

И какие только гадости они не заставляли делать, и потихонечку я приходила в ужас от понимания того, в какую компанию я попала!

Не раз я пыталась порвать, я еще надеялась расстаться с вершителями моей судьбы, но тщетно...

Как только я делала очередную попытку подобного разрыва, как только я спохватывалась и стремилась к отъединению, они начинали меня преследовать, одолевая астрально: у меня начинало печь ни с того ни с сего все тело, прямо-таки горела душа, все внутренности пылали...

Короче, я заболела неизвестно чем; неделями находилась на больничном, направлялась во всевозможные клиники, даже предлагали в психиатрическую!

И все врачи только лишь разводили озадаченно руками и твердили: "Видимо, вегетативная система!" Но только я знала, что это были не нервы...

Вот и пришлось мне волей-неволей, но вернуться к ним, по-просить пощады и покровительства, короче, остаться ведьмой. И обратной дороги, мне, видимо, нет никогда!.. Так-то, Сергей Александрович, так-то, Сережа...

Ведьма замолчала, я тоже ничего не говорил. Рассказ Екатерины еще больше обременил беспросветной тяжестью мое воображение. Но то, что я, вроде бы по-настоящему, обретал союзника, первого союзника, там, на физическом плане, союзника, понимающего меня как мало кто другой, зарождало во мне теперь хотя и настороженную, но радость...

Я так сосредоточенно расположился в кругу астрального общения с ведьмой, что и не заметил, как в библиотеке, там, в основном помещении, возник сердечно знакомый для меня голос.

- Здесь есть кто-нибудь? - негромко и ласково прозвучал он.

- Книги можно сдать?! - тут же послышался еще один, жестковатый, но добродушный и тоже ведомый мне голос!

Екатерино сознание сразу же, словно разноцветный детский калейдоскоп, запереливалось всевозможными образами, оно несколько мгновений будто переплавляло одно в другое знакомые ему человеческие лица, но не определило земного облика голосов!

Тогда Екатерина Васильевна озабоченно поторопилась встать из-за стола и вышла из книгохранилища, так сказать, живьем, на прямой контакт с посетителями, дабы запечатлеть их физиономии. Я тоже по взмыленной астральной тропке последовал за нею.

Да, конечно же, я и не сомневался в своем определении голосов, я точно знал, кто пришел, но все равно: сверкнула, затрепетала неожиданность прихода...

Перед взглядом Екатерины оказались - Вика и Юра!

"Что же их привело сюда?" - втиснулось в меня удивление, и лезвие грусти о прошедшем и недостижимом сейчас, лезвие, уже довольно притупленное о камни негодования, царапнуло болью астральные образы близких мне людей. "Жизнь - не безжалостна, коль рушит! И ты ей боли все прости... Пусть выкорчевывает души, чтобы полянам - расцвести!" - подумалось мне. Но каково же было мое удивление, когда я обнаружил еще одно открытие, астральное открытие для себя!

"Высмотрело солнце среди туч проталину, осветив оконце, грустью опечаленное..." - вот это да!

Оказывается, подсознание, подсознание человека, настроенного на твою волю, способно реагировать!

Да что там реагировать - по существу общаться, образно общаться со мною!

"Высмотрело солнце среди туч проталину, осветив оконце, грустью опечаленное", - так подумал Юра в ответ на мое четверостишие, подумал, даже не зная об этом, ибо сработали не закрепощенные просторы его подсознания... и я уловил в них встречное течение...

И я тут же продолжил образно поэтическое мышление в сторону друга, его подсознания:

И поцелуй, и губы сладки,
Чего-то жаждет тишина...
И вдруг, все то, что было гадко,
Ушло...
И жизнь моя нежна.
Отныне в солнечной капели
Я буду в пряных ласках жить.
Я верю: солнышко отбелит
Печаль прошедшую души...
Иссохло русло огорчений,
Его пустую кожуру,
Как черви трещины прощений
Под солнцем шелушат и жрут!
Приходят радостные вести,
Их веселится толчея.
Отныне сокровенный крестик
Среди людей не прячу я...

Образно промыслив эти строки, я постарался как бы вчувствоваться в обратную реакцию Юры, и вот что я уловил в ответ:

Посреди моей печали,
Вдруг опомнился Восторг!
Будто снова я вначале
Вседержителен как Бог!
Солнце к горлу подкатило,
Распирает светом грудь...
Сочинилась даль мотива,
Даль, - со мною вечно будь!
Поизмучил ветер тучи,
Все растрепаны они:
Отгоняя сон липучий,

По ночам я чистил дни...
Пусть вчера имел я - прочерк.
Впереди рвались - "Они"...
Но сонливы стали ночи,
И бессонны стали дни!

Увлечшись своим астральным открытием, я совсем позабыл, что Юра и Вика, в осознанных лучах своих сознаний, сейчас вели замысловатую беседу с Екатериной Васильевной.

- Да... - протянула Екатерина Васильевна. - Что теперь говорить! Печально, естественно, что печально, но будем, как говорится, надеяться на лучшее...

Ведьма сидела в кресле за рабочим столом Зои Карловны, а Юра и Вика стояли возле этого стола с противоположной стороны и в разговоре пристально изучали свою библиотечную собеседницу, они переглядывались друг с другом, передавая свои впечатления от беседы.

- Там больше за Сережей никакие книги не числятся? участливо спросила Вика Екатерину. - А то мы отыскиали только это, - и все!

- Нет, нет! Больше ничего не числится за Сергеем Александровичем, - отрывчиво подытожила взволнованность Вики Екатерина. - Так вы говорите, - обратилась она к Юре, - что ищете работу?

- Да. В настоящее время я перевелся на заочное отделение в Литинституте и хотел бы найти себе что-нибудь подходящее моему образованию, гуманитарное!

- А это ваша жена? - кивнула Екатерина в сторону Вики.

- Да. Можно сказать, что так, - задумчиво проговорил Юра и добавил немного повеселевшим тоном: - Гражданский брак!

- А-а... - протянула понимающе ведьма, - понятно...

- Юра очень близкий Сережин товарищ, - как бы перевела разговор в иное русло Вика. И тут в разговор вмешаться решил и я, потому что - интересная мысль прикоснулась ко мне! И эта мысль озарила меня радостным предчувствием ...

"А что, если Юра, - подумалось мне, - займет мое место - директора кинотеатра, ведь оно сейчас - по существу остается еще вакантным!

Конечно же, если не принимать в расчет, что исполняет обязанности директора в настоящее время Зоя Карловна!

Ее так и не утвердил райком!..." С таким чувственным настроением я усиленно обратился к астральному образу ведьмы, дабы передать свои пожелания по поводу трудоустройства Юры, и Екатерина правильно поняла меня.

- Послушайте! - воскликнула она, окидывая Юру с головы до ног и с ног до головы. - А что, если вам... Извините, как вас зовут? - уже немного заискивая обращилась она к Юре.

- Юрий Сергеевич, - подсказал тот.

- Так вот, послушайте, Юрий Сергеевич, а что, если вам да к нам, в кинотеатр, на место Сергея Александровича?!

- Мне, директором?! - опешенно озадачился Юра.

- Да, вам, - подтвердила ведьма мой чувственный посыл.

- Юра! А это ведь идея! - воскликнула обрадованная Вика.

- Честно говоря, я-то не против, но я не очень-то знаком с подобного рода деятельностью, - заговорил, слегка покраснев и как бы оправдываясь, Юра.

- Мы поможем! - тоном знатока произнесла Екатерина, подбадривающе подмигнув Юрию Сергеевичу и кокетливо откинувшись на спинку кресла...

* Часть вторая АСТРАЛЬНАЯ ШАЙКА *

Тайна публикаций

Паша Мечетов, мой товарищ-литератор, сидел у себя дома, в когда-то наспех импровизированной комнатенке. А сконструировал Павел себе этот свой "литературный сарайчик" (иначе и не назовешь!), попросту отгородив почерневшими досками от огромных

ящичков крошечную часть единственной комнаты одноэтажного, мазаного домика, что приземисто располагался, будто "лежа на животе", в овраге многожилищного двора, двора, в котором ютились в подобных же домиках, но с преимуществом - на пригорке, еще четыре семьи. В Пашином домике всего было три окна: два остались после "реконструкции" - для семьи, а одно, с серебряными пружинами паутин по углам, словно присматривало за писательской деятельностью Мечетова. Дверь в "литературный сарайчик" закрывалась от занозливой детворы на два проволочных крючка. Обстановка в сарайчике являлась простой: ржавая кровать-одиночка, на которой - ел, писал и спал Паша (к жене на ночь он ходил редко - два раза в месяц), стол, с портативной пишущей машинкой на нем, под целлофановой накидкой, полки для книг на стене до самого потолка, а писательского пространства всего-то оставалось около двух шагов!

Район, в котором жил Павел, был один из самых бандитских в городе. Некогда освобождавшихся от тюремного заключения поселяли здесь, раньше считалось, как бы - неподалеку от города, а теперь город разросся и поглотил этот бандитский притончик. "Здесь каждый: либо сидит, либо сидел, либо будет сидеть!" - говорил свою крылатую фразу Паша, характеризуя свое место жительства. А попал Мечетов в этот райончик по жизненной необходимости: женился, где-то надо было жить, денег в обрез, в городе жилье дорогое, а здесь - захолустье и дешевизна!

Естественно, не каждый сумеет жить среди уголовников! Да, у Паши было трое детей...

Два мальчика, шести и девяти лет, и девочка двух лет. А женился Мечетов, как сам любил поговаривать, "чтобы пить бросить!". После армии он сильно страстился спиртным...

Пол во всем доме Мечетова был грязный, липкий, будто измазанный пластилином. Жена не работала, Паша получал всего сто рублей, но жена по вечерам, и ночам в особенности, все-таки изловчилась добывать деньги! Продавала водку и вино, закупленные днем в червоточных очередях...

- Старший сын еще вроде бы - не дурак, что-то соображает! А младший - бандит! Когда ему исполнится лет десять-двенадцать, - я убегу из дома! - говаривал как-то безысходно и равнодушно Мечетов.

- Ты же ему сам внушаешь, что он бандит, каждый день по возможности повторяешь, напоминаешь, а он, ты смотри внимательно, присмотришь, Паша, слушает, и ему это уже начинает нравиться! Так и действительно он у тебя станет бандитом! убеждал я безрезультатно Мечетова. А вскоре его шестилетний сын залез и затащил с собою старшего брата в соседний дом: все там переломали, что-то пытались украсть... Мечетов абсолютно не уделял времени воспитанию своих детей.

- Я писатель! - говорил он своей жене. - Тебе они нужны - воспитывай, а мне работать надо, хочешь, вообще уйду из дома! - И уходил частенько к своим родителям, которые тоже выпивали, и жене Мечетова ничего не оставалось, как смириться. Писал Паша очень много и очень быстро...

Конечно же о высоком качестве говорить нельзя было, но количество основательно возвеличивалось в ранг качества: Мечетов сочинил около десятка романов, несколько повестей, тучу рассказов, бесчисленное множество стихов, поэм, статей...

Пока Паша не публиковался, было у него одно горе - жажда издаваться!

Но как только Мечетов начал читать свою фамилию на страницах журналов и газет, сразу же пришли новые горести! Но такие коварные, неосознанные, неизвестно отчего и почему возникающие!

Если раньше конкретная цель - печататься - вызывала отсвоего невоплощения истощные боли в душе, раздражала, взрывала, звала и устремляла, то теперь...

Теперь происходило совершенно непонятное, и подозрения уже начинали вкрадчивую подозрительность свою вживлять в наболевшее сознание Паши.

- Что ты ноешь все время?! - укоряла Мечетова его жена. - Ложись и лежи, но прежде ноги попарь да горло пополоскай!

- Чума ты! - вопил Паша в ответ на жену. - Ты что, не видишь, идиотка, - я умираю:

четвертый месяц уже ангина и бронхи как каменные! Простуда!

- Так я тебе и говорю, что лечиться надо, в постели полежать!

- Нет! Тут что-то не так! - озадачивался простуженный Паша. - Всю весну и теперь уже лето болею! Может, меня отравили? Слышишь?!

- Что?! - отозвалась жена.

- Я говорю, может, меня кто-нибудь отравил? А? Как ты думаешь?

- Дурак, кому ты нужен!

- А что, я вон у Капли был в прошлом году в гостях, съел у него тарелку борща - заболел живот и до сих пор вон побаливает!

- Так что, тебя Капля, по-твоему, отравил, что ли?! расхохоталась жена.

- А что? Всякое может быть! - не очень-то уверенно проговорил Паша. - Что ты смеешься?! - заорал он на развеселившуюся супругу. - Может, меня хотят убрать, может, я кому-то мешаю?!

- Ну и дурак же ты, Паш! Кому ты нужен, кроме меня!

- Кому нужен, кому нужен, - не знаю! - огрызнулся Мечетов на жену. - И все-таки... - рассуждал он. - Я заболел простудой где-то в начале марта... А что же было в начале марта? Где я был, у кого, что делал?... Ничего не помню!... Хорошо... А какие события тогда, в начале марта, происходили?... Ага! В начале марта вышел в свет журнал с подборкой моих стихов, я ходил за этим номером сам в редакцию. Так-так... Это уже дает основание что-то да вспомнить... В редакцию я ходил в среду... Посмотрим по календарю - среда, четвертое марта. - И понесло, и поехало, и потащило Пашу по следам воспоминаний: с кем виделся, у кого был в гостях, кто и что говорил, делал и тому подобная распутица воображения рисовала перед Мечетовым картины тех дней... Дальше рассуждения Паши теряли какую-либо основательность и убедительность, ибо, самое главное, суть, с которой Паша так хорошо и догадливо начал свои рассуждения, была пренебрежительно отодвинута, забыта в стороне, она послужила лишь отправной точкой для бестолкового завихрения мозгов по поводу отравления.

И только... А жаль!

Ведь если бы Паша сообразил разлистнуть тот журнал, мартовский номер, где красовалась его подборка стихов, то он, присмотревшись повнимательнее и сопоставив кое-какие детали, верно бы смог определить, откуда сквознячок дует, поддерживая его продолжительную простуду.

Я прокручивал в Астрале заново картину Пашиных переживаний по поводу простуды и отравления, подразумеваемого последним. Это мне хорошо было понимать и рассуждать за кулисами физического мира, у холодных кадров Астрала, рассуждать и правильно видеть сокровенность Пашиной простуды, а ему-то, каково ему!... Да и как он, Паша Мечетов, мог расшифровать, хотя и пытался, тайну своей простуды, тайну публикаций!

А дело было так...

Проститутка

Для того чтобы победить астральную шайку, а точнее - ее коллективную волю в Астрале, я должен был не спеша выяснить, как бы исподволь, со стороны подглядывать, созерцать, анализировать то, чем занималась эта преступная группа. И все это терпение мое могло в какое-то единое мгновение вылиться в один-единственный долгожданный вывод-действие, который озарит мою душу знанием предмета, светом неприкосновенности, ибо то, что понятно, над тем уже не задумываешься, оно начинает восприниматься сразу, целиком, автоматически переходит в своеобразный рефлекс чувств и образов, мыслей, а значит это, понятное, больше не требует затора, траты энергии для овладения им!

И тогда, тогда я вернусь в свое земное тело "автоматом" как говорил мой наставник Иван. Итак, постепенно приближался я к заветному выводу-действию, к свободе. И в этом начала мне активно помогать Екатерина!

Не знаю, что именно побуждало ее. Видимо, изрядно замусоренная, но все-таки сердечно ощутимая, природная человечность, врожденная чуткость чувств говорили в ней...

Таким образом, мне удалось побывать в Астрале актового зала кинотеатра на одной из магических церемоний астральной шайки Остапа Моисеевича...

А дело было так...

Остап Моисеевич, в образе все того же дьявола: с длинным хвостом, копытами вместо ног, с густой шерстью по всему телу, рогами и женской грудью, но с мужским половым членом, сосредоточенно восседал в ярко-красном кресле, за широко распростертым месяцеобразным столом, покрытым черным бархатом. Он восседал как раз посередине выпуклости стола, вплотную к ней, так, что острые углы стола были направлены от восседающего вперед, будто массивные рога!

Позади Остапа Моисеевича, метрах в двух, в таких же точно, словно кровавых, креслах, установленных в ряд, сидели, не шелохнувшись, будто манекены - все члены преступной группы. В космической дали, на зеленом фоне появился перед неотрывным взором астральной шайки светлый квадрат, он немного пошатывался по сторонам и приближался, увеличиваясь тем самым в размерах...

И вот квадрат стал распознаваем в своей сути, он вырос уже в несколько выпуклый, огромной величины экран.

- Кто первый? - торжественно спросил Остап Моисеевич, обращаясь к шайке, но не поворачиваясь к ней лицом.

- Надо убрать одного поэта! - воскликнула задорно Зоя Карловна и положила на левое плечо свою длинную, толстую косу, погладив ее.

- Мотив? - все так же, не поворачиваясь даже на голос библиотечарши, произнес дьявол.

- Если этот поэт прорвется на коллективную память, то многие наши потеряют авторитет, а следовательно, будет ущемлена наша власть, последствия непредсказуемы! - отрапортовала ведьма.

- Ясно! - согласился дьявол, но спросил еще: - А Созерцатель знает об этом?

- Да! - тут же, не задумываясь, подтвердила Зоя Карловна. - Это его собственное пожелание, посыл! - добавила она.

- Хорошо! Что там у этого поэта сейчас намечено из ближайших публикаций? - будто задал вопрос молчаливому экрану дьявольский магистр. На экране появилась книга, она выглядела объемно, увеличенно.

Наблюдая за всем этим из своего астрального укрытия, я без труда прочел название книги: "Счастливый сон" - это был поэтический сборник на двенадцать авторов. Заперелистывались страницы, и вот я прочел название очередной подборки стихов, имя ее автора - Игорь Золотов, "Память моя..." Затем начали перелистываться страницы самой подборки.

- Стоп! - оранул Магистр, страницы замерли. - Это то, что нам надо, - уверенно сказал Остап Моисеевич. И вот на экране - только одна страница: крупным текстом напечатано название стихотворения - "По кругу", а ниже названия самтекст стихотворения. Неожиданно первые две строки увеличились до размеров экрана, и я прочел их: "Передаем дыхание по кругу... Но жалко, что не все, и в том беда..." Магистр, немного помедлив, громко прочел эти строки вслух, помолчал, прочел еще раз, но тише, как бы раздумывая, потом перечитал еще раз, втягивая.

- Так, - сказал, заметно оживившись, дьявол. - Нам надо, всему тому, что дано этому поэту от Бога, - не дать воплотиться полностью, убрать его навсегда из поэтической среды!... Сделаем так, - подытожил магистр, - в слове "передаем" - опустим букву "е", и тогда получится другое совершенно слово: "передам". А значит, не "Передаем дыхание по кругу...", а "Передам дыхание по кругу... Но жалко, что не все, и в том беда..." Во второй строке "е" в слове "все" заменим на "е"! И получится: "Передам дыхание по кругу... Но жалко, что не все, и в том беда..." Отлично! В мире все есть энергия, и даже напечатанные буквы! Ха-ха! Пусть этот поэт и передаст дыхание "по кругу" - наши люди подхватят его с превеликим удовольствием! Он - уступит свое место в коллективной памяти, что ему

суждено, не выполнит от Бога! Не правда ли, ребята?! обратился Остап Моисеевич к членам своей шайки, все так же не поворачиваясь к ней лицом.

- Твоя правда, Магистр! - хором воскликнули его подчиненные.

- Магистр! Остап Моисеевич!... - заискивающе, вкрадчивым голосом проговорила Зоя Карловна.

- Что такое? - прислушался дьявол.

- Но ведь верстки-то вычитываются автором в обязательном порядке! Золотов прочтет эту опечатку и исправит ее!

- Вот тебе, Зойка, и задание! - невозмутимо подытожил Остап Моисеевич. - Твоя забота и будет заключаться в том, чтобы Золотов - не вычитал верстки!

- Но как же... - только и успела сказать Зойка, как дьявол, тут же взвизгнув, прервал ее.

- Ты что, Зойка, страну эту не знаешь?! Кругом бардак! А нам на руку! Сделай дым, подбрось мысль редактору сборника, что, мол, так и так, слишком мало времени на выпуск книжки и рассылать верстки всем авторам и ожидать их потом обратно - не резон! Ну и прочее, подобного рода там. Сама знаешь, мне тебя не учить, Зойка! - прикрикнул Остап Моисеевич.

- Да, да... К...кы... конечно! - заикаясь, смиренно согласилась библиотекарша. Проблема послушания в астральной шайке была решена отменно: все ее члены являли собой нечто похожее на пространственно-материализованное продолжение астральной воли Магистра.

- Что еще?! - величественно и самодовольно воспробил дьявол у своих подчиненных, не отрывая повелительного взгляда от экрана, на котором уже растаяла книжная страница, она унеслась обратно, в океан людских начинаний, чтобы выполнить свою губительную задачу. На вопрос Магистра отозвался художник:

- Надо бы разбить одну парочку!

- Что, жених тебе насолил? - осведомился дьявол.

- Нет!

- А что же, почему?!

- У этого жениха, как я выяснил, весьма большая перспектива в познании тайн Астрала!... Сами понимаете, Остап Моисеевич, необходимо срочно направить его энергию на поиск подруги или ее удержания возле себя, словом, пусть он будет все время находиться где-то посередине пути, пусть в нем тем самым воспитывается озлобленность, неуверенность в себе, агрессивность, и... дело сделано!... В противном случае, если он воссоединится со своей невестой, то мало того, что он будет смедитированным, а значит непроницаемым под броней счастья и любви, и сможет свою увеличенную энергию направить на познание тайн астрального мира, а тогда...

- Хорошо! Не убеждай меня! - перебил художника Магистр. - На какой он, этот жених, стадии сейчас?

- У него состоялось несколько выходов, но все они весьма спонтанны, беспомощны и непродолжительны, правда, под некоторой корректировкой учителя, - отрапортовал художник.

- Ясно! Будем разбивать! Где он сейчас? - теперь дьявол обратился к экрану. Экран высветил мгновенно: часть автобусного салона, в салоне, крупным планом, стояли парень и девушка. Парень нежно обнимал девушку за талию, она держалась за его плечи, и они раскачивались в такт движения автобуса, всецело поглощенные друг другом.

- Так! - сказал сосредоточенно Остап Моисеевич. - На следующей остановке должно войти много пассажиров... И действительно, через несколько мгновений в салон, откуда ни возьмись, ввалилось бурлящее множество людей: они стали наступать друг другу на ноги, толкаться, оскорблять друг друга.

- Давай, давай! - подкрикнул Магистр экрану.

И вот одна женщина, довольно плотная и наиболее суетливая среди других, будто нашла долгожданную жертву - начала озлобленно притеснять парня и девушку, прижимать их ласковое перешептывание к массивным, черным поручням салона. На какое-то мгновение

она словно оглянулась в сторону Магистра, ища руководства своим действиям, и, будто понимая, стала продолжать свое остервенелое насилие. Дьявол жадно следил за каждым ее движением, он словно обратился в эту женщину! Парень, этично, но твердо и решительно протестовал против подобных действий, он пружинисто выставил немного свой локоть в сторону женщины, тем самым пытаясь хоть как-то защитить, смягчить неудобство для девушки. Но суетливая, дьявольски озлобленная женщина продолжала свои неумолимые попытки придавить, крепко притиснуть девушку к поручням!

И локоть парня ей очень мешал выполнить свои намерения, и тут она не выдержала, заорала от досады на весь автобус, ища как бы поддержки со стороны окружающих пассажиров:

- Дома обниматься будешь! Ишь ты... нашли место, в общественном транспорте! Ну-ка, убери немедленно локоть, кому сказала, слышишь, - убери, тебе говорят!

Парень противился, пытался оправдываться:

- Я не обнимаюсь, взволнованно, но сдерживаясь, говорил он. - Я просто - не даю вам раздавить мою невесту...

- Хам! Убери локоть, - не унималась еще пуще обозленная женщина. - Я сказала тебе, что дома обниматься надо, а не в общественных местах!

Тогда парень тоже не выдержал неотступной несправедливости и задержал в ответ:

- Да! Здорово получается! - выкрикивал и он. - Убери ты, мол, свой локоть, чтобы я смогла спокойно и полноценно давить на твою девушку, мол, незачем ее охранять, оберегать! Да ты посмотри на себя и на нее! - тоже уже заорал оскорбленно и обиженно парень. - Ты такая толстая - громило, а она, парень кивнул на свою приумолкшую девушку, - такая худенькая! Ты же ее в один миг, как соломинку переломаешь, раздавишь!

- Убери локоть! - продолжала требовать дьявольская пассажирка.

- Да пошла ты вон! - истерически выкрикнул в ее сторону раскрасневшийся в схватке парень. Тут в разговор вмешалась еще одна женщина, стоявшая с другого бока парочки:

- Ты смотри, какой зануда! - обвинила она парня.

Магистр широко и удовлетворенно улыбнулся:

- Подлей ему, подлей! - будто скомандовал он второй женщине, которая тоже уже начинала подтачивать парня. Парень огрызнулся направо и налево:

- Да тебя наверно муж давно не обнимал, вот ты и стоишь завидуешь! - насмешливо и громогласно съязвил он первой, толстой женщине, которая вроде бы немного угомонилась уже, будто ей и было нужно-то всего - привести в раздражение парня.

- Вот зануда! - продолжала заводить разговор другая женщина. - Вот твоя девушка послушает, послушает тебя, и... и тут-то эта женщина и высказала ту самую фразу, которую так ожидала за чертой экрана астральная шайка во главе с Магистром, - уйдет от тебя, от такой зануды!... - проговорила женщина. Дело было сделано. Вся астральная шайка облегченно вздохнула, на экране все исчезло, снова Остап Моисеевич откинулся на спинку своего массивного кресла...

Минуты две все астральщики сидели, будто настороженно раздумывая о чем-то. И вот:

- Можно Людочку?! - нарушил тишину Купсик, обратившись к Магистру.

- Валяй! - равнодушно скомандовал дьявол.

- Гы-гы! - обрадовался Купсик, подлетая к экрану. Люду из сорок пятой! - нетерпеливо проговорил он, то ли приказал, то ли попросил у экрана. Во мгновение на экране возникла та самая девушка, Люда... "Из-за которой и нахожусь я теперь в сегодняшнем астральном заточении", - подумал я, увидев старую знакомую. Она некоторое время будто протирала глаза, потом...

- О, Господи! - воскликнула негромко девушка. - Это опять ты, гадина?!

- Снова трахать будешь?! - прихихикнул дьявол, окликавая Купсика.

- Сегодня или когда-нибудь - она его трахнет! - шутливо подсказала Екатерина. Но Купсик был уже ожесточенно увлечен своей жертвой!

- Людочка, - лепетал усладительно он, обцеловывая тонкую шею девушки. - В позу

девочка, в позу... Ну, давай же, нагнись, детка!...

- Нет! - изнеможенно вырывалась, но как-то замедленно, девушка, она слепо шевелила руками и ногами, мотала головой, изгибалась в талии, но все ее беспорядочные движения были в клейком, волевом пространстве Купсика. - Нет! Нет! Пошел вон! Тогда Купсик схватил девушку за волосы и, не обращая внимания на ее изламывающееся тело, стал наклонять ее голову...

Люда, словно надломленная, поддалась, от боли сильно наклонилась вперед, будто отвесила поклон мучителю. И вот Купсик уже обхватил несопротивляющуюся девушку сзади за бедра вспотевшими руками и засопел надрывно, в предчувствии наслаждения...

Девушка вскрикнула...

Через несколько минут все было закончено...

- Ух! - сказал Купсик, как пиявка отвалившись от девушки, и завис у экрана. Изнасилованная Люда исчезла.

- И охота тебе каждый раз познавать заново ее девственность?! - хохотнул Магистр.

- А-а-ха-ха-ха! - расхохоталась Зоя Карловна. - Да он сам себя каждый раз мальчиком чувствует! А-а-ха-ха-ха!

- Вы не представляете, как это приятно, девочку насильно превращать в женщину! - сказал горделиво, но рабски ссутулившись, Купсик, пролетая мимо дьявола в свое пустующее кресло.

- Ладно! Будем считать, что разминка... Тьфу ты! Разрядка... - поправился Магистр, - окончена. Что еще из дел на сегодня? - спросил он у своих подчиненных, слегка покосившись на них через плечо. Отозвалась жена контролера, она, в образе всего того же удава, кольцами, уложенными в отвратительно шевелящуюся пирамиду, возвышалась в своем кресле.

- Надо зарядить несколько фотографий в газетах и журналах! - будто простуженно прошипела, кривляясь она.

- Вот-вот! - подпрыгнул ее муж, контролер кинотеатра, сидящий возле своей жены в прежнем образе старичка, в контрасте фиолетовой бороды и белых волос на голове. - А еще, подсказал он, и расправил плечи, и выпрямился для солидности, - нужно бы несколько радио- и телепередач по сбору энергетики провести!

- Созерцателю понадобилось? - уточнил Магистр.

- Что? - не понимая, переспросил старичок.

- Энергия! Зуд бы тебя побрал! Прикидываешься мне!

- Да, да! - активно закивал старичок. - Ему самому, кому же еще!

- Смотри, если узнаю, что себе что-то прихалтуришь, в этот раз - накажу! - убедительно и строго произнес дьявол, и тут же отвернулся от своей шайки, и уставился притихшим взглядом на экран. Все молчали, ожидали действий своего Магистра...

На экране замельтешили, плавно выплывая из его непроглядной глубины и так же уплывая обратно, всевозможные газеты и журналы. Только на короткое мгновение своеобразного программного выкрика Магистра, и тут же - хорового подтверждения этого, я сказал бы - астрального заклинания шайкой, останавливались, замирали газетные или журнальные страницы с крупными фотографиями на них различных физиономий. Честно говоря, я немного утомился от этой процедуры и на некоторое время перестал видеть, астрально отвернулся от действий преступной группы, но я продолжал слышать эти ужасающие фразы:

- Эпидемия заболеваний в! выкрикивал Магистр.

- Да! - торжественно-злорадно подтверждали его астральную волю члены шайки, подтверждали хором, на едином дыхании.

- Смерть академика... - но я не расслышал его фамилию.

- Взрыв атомной электростанции! - неистовствовал дьявол.

- Да! - вслед гремела ватага астральных голосов.

- Кораблекрушение в районе моря, затонет корабль "....." - громко определял

задачу Магистр.

- Да! - злобно подтверждали остальные преступники.
- Убийство Председателя!
- Да!
- Продолжительный дождь в районе!
- Да!
- Закон о!
- Да!
- Пробуждение у пятилетних девочек направленности телесных наслаждений!
- Да!
- Взрыв отчаяния у одиноких стариков, самоубийства!
- Да! - снова воскликнул астральный хор.

Потом начались зарядки радиотелепередач, рассчитанные на выкачку энергии из радиослушателей и телезрителей. Прием был прост: вызывались определенные чувства, эмоции, состояния мышления, и все эти извержения энергии планировалось направлять для поддержки энергетической воли Созерцателя. А уж куда он, Созерцатель, эту свою волю применит, видимо, не знала даже эта астральная шайка...

Когда с телерадиопередачами было закончено, голос подала Екатерина!

- Магистр, - сказала величественно она, Магистр уважал ее и тут же повернулся к ведьме лицом.

- Я слушаю тебя, Екатерина!

- Магистр, - еще раз повторила свое обращение Катерина, - есть такой литератор, Павел Мечетов.

- Так, и что надо? - заострил вопрос дьявол.

- Он являлся другом ныне обестеленного Сергея Александровича.

- Какого Сергея Александровича? - переспросил, припоминая, Остап Моисеевич.

- Того самого, что был здесь, у нас в кинотеатре, директором!

- А! Как же! - усмехнулся дьявол. - Помню!

- Если Паша Мечетов будет и дальше развиваться в литературном русле, то того и гляди, что он когда-нибудь да прикоснется к Великим тайнам Астрала! Нежелательно, чтобы это произошло, потому что, как я уже сказала, Павел Мечетов являлся другом Сергея Александровича, а друзей обычно стараются выручать! Вы меня поняли, Остап Моисеевич? - с женственной вкрадчивостью спросила дьявола Екатерина.

- Да. Мне ясна перспектива, - согласился Магистр, кивая уродливой головой. - И что ты предлагаешь?

- У Мечетова в следующем месяце будет публикация подборки стихов, надо бы на него насрать какую-нибудь противную, изматывающую болезнь, чтобы и не умер, а развиваться и писать нормально не мог, - заронила идею Екатерина.

"Ну, Екатерина Васильевна! Не ожидал от тебя! - подумал я, сидя в своем астральном укрытии. - Ничего не пойму: меня укрыла здесь для того, чтобы я подслушал и подсмотрел, а теперь моего друга - уничтожает! Ну, Екатерина!

Не удивлюсь, что и меня ты сейчас продашь этим вершителям зла!.."

- Сейчас сделаем! - определился дьявол, а я еще более затаился, ожидая, что очередь дойдет и до меня. На экране появился будущий номер журнала "Д...".

Страницы разлистнулись: вся подборка Мечетова вмещалась на одной страничке - пять стихотворений, а на противоположной странице были набраны стихи какого-то другого автора. Магистр убрал подборку этого автора из номера, а вставил стихи иные, так называемого "своего человека"!

Таким образом на странице, противоположной подборке стихов Павла Мечетова, появилось три стихотворения, которые и должны были определить состояние здоровья моего друга!

А дело все заключалось в особом расположении названий, да и в самом смысле

таковых. Когда я прочитал эти названия стихотворений сверху вниз, то я ужаснулся заложенному в них чудовищному приговору Павлу Мечетову. Названия огласили следующее:

"ЗЕМЛЯ", "ПРОСТУДА", "НЕБО"!

Паша по гороскопу принадлежал Земле, и эти названия вражеских стихотворений, а в особенности их расположение по вертикали означали не что иное, как: Простуженная Земля придавит своею болезненной тяжестью небо вдохновения, и будет тяжело всем творческим начинаниям Мечетова, и будет болеть он, постоянно простужаясь, и в конце концов его обессиленная душа может покинуть Землю и упасть в изнеможенное небо!

Противостояние

Противостояние! Именно Противостояние воле астральной шайки теперь волновало и полностью занимало мое успешнее стать осторожным воображение. Нет, Екатерина не предала меня!

Она специально взяла на себя задачу опекуна моего друга Мечетова среди своих, чтобы другим этим не заниматься, ибо она же и научила меня, как помочь Паше - избавиться от публикационной атаки на его волю и здоровье, вдохновение, а следовательно и продвижение по ступеням развития. Ведь если бы случилось другое и Пашей заинтересовался кто-нибудь иной из астральной шайки, а это бы рано или поздно, но произошло, тогда не исключено, что я не смог бы уже помочь Мечетову, а коли и сумел бы это сделать, то не с такой легкостью, как после того, чему научила меня Екатерина!

Что ни говори, а свой человек есть свой человек!

Да, ведь если бы не Екатерина занялась Пашей, а кто другой, то тот бы неминуемо в скором времени добрался бы и до меня, но теперь открывалась перспектива: под крылышком Екатерины Васильевны продолжать мне совершенствовать свою астральную волю, подыскать и подготовить поле для решающей схватки, поле - моей Победы!

Противостояние!

Мне необходимо было выполнить удивительно взрывоопасную задачу!

Если выразиться образно, то мне надо было все равно что привязать к каждому из членов преступной группы по прочной, металлической веревке, причем привязывать не одновременно, а по очереди, да следить при всем этом, чтобы веревки, волочащиеся за моими врагами, - не перепутались между собою, не порвались бы да не были бы обнаружены до того, как я успею запрячь врагов в свою астральную упряжку и погнать их по своему собственному усмотрению, и если таковое потребует, то загнать до смерти!

... А может, и не до смерти...

Не исключено, что, находясь в таком суровом положении, ожесточился я. К чему уничтожать барьеры, в особенности те, которые ты преодолел сам, оглянись, и ты увидишь, как необычайно много людей тоже рвутся и жаждут этих барьеров, что же тогда преодолевать им, остальным, отставшим от тебя людям? Ведь тогда они никогда не смогут возвыситься!

Оставь барьеры, ты их покорил не для того, чтобы стать эгоистом!

Да, пожалуй, если ты их, эти барьеры уничтожишь, то всему твоему возвышению придет конец: барьеры отделяли тебя ото всего преодоленного, они характеризовали твою личность, они, будто духовные шлюзы, постепенно поднимали тебя к высотам Божественного духа, - но - открой шлюзы, уничтожь их, и сой-дет, схлынет в низовье вся накопленная вода первородной, незамутненной мудрости, и ты снова обмельчаешь духом своим и окажешься там же, откуда ты начинал путь свой, только труднее тебе будет подниматься в этот раз, ибо, зная, что тебя ждет впереди, всегда кажется, что ты ищешь неимоверно медленно...

Только тот путь быстротечен, о котором не задумываешься!..

Да. Астральную шайку уничтожать - нельзя, она необходима другим, таким же, как и я, несмышленым, не уничтожать ее надо, а преодолеть!

И вообще: ничто в жизни нельзя уничтожать. Через Противостояние - преодолевать!

И только!

...Планы мне мои были куда как ясны, другое дело - их осуществление!

Побеждает всегда не просто количество, а количество объединенное. Астральную шайку объединяла воля Остапа Моисеевича. Мне предстояло только два пути: первый - явиться незримым, но осязаемым Победителем астральной воли каждого члена преступной группы в отдельности и потом, в один прекрасный момент, выступить в полный рост их вседержителем; второй превзойти астральную волю Остапа Моисеевича, волю, которая простиралась на всех остальных его подчиненных. И в первом, и во втором случае мне предстояло генеральное сражение с астральным Магистром - обязательно!

Я понимал, что если я выйду на дьявола, не ослабив его волю в его подчиненных, я проиграю. Если же я сразу буду пытаться развенчать волю Магистра, то для этого понадобится уйма времени на совершенствование себя, в противном случае я опять-таки - проиграю...

Тратить свое земное время на совершенствование своей астральной воли и потом, быть может, уже более не возвратиться на Землю в свое земное тело, потому что постареет оно ужасно и умрет...

Не хотелось мне: я еще не мог вообразить себе, представить такое, что я больше не увижу Наташу, маму, свою дочь, Вику, друзей...

Хотя я же не знал, что меня ожидало тогда, быть может, еще более, и наверняка еще более, близкое соприкосновение с ними, но меня пугала неизвестность, пусть даже самая прекрасная, и я прощал себе эту слабость, потому что еще не имел я иного уровня Посвящения, а только догадывался о нем...

Итак, мне хотелось успеть победить в самый короткий срок земного времени астральную волю Магистра, и вернуться, все-таки вернуться в земное тело свое, дабы дожить свое воплощение во плоти. Вот почему я и ринулся по первому пути к своей Победе, я ринулся уничтожить астральную волю дьявола в его подчиненных по Астралу, только сделать это надо было вне ведения самого Магистра, иными словами, отрубить руки и ноги дьяволу, да еще и при условии, чтобы он этого не почувствовал!

Задача восстала из глубины моего мышления не из легких. Но мне ничего не оставалось делать...

И я ринулся наудачу, пошел туда, откуда еще ни разу не возвращалось мое воображение в живых...

Наудачу!

За подборку стихов "Память моя..." Игоря Золотова в коллективном поэтическом сборнике "Счастливый сон" отвечала Зоя Карловна, ведьма с основательным астральным стажем. С ослабления ее астральной воли я и решил начать...

Но я не успел!

Не успел опередить ведьму...

Поэтический сборник уже вышел в свет, когда я прибыл к Игорю Золотову в гости, Игорь сидел на своем кожаном потрепанном диване, на котором под шелушащимся дерматином упруго шевелились кулачищи пружин. Они словно поддавали в зад садыщемуся или встающему с дивана, это я испытал на себе, когда позволил присесть своему астральному телу на параллельный земному миру чувственный образ дивана. Золотов как раз разлистнул книгу в том самом месте, на котором она была открыта на зловещем экране Магистра.

- Надо же! - опечалился Игорь. - Опечатка! - Он говорил вслух. - Что значит не дали верстки вычитать! Тянули два года, а тут на тебе: надо быстрее, план, авторам рассылать верстки на вычитку - некогда! Вот же суки проклятые! Долбаная страна дураков! - Игорь нервно отложил сборник в сторону и, пошмыгивая носом, нагнулся, взял со стола валявшийся окурочок и прикурил его. Отмахивая дым от лица ладонью, Игорь будто не курил, а тяжело вздыхал и поглядывал искоса на досадное место в книге...

- Что же делать? - размышлял он. - Весь смысл стихотворения испоганили, сволочи!

В Астрале я сидел рядом с Игорем, я знал, как ему помочь, но раздумывал над тем, в какой форме это осуществить.

- Послушай! - произнес я в Астрале, и мой голос чувств громко прозвучал в голове Золотова.

- Что-о? - оранул он в испуге и потом, чуть тише: Что? Кто это?..

- Ты меня не знаешь, - продолжил я было говорить, как Золотов мгновенно вскочил с дивана и, прихлопнув свои уши ладонями, стал пристально и жалобно осматриваться по сторонам, будто выискивая владельца голоса, и он так надеялся кого-нибудь увидеть! Я это чувствовал...

- Зря стараешься, - подсказал я Игорю. - Меня нигде нет вокруг, я в тебе. И тут случилось совсем для меня непредвиденное событие: Игорь кинулся на колени перед старенькой иконой, висевшей в самом углу комнаты высоко под потолком. Он стал, наспех бормоча "Отче наш...", озабоченно и бегло молиться, так, будто его сейчас вот-вот должны были силой оттащить от Божьего образа. Я продолжал сидеть на астральном диване Золотова и, честно говоря, даже не ведал, что и предпринять в такой ситуации. Я никак не рассчитывал на столь набожную реакцию Игоря!

- Успокойся же ты! - наконец не выдержал я.

- Прочь! Прочь, нечистая! - завопил Золотов, вскочил на ноги и выбежал в прихожую. Здесь он, продолжая бормотать молитву, скоро оделся и, страшно громыхнув дверью, уже через несколько мгновений очутился на улице. Я проследовал за ним.

- Дубина! Я же тебе помочь хочу! - попытался я еще раз образумить своего подопечного, но он только лишь плотно опять зажал свои уши ладонями и устремленно ринулся в полубег по улице. Со стороны могло показаться, что Золотов куда-то спешил отнести свою драгоценную голову, он словно боялся уронить ее и оттого крепко стискивал голову руками. Прохожие расступались, приостанавливались и пожимали плечами ему вслед...

Я же неотступно следовал за ним в надежде, что все-таки удастся войти в контакт с Игорем. Минут через десять Золотов суетливо вбежал в церковь: он пересек храм, и остановился слева от алтаря, и упал на колени перед громадной иконой Матери Божьей Казанской. В храме я говорить не мог, потому что все было насыщено медитационной энергетикой чувств и образов, в которой мои чувственные послылы Игорю тут же растворялись.

- Царица Небесная! - возопил Золотов. - Прости меня, грешника! Отведи от меня дьявола!.. Господи! Помоги мне, спаси меня! - неистово молился Игорь и уже начал рыдать, густо всхлипывая, содрогаюсь плечами. Старушки пристально молились поодаль от него и время от времени одобрительно кивали друг другу. Игорь вскочил в растерянности, раскрасневшийся и заплаканный, и подбежал к какой-то девушке, она драила церковный пол, состругивала с него особой лопаткой налипшие капли воска.

- Девушка! - прохрипел, оглядываясь по сторонам, Игорь. - Он во мне!

- Что случилось? - переспросила она.

- Он во мне, - повторил Золотов.

- Кто? - подозрительно, но спокойно и непоколебимо посмотрела на него девушка и заботливо прикоснулась к его плечу, пока Игорь молчаливо ошаривал глазами углы церкви. Ну, что с вами случилось? - добродушно спросила она.

- Во мне кто-то говорит! - тихо признался Золотов.

- Ясно, - тут же подытожила девушка. - Вам необходимо молиться и обязательно принять причастие! Вы крещеный? засуетилась девушка возле Игоря, обрадовавшись своей роли наставника.

- Да. Я крещеный, - доверчиво ответил поэт. - Боже мой! - снова взмолился Игорь. - Он говорит все время во мне!

- Вы одержимы лукавым, и от него надо избавиться, подытожила девушка. Я притаился в Астрале Храма поодаль от Игоря и девушки, и, честное слово, они оба выглядели в моих

глазах - заговорщиками против меня, Лукавого! "Боже мой! подумал я. - Этого еще не хватало!"

Игорь было уже направился, озираясь по сторонам, на выход из храма, как девушка негромко крикнула ему вслед:

- Обязательно по четыре молебна в трех церквах!..

И я оставил затею как-то помочь поэту, решил посоветоваться прежде с Екатериной Васильевной. Конечно же было очень жаль, что пока не вышло у меня подчинить, рассеять астральную волю Зои Карловны, но надежда унеслась вместе с моим астральным воображением навстречу следующему астральному бою. Теперь уже мне предстояло столкнуться с проделками художника...

"Я еще вернусь к Игорю Золотову!" - подумал я, нащупывая своим воображением энергетические проявления недавно знакомой мне влюбленной парочки из салона автобуса. Как я уже и предчувствовал, я и здесь опоздал с предупреждением, избежать "заклятия" дьявольски настроенной женщины влюбленным не удалось!

Воля художника торжествовала воочию: парень и девушка находились в ссоре, и оба страдали от этого и даже не понимали, отчего же так вышло - скорое расставание?.. А поссорились они совершенно необычно!

Собственно говоря, они даже и не ссорились вовсе, а просто в один прекрасный день, в день, когда должно было состояться их новое свидание, назначенное искренне и влюбленно с обеих сторон, они почему-то не явились обоюдно в условленное место и в условленный час!

В этот день отчего-то каждый из них находился у себя дома и припоминал всевозможные обиды, нанесенные партнером, на-думывал несусветный смысл совершенно ветрено сказанным, невзначай, случайно произнесенным словом и фразам любимого человека. Так они просидели оба дома, абсолютно не зная, что они сидят оба!

Каждый из них был уверен, что их любимый пришел на свидание, но ушел огорченный, и поделом ему!

Они сидели и взмывали глубочайшую пропасть между собою, пропасть, в образном русле которой, на самом сокровенном дне текли их одурманенно медленные чувства. И грозила беда этим чувствам: утечь, просочиться из русла в глубочайшие трещины невежества. Вот уж воистину передо мною был живой пример того, как часто мы тормозим, и порою даже вовсе останавливаем бег настоящего времени, если начинаем думать прошлым, а в особенности чувственно думать, переживать его заново!

Да, да! Именно заново, слово "заново" как никогда уместно здесь!

Потому что мы действительно видим прошлое вторично, с высоты нашего сегодняшнего опыта, а разве можно судить поступки детского, или, скажем, более детского происхождения? Наверное - нет!

Ибо жизнь остановить нельзя, а можно только продолжать!

Человек, думающий прошлым, о прошлом - слепой человек, его душа горит пламенем, и таким образом он бесцельно прожигает каждый свой сегодняшний день. Такой человек мучительно выглядит со стороны для окружающих его людей. У него все время что-то сосет в груди, и печальность и бесцельность на пути его. Забывать прошлое по возможности не надо, но и не надо его чувствовать!

Пусть оно будет лишь сверкающими камешками, холодными и красочными, и из этих камешков иногда не помешает строить мозаику, чувственную мозаику сегодняшнего дня...

Я долго размышлял над тем, как помочь влюбленным нарушить заклиние, посланное художником. Мне очень не хотелось повторить печальный опыт моего контакта с поэтом и потому я особенно тщательно конспектировал модель помощи. Я рассуждал приблизительно так: если легло заклиние на этих влюбленных людей и оно неведомо для своих жертв держит последних на расстоянии друг от друга, значит, необходимо высветить обратное, но не тайно, а открыто!

Это означало, что необходимо было воссоединить эту влюбленную парочку путем тоже заклиния!.. Но как это сделать? Объявиться внутренним голосом в одном из них, но такая

практика уже усомнилась во мне в своей общедоступности!

Это отпадало...

Но кто-то же должен нанести заклятие, и сделать он это должен воочию, в открытую, то есть сказать в лицо...

"Может, мне направить прямо на улице к одному из влюбленных, скажем, цыганку..."

Она подойдет к парню или девушке, а я вполне смогу чувственно внушить цыганке, направить ее на это действие...

Итак, она подойдет и произнесет заклятие". Подобного рода вариантов я много перефантазировал, но ни один не убеждал меня в своей мощной и надежной астральной силе, ибо во всех случаях, которые подворачивались моему воображению, отсутствовал самый главный элемент, который должен стать поворотным, основой победоносности встречного заклятия, что полностью обеспечит отрицание и уничтожение астрального художника!

Отсутствовал элемент активности!

В самом деле, надо, чтобы кто-то из влюбленных сам возжелал бы встретить спасительное, противовесное заклятие...

Задача возникла не из легких...

Мне посредством чего-то или кого-то, надо было предложить одному из влюбленных, именно предложить, а не внушить, потому как требовалось его самостоятельное решение, желание, предложить пойти и воспринять заклятие!

Неожиданно меня осенило: все, за исключением некоторых, девушки любят гадать, а еще охотнее похаживать к гадалкам, и, если гадалка пользуется должным уважением и авторитетом, то успех моего предприятия - гарантирован!

Она-то, гадалка, и выскажет необходимое мне заклятие!

Уж гадалке-то я мог внушить, и даже без страха напугать, мог вполне объявиться в последней как внутренний голос. Теперь оставалось найти, подстроить обстоятельства, при которых бы влюбленная девушка решилась бы пойти к гадалке. Я долго присматривался ко многим подругам, окружающим заклятую художником девушку, и, наконец-то мой выбор пал на одну из них!

У этой подруги никак не налаживалась личная жизнь: все ей было тяжело познакомиться с кем-нибудь, а когда познакомится, то парень быстренько сбегал от нее по неизвестным для нее причинам. Вот этой-то подруге я и вложил мысль сходить к гадалке. И моя подопечная девушка - согласилась поехать с подругой!

В результате поездки девушка сама позвонила своему возлюбленному, извинилась перед ним, трепетно объявила, что безумно любит его, и договорилась о свидании. А когда парень и девушка встретились, то девушка рассказала, как ездила к гадалке и та открыла ей сокровенное таинство, когда речь зашла о парне. "Только он будет твоим мужем, и больше никто другой! сказала гадалка. - Вот попомнишь мои слова! Он - твоя судьба! Выйдешь за него замуж и ко мне еще с конфетами придешь! Сама потом удивишься!.." Вот так прозвучало мое ответное заклятие в противовес астральной воле художника. Я победил его воображение, а это означало, что и первая, крохотная доля астральной воли Магистра была усечена мною, теперь ею владел я!.. И еще, что тоже являлось немаловажным обстоятельством, теперь влюбленный парень не будет тратить свое земное время на поиски женщины, подруги, не будет мучиться от ее отсутствия, а значит - сохранит свою энергию для познания астральных тайн! А когда он окажется способным понять, кто ему помог, подал своевременно руку помощи, он обязательно поможет и мне, и это не корысть какая-то, а закон всемирного, космического равновесия!

Добро возвращается!

Только зло вечно блуждает рядом, ему всегда уходить не хочется, и оно докучает присутствием своему родителю.

Восторг тела

Юра Божив, мой друг, уже несколько месяцев вместо меня работал директором кинотеатра. Он продолжал жить у Вики, они роднились друг с другом все ближе и ближе...

С каждым днем у них появлялись новые узелки на память о совместной жизни. Эти узелки связывали их взаимоотношения. То в кинотеатре Вика своеобразно улыбнется, а Юра запомнит эту улыбку, то Юра подаст руку выходящей из автобуса Вике, и она не забудет неповторимую свежесть этого жеста. А человеческая жизнь так и устроена: важно не просто жить с кем-то, когда-то и где-то, а важно... цветение жизненных узелков на память. Именно они и создают неповторимую гармонию памяти, чувств и образов человеческой жизни, вырастают на почве повседневности и превращают обыденность в цветущую поляну...

Юра все чаще, чем обычно, просиживал за чтением книг, особенно когда Вика, усталая, укладывалась вечерами спать пораньше. Сидя в соседней комнате у ночника, он находил над чем поразмышлять. С позволения моей мамы, некоторые книги из моей библиотеки Юра взял для изучения...

Достался Боживу и мой конспект Священной Книги Тота...

Сложность эзотерических знаний, мистических наук доставляла моему другу отнюдь не измотанность и бессилие разочарований, а, скорее, укромный, рабочий кабинет в пространстве его судьбы, в котором Юра усидчиво отработывал навыки осознанного мышления...

Меня радовало это!

Светлела моя надежда, и я все чаще навещал друга в ожидании подходящего момента...

Я отчетливо чувствовал, что Боживу самому по себе вряд ли удастся прийти к астральному сознанию, - нужен учитель. И все понятнее становилось: путеводителем друга должен стать я...

Юра уже твердо знал: Сергей Истина продолжает жить, но в более энергетически тонком мире, и ему надо помочь выбраться оттуда, но что это такое - более энергетически тонкий мир?!

В тупике земного тела

Столько лет я, словно джин...

Я сижу совсем без дела,

Соблюдая свой режим...

День и ночь: страна, законы,

Раздражения сучки,

И людские монотонно

Суется тупички...

В полумраке сигарету

Все щипает огонек:

Я курю на всю планету

Хлопьев дыма самотек.

Мятно тает сигарета,

Скоро брошу я курить.

Наложу на все запреты,

Чтобы вне режима жить!..

Накурил я на планете,

Надо б форточку открыть

И проветрить все на свете,

Скоро, так тому и быть!..

Комнатенка в комнатенке

Это дома я один...

Вход и выход очень тонкий:

Ну, смелее, Алладин...

Мне доставило удовольствие услышать в этот вечер свое стихотворение, прозвучавшее голосом друга у все того же ночника, в одной из Викиных комнат, прозвучавшее возле кипы книг и вороха моих бумаг, за которыми Божив засиделся и теперь. Стихотворение было написано мною очень давно. Немного помолчав, Юра отложил только что прочитанный им

листок в сторону...

Я, конечно же, мог объявиться в качестве своеобразного внутреннего голоса, прозвучать в голове у друга, пообщаться таким образом и раньше, но у меня уже был опыт энергетического контакта с Игорем Золотовым, и я не хотел ошибиться еще раз. Юра сидел в майке и трико, он увлекся рассматриванием и перечитыванием бумаг. Неожиданно, в пространственном кабинете его сознания, будто разлистнули белую страницу, пробел, ибо почувствовал Божив позади себя снежное прикосновение к своим плечам, словно и в самом деле прохладный и легкий снег прилег на его плечи. Юра даже не вздрогнул и не насторожился, напротив, казалось - он ожидал этого прикосновения...

Медленно он стал поворачивать голову назад. Его вечерние одиночества никогда еще не нарушались подобным образом. Он поворачивал голову так, с таким выражением лица, словно определенно знал, что он должен увидеть.. Божив поворачивался с закрытыми глазами. И вот...

Когда он обернулся назад и невесомо приоткрыл веки, ему пришлось туманно улыбнуться и согласиться с реалиями обманчивости. Перед Юрой стояла Вика...

Он обезмолвленно смотрел на нее, точно определяя, кто же есть возникший человек?.. И есть ли он в действительности?.. Или это дитя, определенная метоморфоза тонкого мира, которая теперь явилась перед ним в облике любимого человека - не испугать...

- Ты кто? - спокойно спросил Юра.

- Юрочка... - настороженно прошептала Вика и обняла его своими прохладными руками. - Ты совсем растерялся в этих бумагах и книгах... Мне холодно, я почему-то замерзла...

- Что? - отрешенно переспросил Юра. - Замерзла?.. Разве призраки могут...

- Юрочка, не надо больше этим заниматься, я прошу тебя, оставь, возвратись хотя бы ты! - выкрикнула последние слова растерянная Вика.

- Вика, - будто позвал свою подругу Божив. - Не пугайся меня.

- Ну да! Как же я могу не волноваться, если ты уже заговариваться начинаешь, близких, - Вика всхлипнула, - не узнаешь...

- Ну что ты, хорошая, что ты говоришь... - зауспокаивал Юра свою любимую. - Мне нельзя поступить иначе или ты не... Божив помолчал несколько мгновений, - не любила Сергея?.. ропотно все-таки промолвил он, как бы к чему-то прислушиваясь... Вика отшатнулась от Божива, насторожилась, будто ребенок, что-то натворивший, но еще не знающий: накажут ли его за это...

- Я... и сейчас... люблю... его, - надрывно и безнадежно, но с непоколебимым оттенком уверенности в голосе, уверенности в том, что она не лжет, проговорила девушка сокровенные слова, и похоже было, что эти слова всего лишь заштрихованы, некогда, случайно залиты чернилами отчаяния, но все-таки еще читаемы до сих пор трудолюбивой памятью...

Божив стремительно встал, шагнул от стула и отчаянно, будто прощаясь - обнял безмятежно спокойную в этот момент Вику...

Но вдруг...

- Ты должен ему помочь... - проговорила девушка. Ты... обязательно сможешь... ему... помочь, Юра! - Нарастало движение Викиных слов. - Помоги ему, спас...си...спаси его!!! - неистово выкрикнула она... Тишина остановила пространство.

Они стояли посреди комнаты, обнявшись: Юра, объятый любимой, а Вика... объятая только что отзвучавшим... криком. Время разрасталось во всю комнату и вскоре заполнило ее всю...

Времени становилось тесно. Первой молчаливое пространство нарушила девушка, она будто шевельнула губами тишину.

- Я беременна, - прошептала, целуя плечо Юры, Вика.

- Да-да... конечно, - ответил на ее ласку Божив.

- Беременна я, - словно попросилась в его глаза девушка. - Беременна... - снова

прошептали ее губы у самого лица Божива. А мне стало неловко, я зависал рядом с ними, за кадром физического плана, и мое невидимое присутствие немало мешало естественному общению этих людей. Я готовился сейчас, в этот выбранный мною вечер, к контакту с Боживым и находился, в некотором смысле, в единой медитационной плоскости с другом, мое невидимое присутствие сосредоточенно связывало, пластично затормаживало личностность Юры. Его сущность будто бы присутствовала в теле, но реакции на окружающее проявление пространства Земли не возникали в соответствии с нормой человеческих представлений на этот счет, и получалось: своеобразный энергетический ступор завораживал его сознание и привычные скульптуры чувств опознавались, но с опозданием. Но я не мог поступить иначе!..

Мне нельзя было удалиться и теперь: необходимость действовать заставляла поступиться правилами хорошего тона, ибо... я выполнял записи своего астрального дневника, а не капризы свободного художника. Признания и смятения Вики мешали моим сегодняшним планам. Очень важно войти в общение с другом: я не посмел переубеждать свое настроение, пусть даже Вика и подумала в этот не принадлежащий ей вечер о безумии Божива. Этот вечер принадлежит мне. В этих раздумьях я несколько раз медленно облетел вокруг стоящих в обнимку моих земных друзей. Астральная голограмма их физических тел, ярко святящаяся, словно вращалась на планшете паркетного пола. Юра продолжал не понимать происходящей ситуации.

Что-то предпринять, решительно действовать - я просто был обязан!

... Именно сегодня, а не в другое время, произойдет, улыбнется мне чудо, которого я так неприкосновенно долго ожидал, восторг земного тела!..

И наконец, все-таки я решился...

Вход в Юрино тело был открыт, и я его прекрасно видел: оставалось воспользоваться им!..

Слава Богу, опыт подобного у меня уже имелся: но тогда, в теле маленькой девочки, моей дочери Сабины, я не мог почувствовать всей полноты и прежнего, подлинного вкуса земного тела. "Вот оно, то самое, к чему ты стремишься, даже не осознавая истинно, зачем тебе это нужно!.. - подумал я про себя о себе. - Что ж, давай, входи и хозяйничай! Божив прекословить не будет. Он явно стремится помочь тебе сам..."

Однако жестким же ты стал и бесповоротным, Сергей Истина!..

Да... но иначе нельзя. Вперед, и без сентиментальных пауз!.. Я опускался вслепую, будто в темный подвал, доверху наполненный водой или густым влажным трепетанием ветра. Медленно погружался я в земное тело моего друга. Божив стоял парализованным. Я-то мог это представить себе: как все выглядело со стороны для Вики. Но меня больше не волновало ничего на свете, кроме погружения. Все равно когда-то, но должно было это произойти, и неминуемо, иначе я не смогу победить в одиночку астральную шайку, вернуться в свое земное тело для доработки собственной инкарнации, моего теперяшнего воплощения на планете!..

Теперь я оказался в безмолвной и тесной темноте. Мне показалось, что это мое состояние напоминает мне ту самую Вселенную комнату, в которой проходил мой первый урок Астрала, некогда преподанный мне моим учителем, Иваном. Ветер улегся, и я отчетливо ощущал необъяснимым пространственным соприкосновением неподчиняющиеся моему волевому воображению контуры чьего-то земного тела. "Туда ли я попал?!" - внятно и громко подумал я.

- Кто ты?.. Не молчи!.. - послышалось будто мне в ответ, а я притаился в ожидании: что же проявится дальше? И тут мое положение прояснилось: снова откуда-то издали до меня донеслись простые человеческие слова, и сказаны они были знакомым голосом! Именно не в обратно-чувственной символике Астрала, а как обычно, как раньше я слышал их на Земле...

- Что с тобой, хороший мой, Юрочка?! - отзвучали слова.

Это говорила, несомненно, Вика!

Но слышал я ее голос приглушенным, и надо было когда-то очень сильно любить его

интонации, чтобы безошибочно узнать сейчас. - Юрочка... - как я понимал, суетясь, причитала Вика, - ... пойдём, отдохнешь, поспишь ... Все хорошо ... Хорошо, родненький?..

Я находился будто в глубокой пещере, а там, наверху, люди.

- Юра... Ты меня узнаешь? - как можно спокойнее, ласково промыслил я свое обращение к другу и отчетливо насторожился в ожидании ответа.

- Вот... - донеслось опять же сверху. - Я слышу... он меня спрашивает: узнаю ли я его!.. Он здесь, Вика! Во мне!..

- Не надо, Юрочка, не надо! - выкрикнула безумно Вика. - Не шути так со мною... - рыдала она.

- Сережа, это ты?! - торжествующе прокричал Божив, что меня немножко оглушило.

- Да... Это я... - как и прежде, на пределе спокойствия отозвался я на оклик.

- Вика! - еще пуще прежнего завопил обрадованный Божив. - Он меня слышит!!

Слышит!!

- Господи! - рыдая, причитала Вика. - Прости его, милый мой Господи! Отведи от него лукавого, спаси Юру, Господи!..

Божив не обращал внимания на стенания любимого человека, может потому, что для него важнее была наша дружба или же дикая устремленность к неведомому, а может, он услышал, узнал забытый от рождения голос, превыше всего, своей Вселенной Родины...

- Как тебе помочь, друг?! - снова проорал Божив, заглушая рыдания девушки.

- Прежде всего, не кричи... Я тебя прекрасно слышу.

- Да-да... - сконфузился Юра. - Конечно же я не буду кричать.

- Тогда вот что, - продолжил говорить я, - успокой сейчас Вику, идите оба спать, а через неделю, когда ты немного свыкнешься с мыслью о реальности существования нашего сегодняшнего с тобой общения, я снова приду, - торопливо сказал я. Божив молчаливо и покорно выслушивал меня, а девушка в смятении чувств продолжала громко рыдать. На каждое движение Юры она взрывалась причитаниями и молитвами, она неумолимо помышляла о безумии своего спутника.

- Господи! Ну за что же мне это? За что ты меня наказываешь?! Юрочка, молчи... Ничего не говори... - немного успокоилась она. - Пойдем спать, хорошо?...

- Хорошо, - ответил мне Божив. - Хорошо.

- Ну вот и хорошо... - всхлипывая, обрадовалась Юриному ответу Вика. И я удалился из тела друга...

Сатана

Стою, а горизонт

как кафедра Земли,

Над ним Луна

как микрофон истории,

И переглядываются

вдали

Все звезды,

как глаза аудитории...

Я стоял теперь на астральной поверхности Земли, где-то на берегу неведомого мне моря, да я и не хотел знать его имени! Стоял и распахнуто созерцал доступные мне, в любой самый крохотный или самый взглыбленный момент времени, звезды, стоял, опираясь на свои размышления, и целая пучина моих чувств, с глубинами и отмелями, ласкалась у моих ног. А Луна была какая прекрасная!

Тогда... когда я посвящал ей стихи. Сейчас же я могу, если мне это понадобится, дойти даже до горизонта и осмотреть его как обычный предмет. Боже!

Как же мне мечталось и хотелось раньше, но теперь...

Удивляются мои удивления, где-то в стороне, поодаль, они больше не ожидают меня. Я подарил им судьбу, я породил и воспитал их, и я им больше не нужен и они мне. Им не понять меня, потому что я сам порожден удивлением, сам удивление, и мне стало скучно, а

мои, такие осамостоятельнившиеся, удивления ныне обездивились, они, как и я прежде, - хотят и мечтают. А я лишь завидую им!

Потому что есть им чему удивляться...

Поздно... И хотелось бы, да не вернешь обласканность обратно. И как бы я сейчас проорал на всю планету Земля: не притрагивайтесь ни к чему, люди! Не касайтесь ничего на свете! Не обласкивайте - не привыкайте к удивлениям, пусть они будут и будете вы. К чему делать удивления несчастными, как, впрочем, делают несчастными нас они. Но никогда и никто не внемлет моему крику, и правильно сделает, потому что... всегда так будет: что-то порождает что-то. Кто-то перестает мыслить нами, и тогда мы начинаем... мыслить удивлениями...

Неожиданно вспомнилось мне о Корщикове...

Раньше я лишь помышлял о встрече с ним, а тут, после моего первого, отчаянного контакта с Юрой на Земле, когда я так внезапно побывал в планетной обители человека - физическом теле - и на самом изломе сдержанности удалился обратно в просторы невозмутимого ожидания, когда я снова, у вселенского микрофона Луны сейчас поразмышлял о своей вседоступности и проникновенности во все, мне безумно, неуправляемо одержимо захотелось во что бы то ни стало испытать неповторимое торжество удивления!

... И я, абсолютно без колебаний, как сплошной поток устремленности, обратился в глубинный полет, в космос. Я уносился без управления, и лишь только цель - увидеть Сашу Корщикова, как бесповоротная Вера, остановилась во мне в это бесконечное мгновение. Я словно первернулся в плоскатику, которому никак нельзя было обернуться назад, да и некому было оборачиваться, плоскатику не имеет объема; я, как зеркальная поверхность - отражал свою цель, и все...

И тут вспыхнула в зеркальном переди, в отраженном пространстве Вселенной, среди космических иероглифов созвездий, как ослепительный тоннель, разрастающийся во все мое беспредельное видение, звезда. И в следующее мгновение я почувствовал, что начал таять, растворяться в ее чувствительно чистом свете. И тут..

Ослепительный свет словно ожил, самостоятельно отслоился от меня, и мы зависли неподалеку друг от друга...

Неожиданно, отрезанный черным бездоньем космоса, в котором парил невесомо я, свет обратился в мириады красочно мерцающих квадратиков, они ужимались и разрастались, суетливо кишели. И вот...

Квадратики растворились. А на их месте возникло вселенское видение: облокотившись на покатуую поверхность массивного деревянного стола, сидел в пристальном чтении человек, спиной ко мне, под ним будто разрастался резными виноградными лозами стул и зеркалился пол из небесно-голубого мрамора, а книга, на страницах которой построчно пробежали его глаза - едва уловимо человек покачивал головою - книга нежно светилась, искорки висели над нею, перламутровыми переливами сиял переплет. И все...

И вокруг светоносная пустота...

Смутно я начинал узнавать читающего. Какое-то время моя догадка стояла рядом, но почему-то не решалась открыться. Наконец...

"Корщиков!.." - неудержимо взмыслил я.

- Саша, - позвал я учителя.

Человек медленно полувернул ко мне свое лицо, несколько озадаченных мгновений молчал, потом, так ничего и не ответив, отвернулся, поднял правую руку и обратил ее раскрытую ладонь, с раздвинутыми пальцами, в мою сторону, как бы останавливая тем самым дальнейшие мои действия, словно упредил - не мешать...

Корщиков опустил руку на стол, продолжал читать. Еще некоторое время задумчиво стоялось на мраморном полу мне, сознание прорывалось, убеждало все-таки обратиться к учителю. Но...

Я не согласился на это. Я уплотнил свою волю и единым желанием оттолкнулся от

намагниченного чувствами воспоминаний энергетического построения сущности Сашиного бытия, теперь намагниченного моими чувствами воспоминаний, но и пропитанного, как я незримо ощутил, чем-то неведомым еще мне, предстоящим, подлежащим осознанию. Опять я вернулся поближе к физическому плану Земли...

Земля будто заострилась вниманием ко мне. Я тоже склонился к ней всем своим существом. Я не знаю, сколько я находился в остановленном состоянии, созерцая планету. Множество чувств, и все родны и доступны. Бесчисленное количество ощущений, словно шевелящиеся щупальца, тянулись ко мне - всосаться, впитаться в меня. Совсем другой показалась мне колыбель моего земного тела: бессмысленное копошение, все мысли, если таковые случаются там, на земле, в присосках чувств и ощущений, они бессильны, но тянутся друг к другу, и только лишь догадка, что их оброну сюда, оставляет за ними право одиночить на планете. Если человек не хочет - он уходит, приспосабливается или просто лжет. Лгать и приспосабливаться я не стал. Я ушел.

Мое стремление во что бы то ни стало вернуться в земное тело было всего лишь ублажено многочисленными поцелуями ощутительно чувственных присосок - этого крохотного невежественного спрута земли. И я даже не знал сейчас, зачем... зачем я все так же хочу вернуться? Ведь мне давно уже этого не нужно, ведь я уже не смогу больше жить вне этих вседоступных просторов Астрала!

Я находился в естественном изначалии, в естественном по-ложении человека, ушедшего, некогда покинувшего социум и живущего соками природы в лесу. У него были денежные сбережения в банке, и он ими пользовался, расплачивался, платил за всевозможные поцелуи присосок. но к чему ему теперь деньги, они остались там, среди таких же, как он когда-то, они еще числятся за ним, принадлежат ему, но зачем... зачем ему они: придет время, и об этом человеке забудут, а деньги, некогда его деньги, перейдут в распоряжение стихий. Так и мое тело, которым я ежесекундно расплачивался на земле, тоже умрет для меня. Огонь, вода, земля и воздух - вот что останется от моего земного тела. И так, я уже не знал точно: действительно ли мне было теперь так уж необходимо нужно вернуться на физический план. Я забыл, для чего трачу столько невероятных сил на то, чтобы всего лишь возвратиться в прошлое. Ведь что-либо ясно понятное всегда означено минувшим. Но Юра!

Я позвал на помощь близкого друга, и он распахнуто скользнул по моим стопам. Да, сейчас, если и есть какой-то смысл в моих действиях по отношению к Земле, то это...

Нет. Не только так. Я забыл... о Наташе.

Я не любил ее, как если бы она была человеком, но я любил ее, как есть она - моя тайна. Я тут же ринулся все-таки в прошлое, ибо есть своя прелесть и в бессмысленности, наверное. Я ринулся в прошлое настоящее, в уже переболевшее мною множество вещей и предметов, эмоций, и чувств. И вскоре...

Я несколько взмыслил физический план, призраком просочился в его многолюдных окрестностях. Я даже не знал, где я нахожусь, одно лишь осознавал уверенно, что это город моего рождения, и в нем покоится мое земное тело, и неподалеку от него живут Юра и Вика, моя мама, Наташа и Сабина. Смутно я огляделся по сторонам. Невероятно!

Раньше мне никогда не удавалось в астральном теле своем созерцать планету так же, как это я мог, будучи в объеме земного тела, но теперь я великолепно все видел!

До тех пор пока я испытывал необходимость в обладании физическим планом - я не обладал им, и как только я отказался от этого, отвернулся, пошел прочь, но как-то ненароком, в безразличии обернулся - увиделось все, и пришло обладание. Я отказался от обладания физическим планом, но сейчас оглянулся на него без жажды и прозрения...

Когда я более осмысленно осмотрелся, куда я попал, догадался: я нахожусь в подвальном помещении. "Какая-то организация?" Деревянный стол в шелухе отслоившейся лакировки, на него навалено множество женских сапог, два небольших квадратных окна почти под потолком забиты фанерой и прочно заштрихованы металлической решеткой, распахнутый диван у стены, с замусоленной обивкой, на диване сидит какой-то мужчина:

усиленно потирает виски, жмурится, не открывая глаз, а у его ног валяется несколько пустых спиртоносных бутылок. Если бы он сейчас открыл глаза, он наверняка увидел бы меня, я не сомневался в этом, и тогда, понимая, что могу быть замечен, я шагнул за старинный громоздкий шкаф и продолжал подглядывать за сидящим на диване человеком сквозь этот шкаф. Мужчина сидел брюзгливо, ему было лет сорок. В угол дивана забился вопящий магнитофон, будто ему дали пинка. Посредине комнаты прямо на полу стояла настольная лампа, она охватывала диван своим светом, жестко светила мужчине прямо в лицо, как на допросе. Наконец мужчина отщерил свои глаза, прищуренно рассмотрел руки, потом пару раз слегка приподнял свой увесистый мешок живота и оставил его лежать на коленях. Позади сидящего на диване лежал еще один голый человек, девушка, но когда она приподнялась на локти и слепо улыбнулась в сторону лампы, я увидел, что это была не девушка, еще не девушка: это была совсем юная девочка-подросток. Она села рядом с мужчиной, зевнула и протяжно потянулась. Тогда ее сосед наклонился к магнитофону и немного приглушил громкость. Теперь, если бы сидящие на диване стали разговаривать между собой, их истомные голоса мог бы разобрать и я.

- Детка, - обратился мужчина к девочке, - сапоги выбери себе там, на столе, - он небрежно махнул в сторону, будто повелитель этого подвала.

- О-о! - воскликнула юная женщина, ей всего было лет тринадцать на вид. - Малыш мой расщедрился, - восторженно проорала она ему в ухо и укусила за это же ухо.

- Ты что! Оху..., дура, - мутно проговорил он и тяжеловесно отмахнул ее, слово бабочку. Она свалилась на пол и расхохоталась, катаясь по полу перед лампой. Бутылки, позвякивая, раскатились по сторонам.

- Встань, сука, потом я сосать тебя буду грязную.

- Пусть лучше он у тебя встанет, - снова расхохоталась она.

Девочка подползла к нему поближе, ухватила за его колени и подтянулась, ее голова возникла между его колен.

- Помочь? - дерзко спросила она.

- А-а, - брезгливо протянул он и, раздвинув колени, развалился на диване, его живот метнулся налево и отвис на правый бок. Посматривая на прибалдевшего партнера, девочка, стараясь не шевелиться, дабы не насторожить его, пошарила рукой под диваном и через некоторое время в ее руке оказался флакон лака. Она оттянула на себя доселе обвисшее мужское достоинство, ее рука пьяно пошатывалась, девочка прицеливалась... прицеливалась и... лаковая пыль, всшипев, змеино вспенилась между ног мужчины.

- А-а, га...! Г...гадина! - бессильно пытаюсь подняться, завопил он. - Что ты делаешь, стерва!..

- Лакирую, чтобы стоял, - надрывно реготала она.

- Ладно, - словно пережевывая слова, сглатывая одышку, сказал мужчина. - Тьфу, - отплюнулся он. - Пошла вон... кому сказал, сапоги посмотри. Слышишь?

- Любые? Взять могу...

- Бери, дарю, сказал.

- Надо же, - расшвыривая по комнате разноцветные пары сапог, рассуждала девочка, зябко пошатываясь у стола.

- Ты что, ху..шь, - будто взмолился мужчина, когда одна пара сапог отшарахнулась ему на живот.

- Ты все равно богатый, малыш, я просто кайфую от твоих бабок.

- Ты думаешь, они мне легко достаются? Я пашу, как пидар, за них. Ну кончай, тебе говорят! Слушай, - сочно отплюнувшись, продолжал говорить он. - Какая х..ня получается. - Девочка продолжала рыться в куче сапог. - Х..ня получается.

- Да-да, х..ня, малыш всегда прав.

- Ты что думаешь, я бы здесь, в этом пидарастическом подвале был, если бы там, на Западе развернулся!.. Да я бы контору отшиковал как надо. А тут... в подвале... Только бухать и е...ся, да об...вать всех подряд, пока перестройка не закончилась. Разогнали, как

вонючих крыс, по подвалам. А что делают крысы? Все тянут в подвал, а они там, наверху, крысоловки свои узаконивают. Но нас, крыс, не проведешь, мы же умные, с высшим образованием, сахарку сп..дим, и хвостик не прищемит. Ты думаешь, я что? А я не просто так. Университет закончил, в свое время, конечно. Но на х.. он мне сдался? Да если бы я на Западе, так ты думаешь, я с тобой бы здесь, что ль... - словно сам себе сказал последнюю фразу он и, помолчав, добавил: - У меня бы все красиво было, по-человечески.

- Красиво? - отвлеклась на минуточку девочка от разбрасывания сапог. - Ты мне нравишься, малыш. А можешь ты мне купить машину?

- Тебе еще рано, детка.

- Что, не заслужила разве? - она продолжала рыться в сапогах.

Мужчина ничего не ответил.

Я стоял за шкафом, наблюдал, слушал. Ведь я мог сделать с ними все что угодно. Я не знаю, может, безразличие к муравью в траве, может, желание растормошить вялое пьяное затишье этого подвала, а может, шалость, вседоступность или еще что, но я вышагнул из-за шкафа, мне захотелось, чтобы они меня увидели.

- А-а! - коротко и удушливо простонал мужчина, будто его ударили. - Во-о...т... стоит...

- Что, уже встал? Ну малыш, ты даешь, неисчерпаемый мой! - воскликнула девочка, еще не обернувшись в сторону дивана.

- Уйди! Уходи сейчас же! - зверино проорал мужчина и, подскочив, как мячик, забился в угол дивана, под ним что-то хрустнуло, видимо, магнитофон, потому что музыка замерла. Девочка испуганно повернулась лицом к дивану.

- Ты что? - осторожно проговорила она и огляделась по сторонам. - Ты это мне? - И я понял, что она меня не видит, тогда я почувствовал себя еще увереннее, я бы сказал, потому-то еще злее, и какая-то неистово сладкая агрессивность овладела мною. Я обратился к мужчине, ибо знал, что он только слышит меня, я заговорил чувствами уверенно и жестоко:

- Не ори, мне нужно твоё тело.

- Караул! Грабят! Уходи, пшел прочь! - завопила моя жертва.

- Малыш, малышок, я все, я уйду, - ошалевшая, не спуская глаз со своего благодетеля, говорила девочка, на скорую руку натягивая джинсы и кофточку. Она бросила в свою вместительную сумку первую попавшуюся пару сапог, которая лежала прямо возле меня, потом она прошла сквозь меня, остановилась у двери, она еще надеялась на благополучие.

- Ну что тебе надо? - неистово вопрошал мужчина. - Кто ты? Господи, спаси! Спаси меня, Господи! Отведи эту сатанищу! Каждую секунду девочка порывалась вышагнуть за дверь, но что-то удерживало ее.

- Заткнись, дурак. Мне нужно твоё тело, и все, ненадолго. Я человек, такой же, как ты.

- Ай-я-я...е...еб...ный в рот, не дам! Мое!

- Ну, знаешь, малыш, это уж слишком, - злобно воскликнула девочка, суетливо, нервничая, она будто вырвала с корнем пару сапог из сумки и дерзко швырнула их в "малыша".

- Пошла в пи...у со своими сапогами, - бегая по дивану на четвереньках из угла в угол, прошипел девочке мужчина и швырнул эти сапоги обратно. Она едва поймала их на лету.

- Совсем оху.., - сказал она, укладывая неожиданно возвратившуюся пару сапог обратно в сумку. В это время я приблизился к метавшемуся в ужасе мужчине вплотную: словно паучок, он ловко семеня руками и ногами по дивану. И тут я остановил его, его беспорядочные движения, остановил, парализовал своей волей. И тогда незамедлительно, властно и уверенно, я метнулся к мужчине и всем своим призрачным состоянием я прильнул к его увесистому животу. Я вонзился ему в пупок. Теперь я настойчиво протискивался внутрь земного тела мужчины. Когда я полностью вошел, просочился в тело, опять же чувственно произнес:

- Подвинься, дурак, я ничего плохого тебе не сделаю.

Потом я вытащил своеобразные энергетические лучи мужчины из его собственных ног

и опустил в его ноги основательно свои лучи, будто примерил сапоги. Затем я встал с дивана, точнее мужчина встал с дивана. Таким образом я вытащил энергетические лучи из рук и примерил руки, освоился в позвоночнике, мой одержимый взгляд проклюнулся в глаза мужчины, его мышление трогать я не стал, я оставил за ним эту возможность... Решив проверить голосовые связки, я отчетливо прокашлялся, связки подчинились, способность слышать осталась на двоих.

- Ну, что смотришь? - сказал я девочке. - Забирай сапоги и иди отсюда.

- Малыш, - просительным шепотом произнесла она.

- Иди, иди отсюда, мне необходимо одеться, - абсолютно трезво произносил я слова и с великолепной спортивной координацией прошелся по комнате, разыскал майку и трусы, и они ловко скользнули по голому телу мужчины на свои места, обозначенные этикетом. Девочка замерла в шоке.

- Придурялся, гад... - снова прошептала она.

Я улыбнулся. Волевым посылом расслабил я девочку, чтобы она могла двигаться.

- Ладно, детка, иди, не мешай мне, - и девочка отвернулась и собралась уже выйти в коридор, как я остановил ее, на одном из высоких подоконников перед моим взглядом промелькнул телефонный аппарат.

- Пстой, - потребовал я.

Она замерла на месте в ожидании, пугливо прислушалась и, немного помолчав, тоскливо и жалобно ответила:

- Что тебе?

- Как тебя зовут?

- Меня-а?

- Ну а кого же еще! - дико расхохотался я. - Тебя, конечно.

- Лена... - взволнованно прозвучал ее голос.

- Хорошо, Лена, - еще немного подхохотнул я. - Иди и смотри: никому ничего не рассказывай! - пригрозил я. Девочка молчала.

- Ты меня поняла? - вопросительно прикрикнул я на нее.

- По-ня-ла... - с проблесками пауз между слогов произнесла она.

- Тогда все, иди... Иди отсюда! - притопнул я ногой на нее, и девочка вспышкой исчезла во мраке проема двери, и только судорожные, заплетающиеся звуки ее шагов по коридору скоро отзвучали и обратились во внимательную тишину вокруг меня. Теперь, находясь между двух состояний: меня окружающим физическим планом и сущностью мужчины, тело которого я позаимствовал сейчас, - я озадачился, что же делать дальше.

- Эй, ты, - обратился я к мужчине, - как тебя там?

- Гриша, - послышались в ответ робкие чувства мужчины.

- У тебя что, кооператив?

- Да.

- Председатель ты?

- Да.

- Ты меня не бойся, я немного похожу в твоём теле, сделаю, что нужно, и уйду.

- Послушай... братишка, ты Сатана, да? - обратился ко мне мужчина.

- Я же тебе сказал, что я такой же, как ты, - человек.

- Братишка, а ты не ограбишь меня?

- Знаешь, ты мне уже надоел со своими глупыми вопросами, ты можешь помолчать немного и не мешать. - Я подошел к телефонному аппарату.

- Телефон работает?

В ответ послышалось молчание.

- Гриша, ты где там пропал? - настойчиво спросил я мужчину.

- Да.

- Что "да"?

- Работает телефон.

- Отлично, - сказал я и потянулся к аппарату.

- Куда ты хочешь звонить? - забеспокоился Григорий.

- Это тебя не касается, ты бы поспал немного.

- Я ничего не вижу, и мне жутко.

- Успокойся, если я разрешу тебе видеть, будешь глазеть по сторонам, не туда, куда мне нужно, мешать, я должен все сделать быстро и четко.

- Слышишь, Сатана, а может, я сошел с ума и тебя нет.

- Есть-есть. Успокойся, еще раз тебе говорю.

- А может, все-таки ты уйдешь, а?

- Заткнись, надоел! - не выдержал я. - Мало того что мне приходится мириться с твоим разжиревшим телом, так еще и твои бессмысленные вопросы.

- Я же тебя боюсь.

- Ты заткнешься или я тебя отсюда вообще вытолкаю, и тогда ты познакомишься с настоящим Сатаной, ты вполне достоин этого общения.

- Но я же...

- Заткни-ись!! - вконец обозлившись, проорал я, оборвав тем самым последнее Гришино обращение ко мне. Проскользнуло некоторое время.

- Что молчишь? Спишь? - запросил я ответа у бывшего хозяина тела, но тот ничего не ответил: может, чересчур испугался, а может, и действительно уснул, во всяком случае он перестал мне мешать. - Ну спи, спи, Гриша, - на всякий случай благодарно похвалил я. Пухленькими, коротенькими пальцами Гриши я набрал номер своего домашнего телефона, и диск вращался будто ромашка, и указательный палец мужчины в этот момент напоминал вопросительный знак. Хотелось предугадать, что меня ожидает, хотя я сам без особого труда мог бы выстроить исполнение любых своих ожиданий, но... но я поступал как человек, а не как бестелесная астральная сущность. Зуммер протяжно отсигналил несколько черточек мелодичных звуков, эти черточки, словно многозначительная цепочка из тире, приготовили меня к прямой речи. Впервые за все это несусветное время безмолвно любовного одиночества я начинал понимать, как я люблю Наташу, как я люблю свою тайну, как я не хочу и не могу еще определить ее обязательное предназначение. Мелодичные тире остановились.

- Алло-о, - услышал я голос Наташи.

- Здравствуйте, - кротко и официально сказал я.

- Да, я слушаю вас, здравствуйте, - отозвалась Наташа.

- Это вас беспокоят из домоуправления, - сию минуту нашелся я, хотя несколько секунд назад я даже не знал, о чем и как я буду говорить с Наташей. - В настоящий момент, продолжал я официальным тоном, - в нашем районе участились ограбления, квартирные кражи, наш кооператив уполномочен начальником ЖЭУ, в соответствии с договором нашего кооператива и ЖЭУ, производить укрепление дверей.

- Да, ну и что? Честно говоря, у нас красть нечего.

- Мы работаем, так сказать, на перспективу и, знаете, довольно неплохо и надежно укрепляем двери, а главное, почти задаром.

- И сколько же это стоит?

- Двадцать пять рублей, и ваша квартира, как танк, надежно защищена от посягательств, ну так как? Будете укреплять?

- Нет. Я вам уже объяснила, что у нас брать нечего.

- А жаль. Был бы Сергей, он бы согласился, ну ладно, всего доброго, - бегло проговорил я, чтобы не выдать волнения.

- Пойдите-пойдите, не кладите трубочку, молодой человек, вы что, знали Сережу? - засуетился на том конце провода голос Наташи, и радость блеснула в его интонации.

- Да, конечно, мы были друзьями... близкими друзьями... я действительно очень хорошо знал Сергея.

- Вы знаете... Вы приходите.

- Хорошо.
- Когда мне вас ждать? Сегодня?
- Пожалуй, нет. Я бы с удовольствием, но вы же понимаете, у нас очередь.
- Молодой человек, вы нас на очередь поставьте, а в гости приходите сегодня, я очень вам буду рада! Я пирог испеку.
- Правда?
- Отчего же я буду вас обманывать!
- Да... Серега был интересным человеком.
- Почему же был, он и есть!
- Да... Извините меня...
- Ну что вы, не обижайтесь, пожалуйста.
- Да ну там! Это вы не обижайтесь, говорю сдуру, что на язык попадет.
- Так что... придете?
- Я постараюсь, и, возможно, сегодня...
- Приходите, я буду ждать.
- Что ж...
- А вы знаете, у вас удивительно...близко... приумолкла Наташа.
- Что "близко"?
- Близко... стоит... К Серезиному стиль мышления, сосредоточенно проговорила Наташа, будто припоминая что-то.

- Не люди встречаются друг с другом... Господь - находит их, - внушительно сказал я и, не смотря на слова Наташи, не разобрать какие, торопливые, будто вдогонку она о чем-то еще пыталась... заговорить... я... положил... трубку... на... аппарат...

* Часть третья ЮРА БОЖИВ *

Кража сновидений

...Даже когда я пребывал в летаргии, я продолжал вести свой астральный дневник...

Сергей Истина

...Уборщица Лидия Ивановна сидела прямо посреди площади, что напротив кинотеатра Лесного поселка, на перевернутом ведре. Троллейбусы один за другим останавливались у въезда на площадь, водители выскакивали из остановленных электрических машин и тут же бежали сорвать высоковольтные штанги с проволочных рельсов, они хохотали, натягивали на себя удила веревок, застегивали металлические трубы штанг в специальные крюки на крыше троллейбуса. Потом каждый из водителей начинал толкать свою электрическую машину вокруг площадного памятника Ленину, который грядуще стоял на своем невысоком постаменте, будто с протянутой рукою, обращенной к прошлому. Троллейбусные колеса сами неуклюже поворачивались, машины объезжали уборщицу Лидию Ивановну, эта пожилая женщина отдавала им честь, словно старенький, некогда разжалованный адмирал...

Юра Божив озабоченно выскочил на площадь из кинотеатра. Не добежав нескольких метров до Лидии Ивановны, он остановился, немного постоял, достал из внутреннего кармана пиджака здоровенный брусок мела, нагнулся к асфальту и провел по нему жирную, раскрошенную черту возле своих ног. Затем Юра отпятился на некоторое расстояние от этой черты на асфальте, ненадолго, будто притаившись, вдруг с места рванулся в бег к уборщице. По пути он во мгновении натиске обеих ног оттолкнулся от меловой черты и вспорхнул в протяжном прыжке. Он перелетел через Лидию Ивановну и плавно опустился на планшет площади, успев на лету развернуться лицом к пожилой женщине, продолжавшей сидеть на перевернутом ведре. Они, Юра Божив и Лидия Ивановна, долго отстраненно друг другу смотрели в глаза, будто узнавали что-то, догадывались, и наконец Лидия Ивановна активно заговорила:

- У памятника указательный палец отломали и десять копеек в ладошку положили, что будем делать?...

- Я сейчас пойду и вытащу десять копеек, - тут же ответил Юра Божив и уверенно зашагал к памятнику.

- А палец указательный, как же с ним-то быть?

- Придется вылепить из гипса новый.

Юра вскарабкался на постамент, пошарил рукою в протянутой ладони Ильича, извлек оттуда десять копеек, близко поднес их к глазам, долго рассматривал и положил обратно, затем спрыгнул с постамента и озабоченно вернулся к уборщице, сидящей на ведре, но Лидии Ивановны не оказалось на месте, словно ее там и не было никогда, на ведре сидела Екатерина Васильевна. Водители продолжали проталкивать свои электрические машины, и когда обесточенные троллейбусы делали полный объезд вокруг памятника по площади, металлические штанги сами выпружинивали из вопросительных крючков, будто булавки, и впивались опять в проволочные рельсы. Юра подошел к Екатерине вплотную. Екатерина встала с ведра.

- Ты хочешь меня трахнуть? - спросила она у Божива.

- Еще бы, прекрасная вы женщина. - У Юры взвешенно пробудилось желание. Екатерина и Божив обнялись и обласкивали друг друга.

- А ты очень хочешь этого? - словно предупреждая о чем-то, игриво шептала Екатерина Васильевна.

- Да что же вы меня об этом спрашиваете? Давайте, я прошу вас.

- Я пошутила, Юрий Сергеевич.

- Да ну же, как же так? Это нехорошо с вашей стороны, вовлечь и отвергнуть.

- Ну хорошо, Юрий Сергеевич, вы только сунете и сразу же вытащите.

- Что за ерунда!

- Нет-нет, только один раз, сразу же вытащите.

- Я не смогу этого сделать. Ничего не понимаю, почему, почему так?

- Так уж необходимо.

- Ну хорошо, я попробую, - сказал Юра Божив, надеясь на то, что любая женщина сама не захочет прекратить это неизвестно ради чего, что она просто не в силах перед природою... но... и Божив обеими руками подлез под платье Екатерины и стащил с нее трусики, вскоре и его брюки медленно спружинили до колен. Божив прильнул к Екатерине, она простонала и тут же слегка присела.

- Да что же это такое? - возмутился Юра, успевший всего пару раз судорожно дернуться всем телом. - Екатерина Васильевна, это нехорошо, давайте же, это нехорошо с вашей стороны так поступать.

- Нет же, я опытная женщина.

Божив агрессивно прижимал к себе Екатерину и тоже пытался присесть.

- Не пытайтесь, Юрий Сергеевич, у вас больше ничего не получится, я же говорила вам, только один раз, и он уже произошел. Не надо, не насилуйте меня. - Божив продолжал упорствовать, настойчиво подергиваясь все телом.

- Какой же вы сексуальный, зависимый человек, Юрий Сергеевич!

- Еще бы, вы даже не можете себе представить, как мне хочется, жадная вы женщина...

...

Как обычно в девять часов утра Юра Божив явился на работу в кинотеатр Лесного поселка. Он зашел к себе в кабинет. С расстановками: то журнал положить на место надо или расположение стула поправить, а то сейф открыть, проверить, печать на месте ли, и удовлетворенно закрыть этот железный ящик, - Юра медленно опустился на стул за рабочий стол. Только он успел это сделать, как в кабинет без церемонного стука вшагала Екатерина Васильевна.

- Вы как всегда вовремя, Юрий Сергеевич.

- А как же иначе. Всегда кто-то должен кому-то помогать.

- Не поняла, Юрий Сергеевич.

- Я помогаю работе, а Господь помогает мне. Человек помогает Жизни, а Бог помогает

человеку.

- Что-то вы с утра совсем зарассуждались, Юрий Сергеевич, что же будет к вечеру?
- Или в ночь... - отрешенно проговорил Божив.
- Я не знаю, как в ночь, но...
- А кто поможет Богу? - вопросительно остановил Юра Екатерину.
- О, это для меня слишком замысловато.
- А что для вас проще? Общение с мужчинами, да?
- Смотря с какими, смотря где и когда, Юрий Сергеевич.
- Вы хотите сказать - днем или ночью?
- Не знаю, не знаю... может, и так.
- Вы хотели сказать - наяву или во сне?
- А почему бы и нет?
- А вы знаете, я сегодня с вами во сне... довольно интересно общался.
- Знаю.
- Что?
- Предполагаю, в каком смысле, Юрий Сергеевич... и как?
- Что "и как"?
- Удало-ось ли?
- Нет. Вы были слишком принципиальны.
- Однако какая же я нехорошая женщина, Юрий Сергеевич, не правда ли?
- Да уж, это верно...
- Но вы должны понять, Юрий Сергеевич, что любой страстью надо уметь управлять, и тогда страсть не нападает, а припадает на колени перед вами, и вы...
- Можете рассмотреть эту страсть, а не она вас.
- Да, Юрий Сергеевич, абсолютная точка.

Божив сидел у себя в кабинете, уютно расслабившись, он еще не знал, что ему предстоит... снова сегодня пройти по необъяснимым пока для него тропинкам Посвящения, и заблудиться можно, и обнаружить поляну и тогда - залюбоваться успокоением желаемой сытости чувств и ума, или же, заметив очертания далекого пути, - достичь безвозвратного окончания, что замечено Всевидящим Светом. Зачем?

Спросите у Света: почему все имеет окончание? И Свет ответит вам: что бы можно было увидеть, как и познать, если бы не очертания, если бы, вначале, не контуры окончания, освещенные мною?.. Да здравствуют контуры окончания всего на свете!..

Бесконечный восторг устремления пути...

Не познание, а всеильное окончание манит собраться в осознанный путь...

В зеркале... Одинокое блуждание Отражения в зеркале. Не блуждай, Отражающийся! Смилуйся милосердно! Остановись... Или уйти от зеркала... Ведь если уйти от зеркала... Ведь если уйдет за очертания зеркала Отражение...то... сможешь ли Ты увидеть, понять самого себя... сможешь ли Ты быть вообще?.. Так все-таки, кто же Бог, Ты или Отражение? Не два ли зеркала друг против друга, и кто на кого смотрит, и кто есть Бог, и кто есть Отражение?.. И рассудить это дано лишь тому, кто знает, кто видит, как Ты - блуждаешь, как блуждает оно: Ты и Мы...

Божив так и не понял, даже потому, когда он будет вспоминать об этом и попытаться оправиться ясностью успокоения, что же с ним произошло в то следующее мгновение, в его рабочем кабинете...

Прямо перед Юрой внезапно, будто кто-то невидимой резинкой стал стирать, протирать пространственную картинку кабинета, след от этой резинки вращался по кругу и разрастался как снежный ком, все больше увеличивалась в размерах дыра, и вскоре она охватила все поле зрения Божива. А это была вовсе не дыра, а другой мир, словно протерли запотевшее окно. Теперь Юра оказался на неведомом аэродроме, и он даже не понимал, спится ли ему, дремлется или же это и в самом деле так: не должно озадачивать, а просто есть. Интерьер кабинета исчез, словно он был всегда лишь игрушечным представлением

воображения минуту назад. Ни единой души, ни единого летательного аппарата, кроме внезапно откуда-то появившегося самолета, что почему-то бесшумно выкатился на взлетную полосу и остановился перед Боживым в нескольких десятках метров. Так же бесшумно, будто из-за кадра, к самолету подкатил трап. Неожиданно перед Юрой возникли какие-то люди, они будто вышли из-за спины, их было несколько человек, они молчали, но все-таки неведомо каким образом говорили, когда смотрели в Юрины глаза. Божив понимал их без слов.

- Проходи в самолет, - предложил ему один из них.

Легко, вместе с необъяснимыми людьми, Божив вбежал по трапу в салон самолета. В следующее мгновение они уже летели на фоне турбинного гула, Юра сидел в кабине пилотов и смотрел вниз, на скольжение земли. Через несколько минут самолет бесшумно опустился на какое-то автомобильное шоссе, его турбины отзвучали там, на высоте, и Боживу показалось, что турбинный гул оторвался, обронил безмолвный самолет на эту дорогу. По обе стороны шоссе высотно теснились тополя. И вот замысловатая посадочная полоса свернула в сторону огромного дома и вскоре остановилась неподалеку от него. Все, и Юра тоже, вышли из самолета и направились в дом.

Вскоре Божив оказался в пустынном просторе зала: стены серебрились, вогнутые, они высоко смыкались в единый купол, а глянцевый пол был настолько глубинно прозрачен, что казалось Юра ступал по затвердевшей поверхности океана, и каждую секунду вода под ногами могла ожить, и Юра старался не глядеть на пол, чтобы вдруг случайно не подумать об оживающей воде; а глянцевый пол будто ожидал этого, и взгляд Божива, словно перепачканный этим ожиданием, неповоротливо слушался своего хозяина, то и дело приклеивался к полу, и тогда Божив не допускал ни единой мысли к себе, дабы не переглянуться случайно с единственной мыслью об оживающем глянце пола, ибо тогда она заговорит и Боживу предстоит выслушать ее до конца, и пол действительно оживет, неведомо почему Юра не сомневался в этом. Каждый взгляд Божива эхом потрескивал на поверхности стен: чувственный зал, отзывчивый зал. Они, впереди идущие, остановились и плавно развернулись лицами к Юре. Неожиданно для самого себя Божив близко подошел к одному из них и протянул руку.

- Юра, - промыслил Божив, не говоря ни слова.

- Остап Моисеевич, - возникла ответная мысль, и человек, к которому подошел Юра, как показалось Боживу, надежно пожал ему руку и на несколько мгновений Юра бесстрашно приблизил свое лицо особенно близко к лицу Остапа Моисеевича. Таким же образом Юра познакомился со всеми остальными, и они по очереди представились Боживу: старик с фиолетовой бородкой и белыми волосами назвался Помощником, а имена других Юра тут же забыл, только одно и всплыло из них на поверхность памяти - Купсик.

- Мы - астральная группа, - осведомил Божива Остап Моисеевич, все так же телепатически. "Шайка, - подумал Юра, астральная шайка!.."

Астральщики заговорили между собой, а Божив, равнодушно прислушиваясь к их разговору, медленно поплыл вдоль объемных стен таинственного зала, в нескольких сантиметрах от океанского пола, словно исследователь. Когда он сделал полный круг, возле входной двери неожиданно завис, остановил невесомое парение своего тела: в эту дверь вошел красивый молодой человек, последний тоже замер напротив Юры и не сводил с него глаз, и тут Божив, почему-то ранее оплывая зал и не осознавая сути разговора астральной шайки, внимательно вслушался в чувствительно уловимые, телепатические голоса людей, оставленных им в центре этого загадочного помещения, он стал понимать смысл их разговора, понимать, о чем шла речь.

- Ты уже все продумал? - убедительно вопрошал Остап Моисеевич.

- Не все, но многое, - ответил вопрошаемый.

- Что же осталось еще?

- Пустяк, Магистр, последняя точка.

- Какова же...

- Точка?
- Да.
- Художник, вон, уже пришел, так что сейчас произойдет.
- Хорошо. Я жду... Жду результатов!.. Слышишь, Купсик, результатов, а не то...
- Будет вам, Остапа Моисеевич, сию минуту убедитесь!

И тут Божив увидел, а точнее сию минуту же понял, о чем приготовился, будто в зверином прыжке, взмыслить стоящий напротив него, по всей вероятности, тот самый художник, о котором любезно проговорил только что Купсик. Художник стал усиленно взмысливать: Юра почувствовал, как океанский пол оживающе промягчился, и Божив теперь же начал медленно погружаться в бездонную пучину вод. Очнулся Юра от чарующего и насмехающегося взгляда художника, когда уже почти утонул по колено. Тут он активизировался: сопротивляясь жестокому, неумолимому взгляду, вспарил обратно на поверхность и сразу же - взмыслил обратное, и художник ушел по колено в обмякший пластилиново океан. Противление друг другу шло у них несколько минут. То художник, то Юра, то снова художник вдавливались телепатическими взглядами в оживающий на короткие мгновения океанский пол. Наконец, Божив в клейком изнеможении рванул толчком воли океанскую твердь пола под своим нападающим, и художник пошатнулся и в одно мгновение, свинцово барахтаясь, размахивая руками и ногами, рухнул в глубину, понесся в бездонность и вскоре растаял, исчез в чернеющей далеко под ногами непроглядности, и Юра остался один стоять победителем. Картинка необъяснимого зала начала бледнеть и, растворяясь, медленно переливаться в непроглядную мглу. Напряженный поток ветра, густо перемешанный с гулом реактивного самолета, и где-то издали зловещий голос: "Художник утонул!.. Утону-ул!.." - и все. И снова картинка рабочего кабинета в кинотеатре, когда Божив открыл глаза. И только неприятная вспышка мыслей: "Художник..."

Я утопил его!.. Но это же был..." Юра в предчувственном состоянии, но сосредоточенно спокойный, огляделся словно в беззвучном пространстве своего рабочего помещения, обеззвученном, будто подтененном тем, взветренным гулом, что теперь отзвучал...

Неожиданно в дверь настойчиво постучались, будто ожидали "возвращения" Юрия Сергеевича на рабочее место. Божив насторожился.

- Да-да... - негромко произнес он. Постучались еще. И тут Божив догадался: ведь он вовсе ничего не сказал вслух, он по привычке взмыслил свой отклик "да-да...".

- Войдите!.. - словно громко окрикнул он дверь, стоящего за нею сейчас посетителя, и это "войдите!" прозвучало коряво и сухо, каким-то раздраженно-гортанным созвучием, так что Юрию Сергеевичу стало неловко от своей неподатливой неуклюжести. Войдите - поспокойнее произнес Божив, и на этот раз "войдите!" прозвучало неплохо, естественно. Дверь наполовину распахнулась, вошла в кабинет Екатерина. Она остановилась и как-то рассеянно оглядела директора кинотеатра.

- Что случилось? - догадливо опередил Екатерину Юра.

- У нас в коллективе - несчастье... Юрий Сергеевич...

- Утонул художник? - пристально осведомился Божив. - И как же, и где это произошло? Насколько я знаю, у него сейчас отпуск?

- На море, - огорченно покачивая головой в сторону директора, ответила Екатерина. - Кто-то его утопил, добавила она таким тоном, словно знала кто.

- Я пока не получил официального извещения.

- Я вам его принесла, Юрий Сергеевич. Зое Карловне его только что доставил почтальон.

- Давайте сюда, - потребовал Божив.

Екатерина медленно подошла к рабочему столу директора и протянула распечатанный конверт, и Юра тут же вытащил из шелестящего нутра этого конверта сложенную в несколько раз бумагу, развернул ее. На официальном бланке некоего отделения милиции говорилось о гибели сотрудника кинотеатра Лесного поселка города Р... и еще о том, что обстоятельства самой смерти расследуются, разыскивается убийца...

Урок Первый

Как и обещал я Боживу, ровно через неделю земного времени порешил я навестить друга.

Но теперь я находился в физическом теле Гриши, председателя кооператива, и если бы вдруг я, хотя бы и украдкой, хотя бы и ненадолго, ушел из его тела, то незамеченной бы моя временная отлучка не осталась: Гриша мог бы натворить для меня непредсказуемых препятствий, хотя бы и то, что он ринулся бы в психиатричку - откуда не так легко мне было бы выйти в необходимый срок на встречу с Наташей, или же, того хуже, он опрометью бы понесся в храм и христианский эгрегор надежно бы заблокировал одержимого для моего посягательства.

Да... христианство нельзя путать с Христом.

Что же мне было делать? Как поступить: и встреча с Юрой, и желание увидеть Наташу, с одной стороны, а с другой - Гриша, председатель кооператива, со своими маловерными представлениями и осатанелым до безумия психозом нечистой силы, шкурной неуравновешенностью.

Мне ничего не оставалось делать, выход являлся реальным только один - вытолкнуть, вывести Гришу из его собственного тела, пусть он себе постранствует по астральному безграничью, а потом, потом я его обязательно разыщу, верну в данную инкарнацию.

Так решил я.

И оставалась единственная проблема, это проблема: куда спрятать на время моего отсутствия Гришино тело.

Эту задачу я увидел в разрешении очень легко: я оформил на имя Гриши командировку в один из далеких городов страны.

Теперь необходимо было куда-то определить на хранение его земное тело на то время, когда я буду выполнять свои дела в Астрале, чтобы возвращаться обратно как на надежную земную базу, не пугаясь того, что Гриша сбежит, утащится в своем теле неведомо куда и неведомо под какую защиту.

Оставлять председателя у него дома я не решался, ибо это могло вывести на исход, переполюсье довольно неприятных последствий: в конце концов Гриша был женат, у него имелось двое детей, две девочки.

А потому следовало мне придумать такой вариант, который обезопасил бы меня от непредсказуемых последствий на будущее.

Но Юра..

... заявиться к нему и попробовать объясниться на предмет того, чтобы спрятать Гришино тело в кинотеатре Лесного поселка хотя бы на ночь. Даже если бы и Гриша, то бишь я, заговорил с Боживым в стиле мышления Сергея Истины, в его узнаваемом объеме памяти бывших событий жизни, до летаргического сна, то Юра вряд ли бы воспринял это мое появление должным образом. А если бы Гриша позволил себе заговорить в нравоучительном тоне: сделай это, пойдти туда - Божив бы скорее насторожился, нежели стал бы без оглядки выполнять сказанное.

Нет...

С другом я должен был встретиться, используя астральный вариант общения, потому что в этом плане он уже приблизился более или менее к пониманию и восприятию естественному.

Конечно, я мог бы и не продолжать использование тела кооператора в моих сегодняшних делах Земли - пусть себе Гриша делает побег от меня, а я произведу астральное одержание другого человека.

Но в том-то и дело, что для очередного одержания потребуется еще какое-то время, а я уже начинал чувствовать: неладное готовится, и надо, необходимо успеть воплотить задуманное в кратчайшие сроки - опередить злоумышленное и ... как-то определиться, хотя бы в незначительном, но достижении намеченного, придвинуться к состоянию Победителя.

И все-таки я пошел в кинотеатр.

Когда я оказался в малом фойе, мне навстречу со второго этажа по лестнице спускалась, с растрепанными волосами, контролерша. Она выглядела так, будто кого-то потеряла, и, когда увидела меня, лицо ее исказилось в огорчении, ибо я был не тот, кого она искала.

Чуть-чуть я не сорвался и не назвал ее по имени-отчеству, но сдержался, хотя "здравствуйте" все-таки вырвалось у меня.

Контролерша окинула меня отрешенным взглядом, как обычно смотрят на временно скользящего перед глазами совершенно безразличного прохожего.

Она открыла дверь, и тут же за нею скрылась в большом фойе. А я, теперь бегом, через ступеньку, Гриша, наверное, мог бы позавидовать своему телу, поднялся на второй этаж кинотеатра и оказался перед немного отворенной дверью библиотеки.

Из помещения библиотеки доносились говорливые голоса, женские голоса. И я не замедлил прислушаться к ним, но одышка Гришиного тела изрядно мешала мне. "Надо же, как он разухабил свое тело", - подумал я. С напряжением я то и дело сглатывал kloкочущее дыхание и все время старался обезголосить его, переводя на шепот.

- Да что же она так волнуется? Подумаешь, дома не ночевал! Объявится, куда он денется!

- Да ты пойми, Зойка, художник погиб, а вдруг и муж ее драгоценный туда же отправился?

- Скажешь тоже.

- А что?

- Да ничего. Если бы что-то случилось, Остап Моисеевич уже бы дал знать.

- Слушай, Зойка, а может, наш контролер... хи-хи... подхихикнул голос, - сегодня у дамы? А? Как ты думаешь?

- А-а ха-ха-ха-ха... - расхохотался в ответ другой голос, - вечно ты... ха-ха... в своем репертуаре, Катька!

- Послушай, Сатана... где я?

- Помолчи, Гриша, ты мне мешаешь слушать.

- А кто это говорит? Ведьмы, да?

- На сей раз ты не ошибся - это ведьмы.

- Господи! - воскликнул многострадальный председатель кооператива. - Упаси, Господь!

- Я же тебя просил помолчать.

- Все, я молчу.

- Ну ты что, сейчас уже уходишь?

- О, кошмар! Катька, ты что, раньше не могла мне напомнить? - Послышалась торопливая возня. - Побежала я, побежала.

- Сумку, сумку не забудь!

- Все, - мелодично клацнул поцелуй.

Я отшатнулся за отделенную половинку двери, и тут же эта половинка двери распахнулась настежь, и Зоя Карловна высеменила на коротеньких ножках из помещения библиотеки. Слава Богу, она не захлопнула за собой половинку двери, за которой спрятался я. Но я забыл, что Гришино тело было довольно объемным, ибо я укрылся соразмерно габаритам своего земного тела, и теперь Гришин живот выдал мое присутствие, в нем пре-дательски шевелилось дыхание, и Зоя Карловна услышала его шипение и обернулась.

Тогда она остановилась. "Да, - подумал я, - что же она обо мне может вообразить? Еще покажется ей, что я вор, или того хуже, онанист... Неловкая ситуация, однако".

- Молодой человек, вы что там делаете? - обратилась ко мне укоризненно Зоя Карловна.

- Тише, - нашелся я.

- Что значит "тише"? Я спрашиваю вас, что вы там делаете?

- Ну что вы так волнуетесь? Спрятался я здесь.

- Что значит "спрятался"? - опешила Зоя Карловна.

- Ну все, вроде бы ушел, - сказал я, и с этими словами объявился перед Зоей Карловной, вышагнув из своего жалкого укрытия.

- Не понимаю, кто ушел? - озадачилась библиотечкарь.

- Да сын мой, я здесь от него спрятался, пристал пойдем в кино да пойдем в кино, еле отделался, домой отослал.

- Ну и что?

- Ничего. Зайду в библиотеку, может, какую книжку подыщу для него, паразита, чтобы не мешал вечерами газеты читать, раз уж я сюда забежал... Некогда мне в кино ходить... Понимаете, некогда! - И я тут же прошмыгнул в помещение библиотеки, но позади себя услышал догоняющие меня шаги Зои Карловны.

Я остановился, оглядываясь по сторонам, напротив стола, за которым сидела, вольготно откинувшись на спинку стула, Екатерина Васильевна.

Зоя Карловна прямо-таки вбежала в библиотеку и сразу же она метнула в меня взгляд бегающих глазок:

- Катя, ты смотри, этот молодой человек странный какой-то, прячется за дверью...

- Да я же уж сказал вам, что от сына укрылся, что вы такие подозрительные!

- Ладно, я уже побежала, Катя, - словно опомнившись, быстро проговорила Зоя Карловна. - А ты смотри. И вы, молодой человек, смотрите мне, не хулиганьте больше.

Зоя Карловна незамедлительно ушла.

А я начал прохаживаться среди книжных полок, изредка отшатывая на себя какую-нибудь книгу, и под негромкое "не то" ставил ее на место.

Я чувствовал, как Екатерина настороженно прислушивается к моему передвижению в пространстве помещения библиотеки. Сквозь узкие длинные щели над книгами я иногда улавливал ее пристальный взгляд.

- Молодой человек, - неожиданно обратилась ко мне Екатерина Васильевна, - а вы у нас вообще-то записаны?

- Да, конечно, - как бы между прочим, на сей раз между перелистыванием страниц какой-то брошюры, тут же отозвался я.

- А как ваша фамилия будет? - деловито поинтересовалась Екатерина Васильевна.

- Истина.

- Что-о-о?

- Ис-ти-на, - повторил я по слогам.

Последовало молчание.

- Истина? - переспросила Екатерина.

- Да... Он самый, Екатерина Васильевна, - говорил я последние слова, подходя к столу Екатерины, и, остановившись в двух шагах от стола, улыбнулся, - собственной персоной.

- М-м-да, - призадумавшись, произнесла Екатерина. Она заботливо порылась в картотеке и вытащила мою карточку.

- Сергей Александрович?.. Давненько вы у нас не брали книги.

- Да уж, почитай несколько лет.

- А где этого типа раздобыли?

- Да тут, в одном подвальчике.

- Бомжик, что ли?

- Да нет, прописанный.

- Не валяйте дурака, кто он?

- Не беспокойтесь, милиция сюда не нагрянет, - он в командировке.

- Фу, какой он толстый.

- Председатель кооператива.

- Понятно.

- А здесь у него, - я показал между ног, - бывают неполадки.

- Что, горячего не хватает?

- Да нет.
- Ясно, заезженный.
- Все может быть, Екатерина, но у меня нет времени об этом...
- А что?

- Мне бы тельце это, - я старался говорить в тоне Екатерины, - изредка оставлять где-нибудь под хорошим присмотром.

- Можно было бы у меня дома, но он же всю мебель переломает, как очнется... Ты же его, наверняка, перепугал до ошаления... Как его хоть зовут?

- Гриша, - ответил я.
- Хотя... можно и попробовать, есть у меня одна задумка.
- Спасибо, Екатерина... Васильевна.
- Ну ладно, пойдём со мной.
- К тебе домой?

- Ну а куда же еще? Не к Остапу же Моиссевичу!.. Хи-хи, - проказливо подхихикнула Екатерина, подошла ко мне и похлопала по Гришину животу ладошкой. Вскоре, после недолгих сборов Екатерины, мы вышли из библиотеки. Екатерина закрывала дверь на ключ, а я в это время увидел, как дверь напротив, в кинопроекторную, до сего момента приоткрытая, потихоньку притворилась - наверняка лысый и уступчивый Кириллыч, как всегда, был предан своим ушам, и вовсе не исключено, что он подслушал и наш разговор, ну да вряд ли он мог принять что-либо всерьез, скорее всего он предположил, что очередной любовник навестил подругу Зои Карловны и они шутили между собой. "Хотя... Все может быть", - предположил я, когда мы уже спускались вместе с Екатериной по ступенькам со второго этажа.

Нежданно возник перед нами Палыч, как всегда: в надменных поворотах скул, со змеевидной улыбкой, руки в брюки, карманы оттопырены, голова разворачивается вместе с туловищем.

Он возник из большого фойе, видимо, обозленный невыходом на работу супруга контролера по неведомым на то причинам, потому что тот, насколько я понимал, всегда потакал Палычу в его ехидных прихотях, а кроме сего, с последним всегда можно было выпить безотказно.

- Уже уходите? - заискивающе обратился он к Екатерине, ибо относился он к ней настороженно, по причине ее острого языка, а Палыч, уж больно влюбленный в свой авторитетный минимум, не хотел лишиться раз получать пинка, особенно при посторонних, каким в настоящий момент является этот, весьма толстоватый и на вид неуклюжий молодой человек, с обвисшими щеками, то есть я.

- А вы сегодня весьма молодо выглядите, Палыч! восторженно воскликнула Екатерина. От удовольствия Палыч, слегка раскачиваясь всем туловищем, высоко приподнял голову.

- Прямо как мальчик из подворотни! - расхохотавшись, добавила она.

И только что похваленый, Палыч тут же скривился в лице своем, словно надкусил лимон, и оттопырил надменно губы, но глаза его не теряли надежды на то, что вдруг как Васильевна все-таки взбодрит, подбросит лакомое словечко, на какое она всегда была способна.

- Вы прекрасный мальчик, Палыч... Я вас люблю! - на ходу через малое фойе обронила Екатерина через плечо и обалдело закатила глазки, и киномеханик первой категории, действительно, приветственно прощаясь, поднял руку вслед Екатерине Васильевне и благодарно и дураковато улыбнулся.

И вот уже совсем неожиданно дверь в бывший мой кабинет открылась настежь, и директор кинотеатра, Юра Божив, вышагнул в малое фойе.

И я, и моя спутница - остановились в ожидании.

- Вы уже уходите? - обратился Божив к Екатерине, но подозрительно рассматривая меня.

- А вы остаетесь? - тут же подмигнув Юрию Сергеевичу, с наигранной

торжественностью откликнулась Екатерина Васильевна.

- Как видите! Уважаемая Екатерина Васильевна, рабочий день еще не закончился...

- Тогда... - Екатерина призадумалась на мгновение. Счастливо оставаясь, Юрий Сергеевич, - торопливо добавила она и грациозно, особенно выразительно взяла меня под руку.

- Пойдите! - спохватился Божив. - А что Зоя Карловна, у себя?

- Она... По делам, так сказать... Отсутствует...

- Хорошо. Можете ей передать, что теперь ее ожидает сюрприз.

- Понимаю... Юрий Сергеевич...

- Что вы понимаете! Я просто влеплю ей выговор.

- Когда мужчина делает выговор женщине...

- Что вы хотите этим сказать?!

- Ничего. Признайтесь мне, - напустив серьезный вид, спросила Божива Екатерина, - вы ревнуете Зою Карловну, да?

- Вы с ума сошли, Екатерина Васильевна! - разгневался Юра и метнул разгоряченный взгляд на Палыча, и возможно, на какое-то мгновение, у Божива промелькнула мысль отослать его по какой-либо причине наверх, в кинопроекторную, дабы не свидетельствовал неприятный разговор, но подходящая причина не нашлась, и директору ничего не оставалось, как впялить свои напряженные глаза в Екатерину.

- А что, - не унималась Екатерина, - Юрий Сергеевич, ведь мы же с вами не совсем безразличны друг к другу?... Хи-хи. - подхихикнула она в мою сторону.

- Да ну вас! - отмахнулся от Екатерины Божив и покраснел. - В самом-то деле, - подавленно и беззащитно, словно попросил помилования и не замедлил скрыться в кабинете, на секундочку укоризненно опять глянув в сторону недогадливого киномеханика, что продолжал важно стоять, оттопырив губы и веско приподняв свои тяжеловесные брови: он и в самом деле ничего не понимал!..

- Тоже мне, герой! - красноречиво фыркнула Екатерина в адрес Божива, когда мы с нею оказались на площади кинотеатра. - Делать бы ему выговор, если бы не я его из океана вытащила!.. Впрочем.. - поправились она, - откуда же ему об этом знать... Остап Моисеевич, и тот до сих пор в недоразумении: как же так - художник утонул!.. Если они меня вычислят...

- А контролер? - поинтересовался я. - Он что, действительно пропал?

- Не думаю, чтобы эта дылда куда-нибудь запропастилась, наверняка выполняет какое-нибудь поручение Остапа Моисеевича, ведь мы же люди подневольные, - с какой-то неожиданной игривой грустью произнесла Екатерина последние слова.

- Так ли? - улыбчиво спросил я.

- О, Господи, конечно же не так, - расхохоталась Екатерина, - ну разве я смогла бы пристроить твоего толстячка, если бы не сама собой была. Остап Моисеевич, конечно же, Магистр, шеф, так сказать, но повара-то мы.

- Хорошо, что напомнила, Гришу-то покормить надо, я ведь его желудок не ощущаю.

- Да ему, наверно, целое ведро надо, - обозленно отозвалась Екатерина, - ты там быстрее свои дела устраивай, а то ведь он все сожрет.

- Постараюсь, мне нужно пару ночей...

Когда мы вошли в квартиру Екатерины, мне показалось, что я оказался в театральном лесу - жилище ведьмы, другими словами я бы не назвал это место, - в прихожей ветвился целый ботанический сад: всевозможные лианы, карликовые деревья и яркий источник света, напоминающий солнце, и даже крохотный импровизированный родничок.

Жила Екатерина в старом доме, потолок высокий - метров пять или шесть, да и сама прихожая довольно просторная, но особенно мне бросился в глаза пол, видимо, он был выполнен на заказ: похоже, что линолеум весьма ловко подражал земной поверхности и был он покрыт искусственной травой.

Из прихожей, успел я заглянуть на кухню - там все было по-современному, как и положено, и поэтому это меня мало привлекало.

Екатерина распахнула дверь в жилую комнату. В этой комнате скрыто работал кондиционер. Лесной воздух обуял мое воображение: здесь уже была настоящая земля на полу, а точнее - слой земли, и поверх этой земли настоящая лесная осыпь: кое-где проглядывала самая настоящая травка, посредине комнаты стояли три креслообразных пенька, стены были абсолютно черными, но их чернота едва проглядывала сквозь заросли абсолютно сухих деревьев, деревьев, которые коряво и уродливо ветвились повсюду вдоль стен. Откуда шло освещение комнаты, я не понимал, будто невидимая лунность присутствовала здесь.

Что-то щелкнуло, и этот довольно просторный клочок леса (комната была метров двадцать пять, не меньше) словно расширился еще больше, видимо, Екатерина включила магнитофонную запись, потому что я оказался в ночной глубине леса, наполненной ужасающими звуками.

Неожиданно, когда мы с Екатериной уселись на пеньки друг подле друга, откуда-то из сухих зарослей свысока спланировала какая-то птица, и она уселась на плечо Екатерины.

- О, Филька, - продолжая сидеть неподвижно, сказала Екатерина, она почему-то грустно смотрела себе под ноги. И я, и Екатерина сидели босиком, ибо ведьма, прежде чем запустить меня в комнату, деловито распорядилась скинуть туфли и снять носки.

- Хорошо у тебя, - сказал я, стараясь как-то оборвать укромное молчание Екатерины, - послушай, а как же ты подметаешь пол? - нашелся я, потому что знал, что ни одна хозяйка не умолчит об опыте ведения домашнего хозяйства.

- Два-три раза в год я меняю землю и осыпь. Остап Моисеевич привозит мне все это свежее на машине из леса. Сорить я здесь не сорю, вот так и живу, Сережа...

Грусть Екатерины передалась и мне.

- А где ты спишь? - спросил я.

- На пеньке, - посмотрела на меня Екатерина и обалдело юльнула глазками, словно ожила.

- Пардон, а с мужчиной как же?

- А у меня только один мужчина - Остап Моисеевич. Это его проблемы.

- Ну а все-таки? - не унимался я.

- Да нормально я сплю, как и все люди, в постельке. Хочешь заглянуть?

- В постельку?

- В спальню.

- Ну давай посмотрим.

Мы поднялись с пеньков. Екатерина подошла к одному из деревьев и потянула на себя один из его сучков, это оказалась дверь в соседнюю комнату.

Я подошел и заглянул в нее - стены здесь были обтянуты белой материей от пола до потолка, зеркально чистый голубой пол, деревянный стол в углу, на столе бог весть чего только не навалено из магической атрибутики.

Одна стена была полностью шкафом с открытыми полками, на которых лежало множество всевозможных трав и корней, у окна располагалась кровать: широкая, застеленная ковровым покрывалом.

- Не беспокойся, - сказал позади меня Екатерина, когда я уже стоял посредине комнаты и оглядывался по сторонам, - живу я вполне цивилизованно: телевизор на кухне.

И тут в прихожей колокольчиком прозвенел электрический звонок, прозвенел продолжительно еще раз.

- Это он, - сказал Екатерина.

- Кто? - переспросил я.

- Остап Моисеевич, конечно же. Сейчас я тебя с ним познакомлю.

- Этого еще не хватало, - забеспокоился я и на всякий случай приготовился покинуть Гришино тело.

- Да ладно, не волнуйся ты, не выдам, не для того привела. Оставайся здесь.

- Может, он догадался, что я...

- Да ну там, прибалдеть пришел, гад мой любименький. Ладно... Иду-у-у! - протяжно и громко простонала ведьма, а в мою сторону добавила шепотом: - Сиди на кровати, я скоро. Затем она вышла из спальни и потихонечку прикрыла за собою дверь.

Вскоре за дверью послышались торопливые голоса:

- Ну, давай же, Екатерина.

- Неужели так проголодался, Остапчик?

- Еще бы, целый день в этой вонючей конторе, - потом до меня доносилась какая-то возня, а еще минуточку спустя - два тяжело дышащих голоса, будто два человека заглянули отдышаться в лесную комнату за стеною этой спальни, после долгой изнемогающей пробежки. Несколько минут голоса перешептывались, словно отдышались и могли насладиться спокойствием.

- Еще, - прозвучал один из голосов.

- Хватит, я устала, - ответил другой голос, голос Екатерины.

Теперь послышались шаги и неопределенное шуршание и снова шепот, но уже отдаленный, видимо, из прихожей. Скрежетнула металлическими язычками замков входная дверь, и опять, но на этот раз одиночные, шаги. Я пристально смотрел на дверь спальни, она открылась.

- Так, надеюсь, ты меня уже заждался? - сказала Екатерина.

- Он не вернется? - несмотря на ее развлекательное настроение, я тут же обратился с вопросом к ведьме.

- Вот что ты думаешь, то сразу же и происходит, Сережа, пришлось отдаваться на пеньке, - расхохоталась хозяйка спальни.

- Я спрашиваю, Остап Моисеевич не вернется? - снова повторил я вопрос. Хохот Екатерины остановился, губы отпустили улыбку.

- Он уже насладился, я постаралась, - как-то снисходительно ответила Екатерина и тут же перешла на деловой тон, - ладно, пойдем кормить твоего толстяка.

Мы прошли на кухню. Я усадил Гришино тело на кухонный стул.

- А что он любит? - спросила Екатерина.

- Откуда я могу знать.

- Ты что, его ни разу не кормил?

- Нет.

- С ума сошел, он же сдохнет.

- Ничего, ему голодать полезно, водичкой я его попоиваю.

- Спроси у него, что ему приготовить.

- Сейчас попробую.

- А что, он с тобой не общается, что ли?

- Почти нет. Мое сознание его сильно притеснило... Гриша, - обратился я к хозяину тела, - ты есть хочешь?

- Да, - послышался короткий ответ его чувств.

- А что бы ты хотел?

- Все.

- Ну что там? - поинтересовалась Екатерина, поджидая конец моего внутреннего диалога.

- Все в порядке, все, что ты приготовишь, съест, - будто отчитался я перед Екатериной.

Екатерина разогрела суп, налила полную тарелку и поставила ее передо мной, а я подумал: "Как будет лучше, есть самому, либо уступить правую руку Грише? Нет, вначале попробую я сам".

- Запах чувствуешь? - спросил я у председателя кооператива.

- О-о-о, - утомительно простонал Гриша, - классно пахнет.

Тогда я начал есть: абсолютно никакого вкуса я не ощущал, мне был безразличен процесс трапезы, все это выглядело так, словно я был сторонним наблюдателем, но Гриша волновался.

- Послушай, Сатана, ты не мог бы глотать побыстрее? А мясо в тарелке есть?

- Есть, приличный кусок.

- Я очень люблю мясо вперемешку с супом.

- Ну что я, в тарелку руками, что ли, полезу? обозлился я, но все-таки уважил Гришу.

- А-а! - заорал Гриша. - Ты мне обжег пальцы, видимо, в этот момент хозяину тела каким-то образом удалось овладеть ощущениями кожи своего тела, ибо внутренности Гриша чувствовал сам. Кожу я взял на себя с самого начала, чтобы случайно не повредить земное тело председателя кооператива, увлекшись чем-нибудь своим, и даже не обратил на это внимание, потому что Гришино, как я понял, общение со мною возникало по моему желанию, а это означало, что Гриша вовсе не спал, а просто не мог докричаться до меня, пока я сам не хотел его услышать.

- Извини, я не хотел, - тут же ответил я на Гришин крик.

- Дай, я сам буду есть! - свирепо, но боязливо сказал Гриша, и я решился: мне стало жаль председателя.

Осторожно я вытащил лучик моего воображения из правой руки хозяина тела, и тут же Гриша начал ощупывать свое лицо этой рукой.

- Господи, у меня уже борода отросла, - сказал он.

- Не борода, а щетина, - поправил я его, - мне некогда было бриться.

- Дай мне ложку, где ложка? - заторопился Гриша.

- Она на столе, - подсказал я и все-таки помог левою рукою: медленно опустил Гришину правую руку на стол, и кисть этой руки тут же заgrabастала деревянную ложку - все это выглядело довольно забавно.

Когда Гриша наелся, я снова овладел его телом и мы вместе с Екатериной возвратились в лесную комнату.

- Что это под ногами колется? Сатана, ты меня затащил в лес? Мы за городом? Что ты хочешь делать? Не убивай меня, Сатана.

- Ну вот: ты еще скажи - "я тебе пригожусь".

- Сатана, я тебя честно прошу - не убивай, а?

- Ладно, Гриша, помолчи, сейчас самый ответственный момент наступит.

- Господи, спаси! - завопил председатель и удушенно смолк.

- Ну что, мне уже пора, - обратился я к ведьме.

- А который час? - поинтересовалась она, поглаживая Фильку, пригнездившегося у нее на коленях, сама Екатерина сидела на пеньке, я же стоял поодаль у зарослей, на краю, если так можно выразиться, поляны.

- Около двенадцати.

- Мы его свяжем? - спросила Екатерина.

- Давай попробуем, - ответил я, подойдя к ведьме и повернувшись к ней спиной. На пару минут Екатерина исчезла в спальне. Гришино тело продолжало стоять на месте, ожидая своей участи.

Вскоре я обернулся на шаги ведьмы, она объявилась с веревкой в руках, подошла ко мне, заломила Гришины руки за спину и туго связала их.

- Усади его возле пенька, - скомандовала ведьма, и я тут же повиновался, и Гришино тело грузно ухнулось возле пенька.

Ведьма привязала Гришино тело к пеньку, обмотав его через грудь, затем связала и ноги, запечатала рот лейкопластырем и завязала бинтом через шею.

Я смотрел на Екатерину, она стояла на коленях возле Гришиного тела, но глаза ее почему-то были грустными. Прошло около минуты.

Екатерина положила ладони на плечи председателя, и вдруг она разрыдалась, прильнула щекою к груди Гриши.

- Господи, - причитала она, - прости меня, Господи! звучали ее всхлипывающие слова, и мне стало не по себе, я не знал, что делать, я не мог ничем ей помочь и только стал ерзать, извиваться всем Гришиным телом на месте, и мычание вырывалось у меня из ноздрей.

- Ну почему же я должна все это делать, Сереженька? продолжала причитать тревожным шепотом ведьма, - зачем... зачем же мы живем... - она сглотнула дыхание, - на свете... ведь же думала я, что смогу ответить, но и там нет ответа, только власть, обезображенная власть, но зачем? Устала я жить ради наслаждений, Сережечка. Что я натворила, была хоть какая-то, но тайна, и ее не стало. Всему свое время, - потом она плакала еще несколько минут, но затихая.

Наконец, успокоившись, Екатерина приподняла голову от Гришиной груди, потянувшись нежно рукою к лицу председателя и легким движением опустила мне веки.

- Лети, - сказала она, - тебе надо, я тебя подожду.

Когда глаза кооператорщика закрылись, мои чувства быстренько отыскивали притихшего Гришу.

- Слушай меня внимательно, - сказал я ему. Я ощутил, как Гриша замкнуто плачет. - Ты-то чего плачешь, ты же мужик, укорил я хозяина тела, но чувство вины перед ним промелькнуло в моем сознании. Я немного помолчал.

- Сатана, - рыдая, позвал меня Гриша. - Я уже умер? Я на том свете?

- Нет, Гриша, ты на этом свете, все гораздо сложнее, чем ты знал обо всем этом.

- Ты меня все-таки убьешь? Убей меня, Сатана.

Еще прошло некоторое молчание.

- Гриша, - снова потянулся я своими чувствами к председателю.

- Что? - с протяжной грустью отозвался тот.

- Сейчас ты станешь нормальным человеком, но только не пугайся: ты все будешь видеть, слышать, ощущать.

- Что я не должен бояться? - настороженно определился Гриша.

- Твое тело сейчас связано по рукам и ногам и рот завязан тоже, будешь сидеть смирно, Екатерина будет с тобой разговаривать, она хорошая, она тебе понравится.

- Она действительно ведьма?

- У тебя нет выбора, Гриша, у меня тоже.

- Понятно.

- Если не будешь волноваться и кричать, то она развяжет тебе рот, - и эти последние мои слова словно взбудрили Гришу.

- Это хорошо, мне так хочется поговорить, пусть даже с ведьмой, она же тоже человек.

- Человек, это ты правильно сказал... ну что же, давай меняться местами, Гриша.

- А ты уходишь?

- Да, мне очень нужно, но я скоро вернусь.

В ответ Гриша промолчал.

Теперь я незамедлительно вытащил лучи моего воображения из рук и ног хозяина тела, сжался в крохотный объем своего сознания и потянулся к темечку, там я остановился.

- Иди, занимай свое родословное место, - сказал я ему. И Гришино сознание во мгновение овладело объемом всего земного тела, а я тут же отделился от тела председателя и стремительно понесся во мраке бездонья в Астрал.

Вскоре я оказался в квартире у Вики. Я завис в центре зала под потолком, но тут же ощутил, что Юры дома нет, тогда я подключился к информационному пласту его инкарнации теперешнего его земного воплощения и в одно мгновение, следуя тропинками причинно-следственной связи, я понял, где сейчас находится мой друг, и тут же я ринулся ему навстречу, как и обещал, ибо истекла неделя.

Я снова взмыслил свое перемещение в астральном пространстве, и сразу же передо мной возникла картинка рабочего кабинета директора кинотеатра Лесного поселка.

Юра сидел за столом и читал книгу, он перелистывал страницы аккуратно, не спеша, словно просматривал их на просвет под сонливым светом настольной лампы.

Иногда Юра пристально оглядывался по сторонам: настороженные, затемненные углы кабинета ожидали чего-то. Он ведь тоже понимал, что прошла неделя, и, возможно, в этой прищуренной черноте кабинетных углов думал он увидеть какой-либо знак от меня.

Я стремительно приблизился к лицу Божива, Юра поднял голову, чутье к тонкой энергетике ему не изменило, наверняка, он почувствовал мое присутствие, но смотрел Божив сквозь меня, и это, хотя я и привык уже к подобному восприятию меня как астральной сущности на физическом плане, сейчас все-таки исподволь, но вызвало чувство грустного одиночества и захотелось поскорее стать хоть каким-нибудь образом незамеченным, приобщиться к общению, и я не замедлил обратиться в астральный сгусток чувств у самого темечка Божива, и мое сознание потянулось навстречу другу.

Чтобы ни в коем случае не навредить Юре, не нарушить структуру его психики, я входил в его земное тело медленно и молча. Вначале я дал о себе знать только лишь в энергетическом плане - мой друг обнаружил у себя неистовый прилив духовной психической энергии, и несказанный восторг наполнил его земное тело и душу мелодичными переливами восторженной благодарности, и благодарность эта была абсолютно необъяснимая, невесть кому, невесть за что, просто она высветила Юру, высветила наружу, и ее контуры обозначились на всех окружающих Божива предметах. И Юра уже понял, не мог он не догадаться, какова причина этого наваждения, и, видимо, только благородное удовольствие, которое он получал теперь, пьянящей сладости которого он был подвластен, до сих пор еще останавливало его душу откликнуться мне, пусть я еще даже не позвал друга, но все-таки его сердце обнаруживало меня, я даже и не пытался обратиться к Боживу первым - я знал, я точно был уверен, что с минуту на минуту опомнится сладость его души, возникшая так внезапно, отступит и замурлычет, будто котенок, и Божив, тогда только лишь прикасаясь к этому состоянию, улавливая его ласки, заговорит.

Итак, обмениваясь чувствами с другом, я забыл о течении времени, и здесь, на физическом плане, но определенно прошло немалое время, может, несколько минут, я не знаю.

- Сережа, - позвал меня Юра, - это ... ты?

Безответной паузой выдержал я некоторый промежуток времени.

- Да, Юра, это я - твой друг Сергей Истина.

- Как хорошо, ты снова пришел.

- Я вернулся, как и обещал.

- Ты молодец, как я хотел бы с тобою находиться там.

- Юра, - уверенно обрывая сладостное состояние друга, обратился я к Боживу, потому что надо было спешить, во-первых: стыковки астрального времени и физического всегда весьма условны и неоднозначны и потому я не мог исключить возникновения временного парадокса, а во-вторых, в настоящий момент я существенно был связан с низшим планом Астрала, а поскольку астральная шайка Остапа Моисеевича охотно использовала здешнее пространство в качестве одной из своих баз, то не исключено было и такое: заметят меня они, и я, как однажды подчинившийся их астральной воле, как жертва их повеления, вынужден буду подчиниться им и теперь, а что придет на ум этим энергетическим управленцам, я не хотел и воображать даже.

- Ты что-то мне хочешь сказать, Сережа? - забеспокоился Божив, уловив мое нетерпеливое настроение. - Говори, поросил меня Юра, - я весь внимание.

- Хорошо, тогда слушай... Ты уже немного, как я понимаю, знаком с моими записями и некоторыми книгами из моей домашней библиотеки.

- Да, я перелистываю их, читаю, но, честно тебе скажу, Сережа, не могу свести все это в единое представление, то, что есть иной, тонкий мир, я не сомневаюсь, и твое присутствие тоже доказывает это. Мне необходимо обобщение, а как это сделать, не знаю.

- С астральным дыханием ты уже знаком?

- Да, я изучал его и даже немного упражнялся.

- Что же, это уже кое-что, - сказал я и, немного подумав, начал свой урок, первый астральный урок для друга.

- Начну с того, что ознакомлю тебя с некоторыми структурами Космического Сознания, с его основополагающей разверткой.

Есть такое хорошее выражение, я бы сказал - установочное выражение у христиан: Иисус Христос искупил все грехи наши, прошлые, настоящие и будущие.

Как это понимать? Как осмысливать, осознать подобную фразу? Философия не терпит метафор, но все-таки я постараюсь, ибо не вижу другого выхода раскрыть сущность того высказывания в определенной проекции на физический план, в сравнении.

Но еще прежде чем начать объяснение, хочу нанести некоторый штрих, на память, на основе которого сможешь ты выстроить, Юра, цельное представление.

Итак, восприми, хотя бы в определении "верю, чтобы понять", следующее: я - твоя мысль, а ты есть моя мысль.

Все, что окружает меня, - это мои мысли, развертка моего Космического Сознания, и все, что окружает тебя, и даже твое земное тело тоже является не чем иным, как мыслями твоими, твоей разверткой Космического Сознания.

Все предметы: книги, шкафы, здания, люди, небо, вода, земля и воздух - все ты должен принять как твои мысли.

А теперь перенесемся, опять-таки ради метафоры, сравнения, в мир твоей головы, в мир, как ты считаешь, относительно, и это весьма напрасно, твоих мыслей.

Здесь все так называемые мысли, как принято думать тобою теперь, подчинены тебе, и это действительно так. правда, я пока учитываю, насколько ты несовершенен еще в управлении своими мыслями, и не ты один - все люди несовершенны в этом, и потому я возьму за основу тебя, как полного властелина твоих мыслей, дабы выразительнее довести суть следующего.

Знай, что мысли в твоей голове и те мысли, которые окружают тебя, о которых я уже упоминал выше, суть одно и то же, просто твои мысли в голове - наиболее оживленный участок в развертке твоего Космического Сознания, наиболее доступны твоему осознанию, наиболее управляемы тобой. Точно так же, как ты управляешь твоими мыслями в голове, ты сможешь научиться управлять своими вовне, предметными мыслями.

Исподволь, вне осознания, но иногда догадываясь или удивляясь, ты уже делаешь это, как, впрочем, и все люди. Наверняка ты сможешь припомнить не один случай, когда течение той или иной твоей мысли материализовывалось, и даже не раз мгновенно: появлялся нужный человек, если ты о нем подумал, уходил ненужный, если это было необходимо, открывалась книга на нужной странице, ты предугадывал чужие мысли или внушал свои, многое другое...

Мир мыслей постоянно находится в творящем состоянии, при слиянии двух мыслей обязательно образуется третья - новая мысль, и она обязана своим происхождением их слиянию, она есть они.

Были две мысли когда-то, отец и мать твои, а ты, будто ощупывая энергетическое пространство вокруг своего рождения, и вначале неуклюже, а потом все осознаннее, улавливать стал мысли вокруг и материализовывать новые, так пришло осознание себя, когда тот лучик духа, вновь рожденный, состыковался с мыслью земного тела, твоего земного тела, лишь так происходит рождение нового "Я".

А теперь постарайся вообразить себе: не каждый человек имеет божественный лучик одинаковой силы с окружающими людьми, есть люди, обладающие большим потенциальным запасом для развертки своего Космического Сознания, ибо не каждому дано осознавать мысли до беспредельности данной своей инкарнации.

Иисус Христос тоже был человеком, но рожденным непорочно, потому что ему предстояло развернуть свое Космическое Сознание до больших пределов, нежели кому-либо из нас, и он действительно не мог быть зачат порочно, и вот почему: я уже упоминал о том, что при слиянии двух мыслей возникает третья.

Ранее в предыдущих воплощениях Иисус Христос наработал намного больше потенциальную возможность своего божественного луча в осознании размера Космического Сознания, эта возможность определялась в объеме Земли, и кто знает, на сколько больше. Никто из грешных на Земле породить проекцию такого земного тела, которая бы в состоянии

была при слиянии с божественным лучом Христа породить новое "Я" - Бога Иисуса Христа, никто из грешных на Земле никогда не смог бы вымыслить такое тело, оно смогло сформироваться только лишь как проекция божественного луча Христа. Вот почему произошло непорочное зачатие.

Если ты представишь себя в качестве примера на месте Бога, божественного луча, то какую ты выберешь мысль, чтобы отдаться ей, оплодотворить ее, спроецировать в ней себя и при этом именно через нее сметь стать собою, таким как ты есть, явиться божественным властелином своих мыслей, в том числе во вновь образованном "Я", чтобы развернуть свое Космическое Сознание еще шире, и никто не подскажет тебе такую мысль, никто не родит ее, эту мысль ты выберешь сам - так и зачатие Христа не могло произойти иначе.

Он пришел, чтобы развернуть свое Космическое Сознание еще шире, нежели оно было раньше.

Как только Иисус Христос осознал свое "Я", мгновенно и стремительно он стал разворачивать его.

Я уже упоминал о том, что не все божественные лучи одинаковые у людей, и потому некоторые из людского племени, имевшие наиболее развернутое Космическое Сознание, соприкасаясь с более тонкой энергетикой, нежели другие, не могли не осознать приход Христа, не могли не предвидеть его рождения, место и женщину, воспринявшую проекцию Бога.

Христос все более осознавал мир после своего рождения, и пришло время, и пришел час, когда он должен был настолько развернуть свое Космическое Сознание, что в необходимость этого должно было войти и последнее - осознание своего земного тела со стороны, отделение от него, растворение его на стихии, и потому Христос шел на Голгофу осознанно, зная, что она неминуема, ее предсказывая себе, иначе быть не могло.

Христос, также как и все люди, разворачивал свое Космическое Сознание в процессе жизни в своем земном теле, и, если объясняться метафорично, в его голове молниеносно одна за другой во всей своей сущности вызеркаливались все мысли Земли, предметные мысли, и наступило время - все отразилось в Христе, все мысли Земли.

Имея такой луч божественной силы, Иисус Христос начал мыслить всею Землей, своеобразные сущностные лучи предметных мыслей Земли чутко реагировали на каждое волевое проявление Иисуса, но так как он являлся еще в земном теле своем, он неминуемо подлежал, опять-таки из-за своего земного тела, тоже к предметным мыслям Земли, наступила необходимость перестать быть предметной мыслью Земли, предметной мыслью окружаю щих его предметных мыслей в той или иной степени.

И Христос покинул тело, он перестал быть предметной мыслью, а стал мыслью такою, через которую множество людей теперь стремится разворачивать свое Космическое Сознание, ибо мысль "Иисус" суть всего на Земле.

Ставши бестелесным, Иисус перестал отражать предметные мысли Земли, он сам отразился в них, и воля Христа в каждой предметной мысли Земли.

Не мы живем и передвигаемся в пространстве Земли, не предметные мысли находятся и движутся вокруг нас, а это все мысли Христа, бесчисленное множество проявлений его воли, окрашенных предметно.

Так, мы являемся мыслями Христа, а он является нашей мыслью, одной из наших мыслей, которую не каждый из нас заметит и сумеет развернуть до себя, и все потому, что многие из нас до сих пор не могут понять, что Иисус Христос - Бог единственная непредметная мысль на Земле, и это действительно так. Войти можно в истину, по крайней мере в истину Земли, только лишь вратами тесными, единственными вратами, божественными, и кто заметит, отыщет и преодолет теснину этих врат, перед тем человеком откроются безграничные просторы божественной воли, и эти тесные врата есть не что иное, как "Врата Святылища". Прохождение теснины этих врат есть суть Посвящения, путь Посвящения в истину, в истину Земли.

Исходя из всего вышесказанного, доступно понимаю одно: любая мысль существует,

и потому лишь существует, что она пребывает как в своем прошлом и настоящем, так и в будущем. И все проявления этой мысли, все ее чудесные переплетения с другими, все ситуации ее передвижения в просторах Космического Сознания, тоже потому и есть, что прошлое, настоящее и будущее для этого едино. А так как Христос суть сама каждая мысль, то какие бы греховные похождения у каждой мысли не были, Христос воспринимает их как себя самого, всеобъемлет боль и страдания, ибо предметные мысли находятся лишь в движении, а Христос ощущает, чувствует их, и в то же самое время взмысливает ими.

А значит все наши грехи прошлые, настоящие и будущие, так как мы являемся всего лишь предметными мыслями, Христос искупает один, принимая на себя боль и страдания.

И если продолжить метафоричное представление этого предмета, можно открыть для себя, что новых мыслей нет, нет вне старых, предыдущих, а значит, так называемое будущее существует уже сейчас во всеобъемлемости своей, и потому мы постоянно передвигаемся в просторах будущего, как настоящее, как настоящее и прошлое, ибо в противном случае мы существовать не можем, как не могут существовать новые мысли вне старых предыдущих: вот почему Христос, являясь во всех предметных мыслях одновременно, в единое мгновение искупает все грехи наши - прошлые, настоящие и будущие.

И лишь тогда, когда мы обращаемся к Богу в своей исповеди, мы являемся будто его рукою, потянувшейся к его ране, нами же нанесенной, и эта рана заживает быстрее, и если мы не потянемся к ране, а значит не восстановим энергетический баланс в мире тонкой энергетики, то болеть будет эта рана, заживать долго, а значит, так как Иисус Христос есть мы, его предметная мысль является нами, нам болеть долго, и протянется эта боль - наше страдание - через множество земных воплощений на Земле, пока мы не растратим, не возвратим на место равновесий энергию нашего греха., ибо любая боль это избыток энергии, это нарушение равновесия, это тяжелое бремя, которое породила наша слепая или осознанная корысть наслаждений.

В том и состоит гармония существования Космического Сознания Христа, что каждая его предметная мысль имеет свою свободную волю передвижения в пространстве своего Космического Сознания. Ведь и наша мысль в голове нашей тоже бывает порою и навязчивой или случайно промелькнувшей, внезапно пришедшей, и наше право состоит в том, обратить ли внимание на промелькнувшую мысль, остановить ее, познакомиться с другой или забыть о ее мгновении, и наше право призвать к себе любую мысль, есть и упрямые мысли, даже из тех, которые прячутся.

Так и Христос может любую из своих предметных мыслей призвать к себе или отвергнуть, и когда мы, являясь предметными мыслями Христа, перестаем бродить собственными предметными закоулками, вдоволь нагрешив, и по течению собственной свободной воли приходим к Богу, чтобы разобраться в себе, очиститься перед его лицом, он и в самом деле вправе узреть нас или отвергнуть, что и мы, люди, ежесекундно делаем со своими мыслями, со своим наиболее оживленным участком Космического Сознания в голове нашей.

Вот почему нам бывает и радостно, и печально, и даже порой необъяснимо отчего, да потому, что в эти мгновения что-то перевесило, чего-то стало больше: греховности или праведности в передвижении наших мыслей.

Пожалуй, в какой-то мере краткий фрагментарный эскиз некоторой структуры Космического Сознания я предложил тебе для усвоения, мой друг.

* Часть четвертая В ОПУСТОШЕННОМ ТЕЛЕ *

Побег

Когда я возвращался после первого урока моему другу Юре Боживу, урока Космического Сознания, мне не хотелось мгновенно переместиться в просторах Астрала на свою так называемую земную базу, вернуться в Гришино физическое тело, и я не спеша проносился в объеме своего энергетического воображения сквозь картинку Астрала, но теперь восторженно рассматривал их, потому что я верил, я знал: не одинок я буду скоро в своем заключении, друг на пути ко мне.

Я находился в не очень высоком плане Астрала, и может быть потому м не очень желалось увидеть какие-нибудь знакомые мне энергетические очертания, образные состояния.

И тут-то мне и заметилась знакомая фигура среди блуждающей астральной энергетики, и я остановился, чтобы получше разглядеть ее, и я узнал ее, но чтобы убедиться в правоте своего восприятия, я приблизил эту астральную сущность легким волевым движением к себе, и мне это доступно удалось.

"Людочка", - взмыслил я, чувственно обращаясь к астральному образу, возникшему возле меня крупным планом. Астральное тело Людочки узнало меня, она почувствовала знакомую энергетику.

- Это вы, - отозвалась она. - Вы спасли меня однажды, спасибо.

- Мне это стоило жизни, - ответил я, - жизни на Земле.

- Я могу вам помочь? - спросило астральное тело Людочки.

- Не знаю, - ответил я, - если это будет возможно и нужно, я дам знать.

И тогда я полетел дальше, и оглянулся, и увидел, как далеко позади уносилось в точку астральное тело Людочки.

На всякий случай, опомнившись, я переместился в более высокий план Астрала, чтобы застраховать себя от возможной встречи с нежелательными для меня астральными сущностями астральной шайки Остапа Моисеевича, почему-то об этом я позабыл, но восторг общения с другом опьянил меня, все равно это не оправдывало подобную неосторожность.

И здесь, в безопасности, расслабившись, я ощутил возник-ший вопрос: "Почему энергетическое тело Людочки в Астрале? Одно и не преследуемо?" И мне захотелось возвратиться обратно в ситуацию прошедшей встречи, но на сей раз я без труда освободился от подобного легкомыслия, ибо вне сомнения знал, чем это могло быть чревато, ведь не исключено в абсолютности, что и теперь астральное тело Людочки - приманка.

Но здесь, на более высоком уровне Астрала, слишком все являлось легко и привлекательно, и я быстро отказался от своего неспешного полета, мгновенно взмыслил и тут же завис крохотным сгустком своего воображения у самого темечка Гриши председателя кооператива.

Но какое-то спокойствие почувствовал я. Так бывает, когда знаешь, что для тебя что-то очень легко, доступно, но ты не спешишь это сделать, находишься в состоянии созерцательном.

Не знаю, может, по этой причине, может, оттого, что я привык преодолевать сложности, но я не стал торопиться и не объявился тут же в Гришином теле, а возвратился в Астрал.

Я многое мог себе позволить, и когда мои покачнувшиеся чувства от астрально рывка остановились и замерли, почему-то мне вздумалось посмотреть, что же происходило за время моего отсутствия в лесной комнате ведьмы.

И я смедитировал на ментальный информативный пласт, и вскоре мое астральное видение породило недавние события в мельчайших подробностях.

Гриша открыл затуманенные глаза, а когда его зрение прояснилось, он испуганно впялился коротким взглядом в сидящую рядом прямо на полу Екатерину.

Она о чем-то думала, и Филька сидел у нее на плече. Екатерина не смотрела в сторону председателя, и Гриша стал нервничать, жутко ему было переглядываться с филином, который тоже вертел головой и обеспокоенно поглядывал на гостя в своей комнате.

- У-м-м, у-м-м, - замычал Гриша для того, чтобы на него обратили внимание, ибо жутко ему было, да и говорить очень хотелось. И Екатерина чутко отреагировала на его зов, она повернулась к нему лицом и тут же изменилась в своем состоянии: обалдело юльнула глазками.

- Толстячок... Что, неужели опять проголодался?

- У-ку, у-ку, - ответил Гриша, тараща глаза и мотая головой.

- Понятно, соскучился.

Гриша насторожился и замер.

- Говорить хочешь? Да? - Гриша тут же активизировался и закивал.

- У-гу, у-гу, - озабоченно заподтверждал он.

Тогда ведьма наклонилась к нему, протянула к нему руки, и Гришино лицо оказалось в ее ладонях, и она приподняла его на себя.

- Только смотри, не орать, - пригрозила она, - ты меня понял? - И Гриша кивнул в знак безысходного согласия. Получив подтверждение о соблюдении спокойствия, ведьма развязала и смотала бинт, отодрала пластырь от губ председателя.

- Ух, - сказал тот тяжеловесно и незамысловато.

- Что значит "ух", а, толстячок? - игриво расхохоталась Екатерина.

- Я Гриша, - мужественно проговорил кооператорщик.

- Да, Гриша, Гриша, - улыбаясь, подтвердила Екатерина, - ты понимаешь, в какую ты историю вляпался?

- Понимаю.

- Ни хрена ты еще не понимаешь, дорогой мой, - сказала Екатерина и юзом придвинув пенек поближе к Грише, уселась на него. - Есть и в самом деле не хочешь?

- Нет, а ты ведьма?

- А что, разве не похожа?

- Вы меня убьете?

- Дубина, ты еще очень нужен.

- Отпусти меня, ведьма.

- Ну да, ты умотаешь, а Сергею куда возвращаться?

- А что там за бездна, пустота?

- Где?

- Ну там, где я сидел.

- А-а, ты вот о чем, это, дорогой мой, переход в Астрал.

- На тот свет?

- М-м-м-да... - призадумалась Екатерина, - в какой-то мере ты прав.

Некоторое время они сидели молча.

- Ну ты что, Гриша, в штаны нагадил, что ли? Говорить хотел...

Но Гриша не отзывался, он почему-то закрыл глаза и про-должал сидеть молча.

Вначале Екатерина не обратила никакого внимания на ту блажь председателя, она спокойно сходила на кухню и приготовила две чашечки чая с лимоном, и вскоре она снова оказалась возле Гриши и села на пенек, а чашечки с чаем поставила на третий, свободный пенек.

- Долго ты еще будешь с закрытыми глазами сидеть, кукушонок? Языком поработать надо, а то совсем разучишься говорить. - Теперь Гришино молчание и закрытые глаза стали уже не удивлять, а настораживать ведьму. - Ну ты смотри, обнаглел, - оживилась Екатерина. - Забастовку устраиваешь? - громко проговорила ведьма у самого Гришиного уха. - Может, еще голодовку объявишь? - Но Гриша продолжал упорно молчать.

И тут в следующее мгновение случилось совершенно неожиданное: Гришино дыхание остановилось, Екатерина сразу же это заметила.

- Э, да ты шутишь, толстячок? Бесполезно, сам задохнуться не сможешь. Ну хорошо, проверим, сколько ты без воздуха сможешь просидеть, - и она азартно стала поглядывать на наручные часы.

Но прошло две, три минуты, а Гриша не дышал.

И тут Екатерина догадалась, она мгновенно все поняла.

Не медля ни секунды она быстро улеглась на пол и экстериаризировалась в низший Астрал, приблизилась к Гришиной пуповине и втиснулась в его тело, быстренько навела там порядок и стала дышать за Гришу, а председателя в теле не оказалось.

Увидев из Астрала ситуацию, ожидающую меня на Земле, я опрометью ринулся в Гришино тело.

- Ну наконец-то, - сказал Екатерина, потеснившись в теле председателя, освободив место для меня, - Гриша бежал, сказала она.

- Я знаю, - ответил я, - ему удалось умереть, я не подумал об этом, как возможном, не заблокировал выход.

- Ну и что теперь будем делать? Если тело оставить опустошенным, оно погибнет, начнет разлагаться. Мало того что мы вмешались в инкарнационную судьбу этого типа, так его начнут разыскивать и здесь же, на физическом плане. Он женат? У него есть дети?

- Да, двое детей.

- Придется мне отсиживаться в этом теле, на то время, пока ты будешь устраивать свои астральные дела, так я сама себя и трахать начну, - чувственно хохотнула Екатерина и замолчала... - А если серьезно, что будем делать? - снова заговорила она.

- Мне нужно подумать.

- Прямо сейчас? - озаботилась Екатерина.

- Да, - сказал я и покинул Гришино тело.

- Только ты недолго, - донесся до меня чувственный шлейф ведьмы, а я уносился в Астрал.

Людочка

Когда я вышел в Астрал, мне вспомнилось: при встрече с Людочкой на ней была тюремная одежда... В теснине земного тела, когда я озабоченно и слепо ютился на планете физического плана, в те мои суровые и сонливые ученические времена на Земле очень я боялся тюрьмы. Боялся, даже когда предчувствовал Астрал, и уже ощущал пластичную силу Космического Сознания. Но совершая астральные полеты, осваивая мир тонкой энергетики, стал страшиться тюрьмы еще упорнее... Осваивая просторы космической свободы, я не хотел, чтобы мое земное тело очутилось в камере, в каменистой или бетонной ячейке социальной воли.

Позже я стал понимать: мне восторженно нравилось мое существование в образах, человеко-ветреное парение мысли, и я вовсе не хотел закрепощать свое, и без того отягощающее меня земное тело еще более, нежели то предоставила мне природа моего происхождения.

Я так редко пребывал на свободе...

Каждый раз, возвращаясь, я становился практически неподвижным, и мне приходилось перемещаться в пространстве планеты в объеме своего физического тела, а это и так мне казалось нестерпимым огорчением заключения. И я не вынес бы еще большего заточения! Именно поэтому я боялся тюрьмы...

Редкость простора напоминала о себе на узаконенной Земле, и мне изредка, но удавалось в относительном подвижии тела испытывать проблески астральной гармонии: бывало, заметив благоприятный момент, я бежал осатанело по улице, искоса озираясь по сторонам, не видит ли кто, и впадал в как можно более разболтанную манеру поведения, если мне надоедало общество поводырей.

И в одном, и в другом случае, или в каком еще-либо другом, я отчаянно пытался как бы оттолкнуться, как бы сместить жестокую неподвижность мира грубых форм относительно моего сознания, затонувшего в телесной трясине.

Итак, я боялся тюрьмы в те тускнеющие сегодня времена земной жизни.

... Но теперь я решительно уносил свое астральное тело в пространстве тонкого мира, я направлял ход своего энергетического воображения к тому самому месту, мимо которого когда-то проходил осторожно, словно боялся, что чья-то корявая злорадная сила подстерегает каждый мой шаг и неумолимо ждет, может, отступится жертва: опустит не на то место ногу на тротуаре или вдруг обернется на зов невежества, замешкается. Но я пронесил свое сердце мимо городского здания тюрьмы всегда мягко и прислушиваясь к нему, пронесил его точно спящего ребенка, способного шевельнуться от пристального взгляда, и отзывчиво проснуться в любой нестерпимый момент опасности, и вскричать, выдать меня, обнаружить мой страх и обнажить для нападения мою осознанно затаившуюся

душу.

О, этот мир Земли! Люди Земли! Они даже не представляют себе, насколько все едино, беспрекословно едино.

... Мир неощутимых, но всемогущих равновесий, и не где-нибудь там, в космосе, в какой-то малодоступной, непроглядной стороне, а и у них, на видимой Земле. Ведь и в самом деле, стоит сделать какое-нибудь, пусть даже крохотное движение там, на планете, или даже просто слегка вообразить здесь, в Астрале, взмыслить что-либо, и тут же где-то обязательно что-то произойдет, изменится, и возможно, основательно и бесповоротно.

Не зря была нужна точка опоры философу, чтобы перевернуть Землю.

Где-то есть, дремлет до поры до времени и она, и как знать, в чем заключается ее исходная, магическая сила предопределенности! Возможно, кому-то всего лишь достаточно шевельнуться чуть-чуть, переместить какой-нибудь предмет в пространстве на неуловимое расстояние или подумать о ком-то, осмыслить что-либо, и... Земля определенно перевернется! Или даже растворится вовсе, перестанет существовать! Вот почему я и в самом деле всякий раз, когда проходил мимо здания тюрьмы, чувствительно боялся проделать неверный шаг, тот самый единственный шаг, который способен был в одно жесткое мгновение прочно бросить меня в еще большие социальные застенки, нежели те, в которых я и так находился. Бросить, загнать мое земное тело в обшарпанный тупик бетонной камеры...

Я снова сгустил астральный план до зеркального изображения земного мира, попутные размышления остановились и отступили...

Сгусток моего воображения сосредоточенно завис неподалеку от городской тюрьмы. Теперь я отрешенно рассматривал энергетическую картинку многоэтажной темницы человеческих душ. Я видел, как одни из них прозревали, задумываясь над жизнью, другие метались всем своим земным телом, изламываясь по камерам, и выискивали, ожидали лазейки свободы, а третьи начинали презирать мир земли и даже кое-кто из последних швырял свое физическое тело на ледяные, пористые стены одиночной камеры, с раздробленными в некоторых местах бетонными окровавленными шипами. Я искал Люду, Людочку, как называл ее Купсик.

Но в самом деле! Где же она?.. Я же точно знал: Люду, ее астральное тело воруют именно отсюда!.. Но это же мужская тюрьма...

В камере номер сорок пять сидело четверо заключенных. Точно, я не сомневался, Людочка должна находиться здесь.

"Но тогда как же так! - недоумевал я. - Мужская тюрьма, в камере одни мужчины, но девушку воруют все-таки отсюда!"

- Было и у меня на свободе... Все было... - заунывно произнес погрузневший Пахан и, невесомо помолчав, заговорил дальше: - И четырнадцатилетних девочек трахал, и паскудам с вок-зала сосать давал, и бабки шелестели по ветру...

- У меня ведь моя дочурка тоже сидит в колонии, ей сейчас пятнадцать, - на тяжелом выдохе бессильно высказал Косой. Ох, и набухались, помню, однажды!.. За поселком, на полянке... Был я, мой братан и она, Маринка!.. Ей тогда еще четырнадцати не исполнилось. В этот, как его, волейбол играли... - Косой помолчал, словно прикидывая что-то. - Поиграли, на травке развалились, классно под солнышком разнежались! Братан зачал шарить груди у Маринки, шепчет все, ножки, мол, у твоей пискли хорошенькие. А она, сучка, лежит и балдеет, как же, мужик ласкает! Потом смотрю, а он ее уже сосет всю! Юбку заголил... Орала, как резаная, искусала братану плечи, стерва! А потом и я на нее залез о кости погреть, меня не кусала, соплями шмыгала, выла, но терпела, как-никак, отец все-таки!

- Да-а... - протянул Полковник. - Житуха сложная штука, я вот когда служил, долго разбирался, кто же прав, а кто же нет. И все-таки пришел к тому, что как ты поступаешь, так и должно быть на этой заподлистой земле дураков!... Бывало, все бумажки перекладываешь, крысой конторской себя чувствуешь, а все одно, хочется тебе хорошо жить! Вот и врал, и лебезил, объе...л кого придется... Да-а... Житуха сложная штука...

- А я хотел бы снова стать ребенком... - обнаружился в молчаливом проеме четвертый голос. Четверо арестованных, заключенных в камеру голоса, четверо скованных не только телом, но и застенками души, присутствовали рядом друг с другом, поодаль уже долгое время, и могли они всего лишь переговариваться, обитая в тупичках своих мирских тел, осмысливая эти тупички. Но нет. Они не осмысливали тупички своих мирских тел, скорее, они осмысливали тупик своей камеры и с наслаждением думали и стремились в более заманчивый тупик, тупик немых, отрешенных друг от друга земных форм...

Они никак не могли понять, не хотели осмыслить свою истинную тюрьму - тело... Металлический хруст в замке заставил арестантов повернуть головы в сторону двери.

- Ну что, гаврики, - возникла в проеме двери, будто зловещий портрет из другого мира, фигура тюремщика, - жрать будете?... - Тюремщик молчаливо усмехался над своими питомцами. Четверо ничего не ответили.

- Сдохнете с голодухи! Пидары!... - проорал оскалисто он. - Ну и х.. с вами, голодуйте, - добавил тюремщик поспокойнее. Дверь затрепиной вонзилась обратно в свой железный квадрат, и снова металлический хруст в замке, и металлические шаги в коридоре... Заключенные долго сидели неподвижно и опустошенно переглядывались...

- А может, все-таки пожрем, ребята?.. - исподволь словно попросился Полковник.

- Ты что, гад!.. - вскочил с залеженных нар Пахан на прочные тяжеловесные ноги и ласковым взглядом оперся на Полковника, будто король, желающий раздавить самую поганую сволочь, козьяку, вдавить в бетонную стену... - Завтра тебя утопят в унитазе... Или меня... Ты тоже жрать!... Гнида! Полковник притаился... Остальные двое продолжали сидеть молча...

Пахан зашагал по камере от окна к стене, от стены к окну. Он шагал, будто раздавливал время, будто хотел уйти как можно дальше, отойти прочь...

- Пахан! - окликнул шагающего Косой.

- Молчи! - огрызнулся Пахан. - Я знаю, что делаю.

- Я люблю тебя, Пахан.

Пахан остановился, пристально обернулся от окна на последний голос.

- Знаю и верю, - задумчиво сказал он, подошел к любимому арестанту, обнял и поцеловал его.

- Да. Эти шакалы все могут, но жрать заставить нас никогда!.. - отрывисто заговорил Косой. - Люди мы или не люди!.. Не дадим себя топить в унитазах!.. Голодовка!! - дико проорал он в сторону двери. - Да... Но жрать все-таки, х.....

- Молчи! Падла! - зверино прошипел Пахан.

Косой тут же осекся и виновато сморщился.

Какое-то время все четверо сидели в неподвижной тишине. И вот...

Пахан снова приласкал своего любимого арестанта по камере: стал целовать его в губы.

- Хорошая... - властно шептал он, - одна ты у меня...

Пахан нежно стянул штаны с любимого арестанта и обнажил свое мужское достоинство. Этот арестант выглядел утонченно, женственно: длинные волосы: худое, острое лицо; замысловато и привлекательно улыбочивый; маленький носик слегка привздернутый; в смолянистых глазах глубокая печаль и ожидание. Под штанами у арестанта оказались белые кружевные трусики. Их он стянул и стал на четвереньки... Косой и Полковник прикрыли глаза, будто задремали...

- Людочка... - насладивительно засопел Пахан, истекая слюною, а я - отшатнулся от объема тюремного Астрала и унесся прочь.

Одержание любви

В тот день, когда я разговаривал с Наташей по телефону, когда я впервые овладел земным телом председателя кооператива, я обещал своей любимой посетить ее дом под видом работника кооператива: укрепить дверной проем. Но по теснине сложившихся обстоятельств и потому, что я понимал, видел то главное, которым следовало заниматься в первую очередь, ибо оно могло привести меня и Наташу к нашей встрече не на короткое

время в тумане предчувствия, а навсегда, я не пришел в назначенный день.

Но теперь, когда мелодика моих чувств к любимой перестала быть заглушаемой аккомпанементом событий, застенки ожидания встречи расступились передо мной.

И ринулся я к телефонному аппарату, и снова договорился о своем приходе.

Гришина командировка истекла через три дня, и я должен был спешить уладить все, что только можно.

В течение сегодняшнего дня, когда я готовил свое сердце к встрече и оно обретало мужскую крепость в просторах памяти, вспомнилась мне Вика, и то, как я убил ее в себе, но тогда я не мог поступить иначе, потому что неминуемо остался бы вне познания Астрала. "Вне меня просторы эти, я не долго в них летал, - вспомнились мне мои строки, - потому что все на свете за просторы я отдал", - только бы и осталось тогда мне сказать, если бы я не решился убить Вику, мою последнюю, любимейшую привязку на Земле. А Наташу я не хотел убивать, да и нельзя ее было убить, да и незачем, Наташа была нездешней, она приходила и уходила как наваждение, и, в конце концов, я сам превратился в наваждение.

Нам всегда было ближе всего быть местом для предмета, и потому обладали мы предметами только теми, которые были на нашем месте, и нам было даже невдомек, что стоит лишь стать самим предметом, и все места будут предлагаемы для него - для предмета все места есть, существуют для него, для места же есть только тот предмет, которым оно обладает. Наташа являлась предметом, она возникла на месте моем и ушла. И тогда я перестал быть местом, ибо на что мне нужна была пустота, я тоже стал предметом. Но обманчивое наваждение ускользнуло и снова стало местом... Да... тяжелее всего приручить, обладать наваждением.

Неторопливо, чтобы не захлестнула одышка, я поднялся по лестничной клетке в своем доме на пятый этаж в Гришином земном теле и позвонил в свою квартиру, как обычно, три коротких раза.

За дверью послышались шаги, и после короткой паузы кто-то глянул в глазок на председателя кооператива, - скрежетнул металлический язычок замка, дверь отшатнулась внутрь моей квартиры.

Там в прихожей стояла Наташа, она улыбчиво смотрела на меня в дверную отщелину.

- Здравствуйте, - сказал я.

- Вы Гриша? - Поинтересовалась Наташа в готовности отстегнуть дверную цепочку.

- Да, я товарищ Сергея и представитель фирмы, - игриво отрапортовал я, едва удерживаясь от желания вломиться в прихожую, схватить Наташу на руки и целовать. Тут же Наташа сорвала цепочку и распахнула дверь, она возникла перед мной в нежно-голубом атласном халатике. Наташа слегка прищурилась, словно от яркого света, будто предчувственно припоминая что-то.

- Проходите, - с торопливой заботливостью предложила она, - проходите на кухню, туфли снимать не надо. Я сейчас приготовлю чай. - Наташа захлопнула дверь и провела меня в мою кухню. - Садитесь сюда, за стол. - И она предложила мне табуретку. Я сел на нее, я чувствовал себя в сонном восторге, все вокруг казалось ненастоящим, даже когда я проходил на кухню, забывши о своей скованности в рамках земного тела, я едва не шагнул сквозь закрытую дверь, но на удивление Наташи по этому поводу я извинился в своей неуклюжести.

- Целый ворох серебристых бликов на потолке, - сказал я, когда мы уже начали пить чай. Наташа посмотрела на меня внимательно.

- Откуда, - спросила она, - откуда вы знаете об этом, Гриша?

День был очень солнечным, у кухонного окна на табуретках сверкало два ведра, доверху наполненных отстаивающейся водой.

- О чем? - в свою очередь спросил я и глянул на потолок, на котором серебрились солнечные блики. Наташа тоже бросила взгляд на потолок.

- Ну да, - рассмеялась она, - извините меня, пожалуйста, я подумала совсем о другом, и в самом деле целый ворох серебристых бликов на потолке. Я промолчал и тоже улыбнулся -

как же она была хороша, моя Наташа! Ее длинные вьющиеся волосы, мои ладони магнитило прикасаться к ним; ее детские улыбки, ускользающие от меня, таяли мятно у меня на душе. Как же хотел я любить ее в эти мгновения!

- Расскажите что-нибудь о Сереже, - попросила она.

- О Сереге можно говорить много, - стесняясь доверчивости Наташи, сказал я и медленно опустил глаза, делая вид, что рассматриваю кусочек лимона, плавающего в моей чашке чая.

Я поддевал этот золотистый кусочек чайной ложечкой, и наконец - нагнулся к чашечке и ловким движением все-таки поддел лимонную дольку к себе в рот.

Под откровенный хохот Наташи я стал демонстративно, морщась от горячего и кислого лимона, жевать и корчить страдальческие рожи.

- Да... - затаившись на мгновение после карикатурного представления, произнес я и оперся сдержанно нежным взглядом на Наташу. - Серега мой близкий друг, - заговорил я через некоторую паузу. - Мы с ним долго сходились, но потом... понимали друг друга твердо.

- А как вы с ним познакомились? Мне все интересно, расскажите, - оживившись, попросилась в мои глаза Наташа. И тут мне в голову пришла вполне оправданная мысль: разговариваю с Наташей, но это я знаю как ее зовут, но не Гриша.

- Вы извините, - уверенно обратился я к своей собеседнице, - но вы до сих пор не представились мне, мы с Сереей последних три года до его болезни мало виделись и я не знал, что он женат!

- Честное слово, Гриша, я вот с вами сижу сейчас, разговариваю и у меня такое впечатление, что я знаю вас уже давно, даже некоторые ваши движения удивительно знакомы, откуда, не пойму. Наташа... меня зовут Наташа, - сказала она, опомнилась от задумчивого рассуждения вслух. "Меня зовут Наташа... Наташа - запомни", - молниеносно прозвучало у меня в душе. От этих воспоминаний я не заметил, как промолчал некоторое время.

- Эй, да вы что, меня не слышите, Гриша?

"Наташа.. меня зовут Наташа - запомните".

- Да, извините, - вернувшись к настоящему моменту, отозвался я.

- Что это с вами? - спросила Наташа.

- Да нет, ничего, вспомнилось, как я познакомился с Сергеем, - соврал я. Когда я работал на теплоходе, у меня был друг Миша, и я стал рассказывать, как я с ним познакомился, как Сергей, чтобы хотя бы в перечислении событий не выдумать, не врать, а походить на подлинного рассказчика:

- Я тогда еще был совсем сопляком, а Серега вообще в пацанах, практику у нас на "Дунае" проходил, от речного училища.

- Вы плавали по Дунаю? - поинтересовалась Наташа, заботливо слушая мой рассказ.

- Нет, это теплоход так назывался - "Дунай".

- А, понятно.

- Так вот... - приготовился я продолжить рассказ.

- Простите, а вы на теплоходе кем работали? - и Наташа улыбнулась, словно догадалась о чем-то.

- Боцманом, - ответил я.

- Я так и знала, - не выдержав, рассмеялась она, - не обижайтесь, ради Бога.

- Да я и не обижаюсь, но боцман действительно должен быть увесистым на корабле.

- Ну да, это потому, что вы матросов гоняете, они потому и худенькие все, а вы себе в это время животик отращиваете. Вы признайтесь - так? Только чур не обижаться!

- Если честно, то немного правды здесь есть, - с огромным трудом заставляя улыбаться Гришино лицо, сказал я для поддержания шутки.

- Вы и Сережу гоняли тоже? Только не врать! - хохотала Наташа.

- Конечно гонял, а что? Он у меня как гвоздик по палубе навтыжку ходил, особенно

после нашего знакомства: я его промуштровал.

- Ну и как же это было? - успокаиваясь от смеха, спросила Наташа. - Вы хотели рассказать, как вы познакомились.

- Как было... - И Гришино лицо приняло задумчивый вид. - Ха, - ухмыльнулся я, - дело было так: пригнали их, молоденьких гавриков, три экземпляра - один из них был Сергей.

- Так-так, - подзадорила меня Наташа.

- Я почему-то тогда остановился на нем, выглядел он довольно робко и настороженно, и я решил его в первый же вечер поставить дежурить на вахту и дал ему задание выдраить корму первой палубы. Решил я в конце вахты проверить, как там идут у него дела, спускаюсь на первую палубу, прохожу мимо ресторана (у нас теплоход туристский был) и только выворачиваю из-за угла на корму, а мне в лицо вода как ударит, с ног до головы мокрый, я думал, пробоина случилась, как заору: "Стоп, машина!" - но тут же и осекся: это Серега мне в лицо ведро воды выплеснул, ну, думаю, пацан, сейчас я тебя на канате за борт спущу.

- И спустили? - снова расхохоталась Наташа.

- Да нет, жаль мне стало его - "Простите, простите, я не хотел, я не думал" - передумал я его наказывать, за бортом уже ночь стояла, пришлось раздеваться до плавок и стирать свою одежду, прямо в реке через борт, вода-то была грязная в ведре, не мог же я в таком виде по кораблю мимо моряков пройти к себе в каюту. Постирался и, пока моя одежда сохла, разговорились мы с ним по душам, с моим подопечным. Так и познакомились, так и сошлись. И с того самого вечера крепко, по-мужски понимали друг друга.

Да и Серега перестал робеть, как-то обветрился на реке, солнышком налился, посмуглел, матросский характер в нем прорезался. Ему вообще все очень легко давалось.

Наташа перестала смеяться, будто опомнилась, что сегодняшний день у нее не весел, и она облокотилась на стол и закрыла лицо ладонями.

- Я понимаю, - сказал я, - вам тяжело теперь... А мне можно взглянуть на Сергея?

- На спящего Сергея, - добавила Наташа и встала из-за стола. - Пойдемте, - решительно сказала она и, выйдя из кухни, зашагала через прихожую в зал. И Гришино тело шло за ней.

Мы вошли в зал, Наташа аккуратно отодвинула ширму, огибающую диван, и я увидел себя.

На диване лежало человеческое тело, исхудалое и желтеющее лицо без какого-либо выражения напоминало мумию.

Я лежал в темно-зеленом спортивном костюме, у меня его раньше не было, видимо, его преобрела Наташа.

- Вы что? - осторожно спросила Наташа, взглянув в мое лицо и почувствовав мое внутреннее смятение. - Испугались?..

- Нет, но мне очень тяжело видеть Серегу такого. Господи, пусть он скорее проснется, - одержимо произнес я.

- Пойдемте на кухню, - предложила Наташа, осторожно устанавливая ширму на место. И мы возвратились на кухню и молчаливо уселись за стол. Через некоторое время я обратился к Наташе:

- Вы знаете, я вам принес... - И я полез в карман Гришиного пиджака, Наташа оторвала взгляд от стола и обратилась в пристальное ожидание. - Как-то Серега подарил мне сказку о любви, - достав из кармана несколько сложенных листков, исписанных от руки, сказал я, развернул эти листки и подал их Наташе, - может, вы пока почитаете, а я тем временем буду укреплять дверь?

- Нет, прочтите лучше вы, вслух, а дверь мы можем укрепить и в следующий раз, ведь правда? - И она возвратила мне листки. - Я теперь поняла: у вас удивительно много Сережиных жестов, почитайте лучше вы, пожалуйста.

- Ну, дверь-то мы действительно можем укрепить в следующий раз - я, честно говоря, шел в гости и даже не прихватил с собой инструментов.

- Вот и хорошо, - сказала Наташа, и ее задумчивые глаза разглядывали меня. Еще мгновение, и мне казалось, она увидит меня, Сережу, что Гришино тело сейчас растает и

обнажит мою душу, и я незамедлительно стал читать.

Сказка о любви

Выпуклое синее небо зависало над морем. Солнечный диск будто на цыпочках еще пытался выглядывать из-за водного горизонта.

Изредка доносились сонливые крики чаек. Молодой человек, в джинсах и кроссовках, в распахнутой рубашке, настойчиво поднимался на вершину крутого скалистого берега, усеянного невысокой растительностью.

Тропа, по которой он шагал и делал прыжки с камня на камень, извиваясь, шарахалась от кустов, но все-таки тянулась вверх.

Когда молодой человек закончил свое восхождение, небесная синева потемнела, прохладная свежая темень опускалась повсюду. Человек у самого краешка плато, у обрыва, падающего в море, он стоял, широко расставив ноги, во весь рост и долго обдумывал что-то.

Слева, поодаль от него, неподалеку от места, где начиналась его тропа, там, внизу, разноцветились огни людских жилищ и развлекательных заведений.

Когда совсем стемнело и серебристая звездная пыль зависла над его головой, силуэт его фигуры ожил, начал, громко подкрикивая в море, декламировать стихи:

Ну не современен я от роду!

Может, мне призвать на помощь моду?..

Должное отдавши супервеку,

В джинсах я спешу на дискотеку...

Рубль вход - уверенная такса!

В темноте прожекторные кляксы.

Обступили, замелькали лица.

Захотелось в девушку влюбиться!

Я об этом танцевал весь вечер

Пляшущий оживший человечек...

Шел домой и вечер я итожил.

Ветер обходил меня прохожим.

На себя обижен я, насуплен:

Джинсы у меня сегодня "супер"!..

Так хотелось в девушку влюбиться!

Тусклые, мелькающие лица...

- Молодой человек, - возник позади, словно разбуженный эхом его стихов, некий старческий голос. Молодой человек остался стоять недвижим, наверно, он подумал, что голос ему показался, но причудливо дряхлый голос повторил опять:

- Молодой человек, вы меня слышите?

- Ты кто? - продолжая стоять, не оборачиваясь, спросил еще наполненный энергией стиха человек.

- Пилигрим.

- А что ты тут делаешь?

- Живу... ты, парень, знаешь, иди-ка сюда, разведем костер.

Молодой человек развернулся назад, осмотрелся по сторонам, но никого не смог разглядеть в ночном пространстве.

- Ты где? - робко позвал он хозяина голоса.

- Я здесь, недалеко, присмотришь хорошенько.

- Это ты сидишь на камне? - вглядываясь во мрак, сказал парень, наконец уловив очертания белой, сгорбленной фигуры напротив него, всего в нескольких шагах. В ответ никто ничего не ответил: молодой человек сделал несколько этих шагов в сторону промолчавшей фигуры в белом одеянии, и через несколько мгновений он оказался рядом со стариком, действительно сидящим на камне, опираясь на корявую палку.

- Садись напротив, но прежде разожги-ка, парень, костер, - не спеша проговаривая слова, будто нараспев, предложил старик.

Исподволь, поглядывая на Пилигрима, молодой человек нащупал кучку хвороста у своих ног, нагнулся к ней, достал из накладного кармана рубашки зажигалку: встрепенулись искры из его рук, зашипел газовый луч огня, и ужаленный хворост, отстреливаясь, будто от боли, подернулся огоньками, и вскоре на глазах подросток пламенный кустик небольшого костра и осветил он все плато, крохотные жучки искорок таяли над ним.

Тогда парень уселся на камень, предложенный ему, напротив старика и разглядел Пилигрима получше: его таинственный собеседник осветился. В белом халате, обеими руками он опирался на свой сучковатый и кривой посох, сидел, нахохлившись, и подбородок его лежал поверх смуглых кистей рук.

- А почему вы назвались Пилигримом? - обратился молодой человек к старику.

- Я... - призадумался тот в ответ, - давно себя никак не называю.

- Тогда почему Пилигрим?

- Это меня так местные жители прозвали, я живу там, внизу, на краю поселка, но только в холодное время года, а летом брожу по окрестностям и обитаю здесь, в этой пещере, старик распрямился немного и неторопливо взмахнул рукой в сторону своего жилища. Молодой человек последовал взглядом за взмахом руки, и в самом деле: в пяти шагах от костра, в глубине плато вырисовывались контуры небольшой пещеры, точнее входа в пещеру, который был настолько невысоким, что в него мог пройти только сгорбленный старик.

Эта пещера обнаружилась для парня неожиданно, ведь он же осматривался по сторонам и почему-то не видел ее, и если бы не знак собеседника в ее сторону, казалось, пещеры бы не существовало вовсе.

- Ты ищешь любви? - через паузу снова заговорил старик, он опять опирался обеими руками на посох, и подбородок его лежал на смуглых кистях.

- Вы слышали мои стихи?

- Да, когда я услышал их, я вышел из пещеры на помощь.

- А вы сумеете мне помочь?

- Если ты захочешь этого сам - ничто, даже помощь, нельзя навязывать никому. Я... в состоянии тебе предложить свой старческий разум. Что ты сейчас чувствуешь, парень?

- Сегодня улетели блики глаз, как паруса на вздохе в непогоду, срываются в оскаленную воду, и я гляжу в себя за часом час... Да, - тяжело вздохнул парень, - смотреть в себя опасно. Мудрено - у волн холмы гранитные поникли, увы, вернуть не каждому дано однажды улетающие блики... - Черное от загара лицо старика было недвижимо обращено в сторону молодого человека, в красных играющих лучах костра короткие белые волосы Пилигрима особенно выразительно и красиво очерчивали его голову, все располагало к спокойствию и задумчивости.

- Глаза... без бликов слепы, - подытожил после некоторого молчания старик. - Это хорошо, что ты пишешь стихи, - благодарно сказал он, - но я еще не совсем уяснил для себя, как далеко ты потерялся от любви, прочти еще что-нибудь, близкое сердцу твоему сейчас.

Были зайчики

Солнечные...

Я пускал их в людской толчее

Ослепительным девушкам в лица.

Мог легко разлюбить и

влюбиться...

Я тогда ничего не итожил.

А вокруг зеленела листва,

И меня увлекала весна

Под слепой и доверчивый дождик.

Что мне было до истины истин!

Бесконечностью

Жизненный путь.

Мне все небо хотелось вдохнуть!

Но желтели со временем листья.
Словно в первую осень иду.
Зрелым грешником крестится дождик.
Я, наверное, в этом году
До прощания с юностью дожил.
Прохожу я в людской толчее:
Ослепительны девушек лица!
Словно зайчики
солнечные,
Одинокие
падают
листья...

На плато у костра зависло некоторое молчание.

- На свете есть, такое дело, - заговорил старик, одним создать какой предмет, другим с предмета оголтело словесный написать портрет, предмет вниманием увенчан, дитя бесчувственных идей, предмет бесстрастно опредмечен, а значит - он предмет страстей. Чем ты предметнее в судьбе, тем больше ты с бесстрастьем дружен, чем меньше нужен ты себе, тем больше ты кому-то нужен...

- Вы тоже пишете стихи? - обрадовался молодой человек, как только отзвучало последнее слово в устах Пилигрима, но старик не ответил на вопрос.

- Так ты... так никогда и не любил? - словно остановил вопрос парня, остепенил его оживление, продолжая тем самым свой путь беседы, старик. Парень на время затих.

- Я заплакал душу, теперь она опустела... а ты проводила за дверь бездушное тело... - сказал парень и снова замолчал.

- Значит, любил, - подытожил Пилигрим.

- Под шелест рублей шелестящие шины, под шелест рублей ты похоже светла, ты гордо мне бросила взгляд из машины, сквозь мыльный пузырь лобового стекла... - проговорил на едином дыхании парень.

- Любил... и не один раз... но только любил ли и в самом деле то, что искал и обрел, а не то, что пришлось по случаю, подытожил старик, продолжая сидеть неподвижно. Изредка парень наклонялся к огню костра и подкидывал свежий хворост в него.

- Вы сказали, что вышли на помощь, помогите мне полюбить, Пилигрим, подскажите как. У меня очень много любви, но она никому не нужна - одни перед ней расступаются и не решаются к ней прикоснуться...

- Знаю, - остановил молодого человека Пилигрим, человек ты восприимчивый... умеющий слушать, толк из тебя будет. Слушай... я расскажу тебе сказку... сказку о любви.

"Жил да был один юноша. Это был очень печальный юноша. Он бродил по многолюдным улицам своего города в поисках любимой.

Когда он отчаялся обрести заветного человека, он стал путешествовать по другим городам своей страны. Долго ему пришлось одиночно странствовать, одиночить: исподволь он безнадежно вглядывался в окружающий его мир людей.

Нет, нельзя сказать, чтобы совсем его не замечали девушки, но услада тела не помогла юноше, молодому мужчине постичь восторженность любви.

А он от этого печалился еще больше, но все-таки продолжал идти заповедными тропами, и только лишь вера в любовь спасала его, вера в то, что она во что бы то ни стало есть, его любимая, на этом белом свете.

Порою, юноше казалось, что вот уже, скоро будет, появится она, улыбнется ему любимая. Но тчетно он ожидал своего счастья и напрасны были все его старания: девушки ускользали от него.

Он шел на ощупь, ожидал, искал...

Все девушки видели: во что он одет, как сложен, богат ли, знаменит.

Никто не замечал самого юношу. И унылилась душа его.

Неуемная печаль одаряла юношу стихами, и в конце концов молодой мужчина замкнулся в себе, и, обрученный с поэзией, написал, как он решил признаться себе, свое самое последнее стихотворение в жизни своей о любви:

Любимой нет.

Ее никак не встречу.

Или уже не встречу?..

Как закон:

Мой каждый день безлюбием отмечен

И до абсурда, кажется, знаком...

И каждый день одолевают страсти,

Которые срываю впопыхах.

Любимой нет...

Разыскиваю счастье,

Но нахожу его я лишь в стихах...

И когда юноша прочитал это стихотворение для себя вслух, он холодно заплакал от несбыточности своей души. И тогда, когда не утешился он слезами, решил он уйти в края безлюдных лесов, с онемевшей душой своей, чтобы остановить свою жизнь там.

И он ушел, как и задумал.

Он больше не искал дороги, и волнующие тропинки тоже не привлекали его, даже цветущие поляны теперь он обходил стороной. Он больше ничего не искал, он размашисто продирался, одержимый погибелью, опасностью быть разодранным в клочья дикими ветрами леса.

Долго шел юноша, все тело его было исхлестано и заливалось болью от острых сучков. И однажды, после изнурительных дней и ночей бессонного пути, он вышел все-таки на поляну, он хотел ее обойти, предчувствуя ее издали, но не смог.

По одну сторону поляны было глубокое озеро, по другую непроходимое болото, но это оказалась совсем необычная поляна: на ней абсолютно не росла трава, не разноцветились никакие цветы, только один-единственный цветок одиноко рос на этой поляне. Этот цветок напоминал ему его самого, и тогда юноша решил остановить свою жизнь на этой поляне.

Стремительно он подошел к цветку и сорвал его, после чего он повернулся и зашагал к озеру.

На берегу он остановился, бережно положил цветок у своих ног и приготовился утонуть в пучине озера.

- Постой! - услышал он позади себя повелительный оклик, и юноша дрогнул, удивился человеческому голосу здесь. Повернись ко мне лицом, - снова прозвучало повеление, и юноша повернулся. В трех шагах от него стоял маг, он был одет в черную одежду.

Налетел ветер, и черный плащ мага развеялся на этом ветру огненными вспышками, потому что изнутри этот плащ был кроваво-красного цвета.

- Ты искал любви, но ты ее не нашел, - сказал маг, и он сурово смотрел в глаза юноше, - но ты не можешь потерять себя.

- Почему? - впервые за столько времени промолвил молодой мужчина, и его крепко сжатые губы разомкнулись.

- Потому, что тебе нечего терять, я научу тебя, как обрести любовь.

- Я теперь даже не знаю, зачем она мне нужна.

- Человек, нашедший любовь, бессмертен, ему больше незачем жить временной человеческой жизнью. А ты решил остановить свою жизнь, чтобы подчеркнуть ее временность, ты хочешь остаться смертным?

- Нет... я не хочу умирать.

- Да будет именно так. Смерть также временна, как и жизнь. Только единому вечность и бессмертие, а ты не один, потому что одинок, а значит, смертен. Поступишь так, как я тебе скажу, иначе больше не найдешь меня.

- Я готов, - ответил юноша.

- Ты не нашел любви, ты гонялся за порхающими разноцветными лепестками бабочек, но они одна из этих бабочек не порхала у тебя в душе.

- Да, кажется, я начинаю понимать, - отозвался юноша.

- Внимательно осмотришь, - потребовал маг, и юноша все окрест окинул взглядом.

- Не вокруг, а в себе.

Юноша сосредоточился.

- Увидел ли ты образ любимой там?

- Боже... - проговорил после некоторого молчания юноша, - я так несовершенен, в моем сердце нет любимой, я не вижу ее. Тогда что же я искал? И как я мог найти то, чего нет?

- Ты никогда не искал, ты гонялся за красочными наваждениями.

- Да.

- Надо создать и овладеть, иметь и потерять, и лишь тогда искать и найти.

- Создать и овладеть, - задумчиво повторил юноша, иметь и потерять, и лишь тогда... искать... и найти! воскликнул он. - Я сделал последнее...

- Ты зарился на чужое добро и потому всегда получал пинка, чужая собака непослушна и может укусить.

- Только моя собака откликнется на зов и позволит себя погладить, - твердо сказал юноша.

- Обрети любимую в себе, создай ее образ, он должен ожить, шевельнуться в твоей душе, заговорить с тобой на языке сердца, но и тогда ты не найдешь любимой.

- Я должен буду его потерять, свой образ?

- Отказаться от него, вывести его из души и забыть о нем.

- И забыть о нем, - подытожил юноша.

- Забыть о нем, но твоя любимая будет помнить о тебе, и тогда ты будешь не одинок в своих поисках: твой образ тоже будет искать тебя, и придет время, когда вы в одно мгновение узнаете друг друга, твоя любимая вернется к себе на родину - к твоему сердцу. Другого пути у любви нет.

Юноша задумался и, как бы рассуждая вслух, проговорил:

- Но если я забуду образ любимой, то как же я его найду, ведь я не буду помнить, что искать?

- Ты забудешь его в душе, но он будет жить в мире, и ты будешь помнить об этом и приглядываться к лицам, чтобы узнать его. Ты должен зорко посматривать на свой образ любимой издали, пока не встретишь его. Только не нянчить его в сердце, его колыбель должна быть пуста. Любимая должна прежде всего сама потратиться на поиски тебя. Родина помнит о нас, но не она приходит к нам, а мы возвращаемся к ней... - и с этими словами маг отпустил юношу в мир людей, повелел ему вернуться туда.

Всю обратную дорогу юноша создавал образ любимой в своей душе, и, когда он пришел к людям, преодолев долгие расстояния, любимая ожила, шевельнулась в его сердце, и он забыл о ней, и колыбель его души опустела, и образ его любимой стал жить в мире и разыскивать его, и юноша пристально, издали посматривал на любимую.

И пришло время, и они встретились, и в одно мгновение узнали друг друга, и им хорошо было вместе.

Но... предсказанное единение с любимой... у юноши продлилось недолго.

Он стал замечать, что любимая охладевает к нему, а он все ярче и сильнее любит ее, и даже наступали моменты, когда юноше не обязательно было видеть свою любимую, ощущать ее присутствие рядом, потому что любимая начинала жить как-то иначе. И он чувствовал каждое ее движение: тела и сердца, даже будучи один.

И вот наступило самое страшное - любимая совсем охладела к юноше и покинула его, и как только это произошло, юноша снова опечалился, и пуще прежнего его душа была вся в слезах.

И тогда юноша опять покинул мир людей и ринулся через леса на заветную поляну к магу.

Лютый ветер бушевал на поляне. Маг ожидал юношу, он стоял посреди поляны и огненные вспышки его плаща полыхали вокруг него. Маг сурово смотрел на юношу, который стоял, понутив голову, в неведении, ожидая приговора судьбы.

Но маг молчал, тогда заговорил юноша:

- Я все сделал, как вы сказали, но я не знаю, где я ошибся.
- Осмотрись, - и юноша всмотрелся в свою душу, и он прозрел, - Боже, - воскликнул он, - что я наделал! Я вижу в своем сердце образ любимой, так вот почему ее не стало у меня!
- Ты забрал свою любимую обратно, она возвратилась к тебе в сердце.
- Что же мне теперь делать?
- Ты должен вернуть ее в мир людей, и она снова будет с тобой.
- Я понял... - сказал юноша твердо. - Не пускайте любимых обратно в свое сердце, не оставляйте их у себя в душе, и они никогда не покинут вас, - и с этими словами юноша снова вернулся в мир людей, и он отпустил любимую из души своей, и она снова вернулась к нему.

И пошли они вместе, рука об руку, по пути бессмертия, обретая вечность. И решили они вместе прийти к магу, чтобы поблагодарить его за урок судьбы.

Но когда явились они на заветную поляну, то обнаружили на ней солнечный ливень. Мага не оказалось на поляне.

По дороге к поляне юноша шел с твердым желанием подобрать тот единственный цветок, некогда сорванный им в далекой печали одиночества, и оживить его, возвратить ему дыхание Земли.

Но как же восторженно удивился юноша, когда увидел, обнимая любимую, что вся заповедная поляна усеяна цветами, и разноцветные лепестки бабочек порхают над ними. Юноша снова захотел писать стихи и написал первое:

Жизнь не безжалостна, коль рушит,

И ты за то ее прости,

Пусть выкорчевывает души,

Чтобы полянам расцвести...

Пилигрим замолчал.

Молодой человек неотрывно слушал его, изредка лишь подбрасывая в костер свежие пучки хвороста. Так они и просидели до самого утра молча.

И снова начало синеть выпуклое небо над морем, солнечный диск будто на цыпочках выглянул из-за гор побережья, и костер угас, только легкий дымок, словно остатки раздумий, струился над ним.

Крики чаек вонзались в небо, а чайки вонзались в море и выныривали из морской глади, и снова неслись в небо навстречу своим крикам. И парень в джинсах и кроссовках, в распахнутой рубашке, сидя на камне напротив старика в белых одеждах, что по-прежнему опирался на корявый посох, сказал: "Я все понял, спасибо тебе, Пилигрим".

- Сережа, - сказала Наташа, когда Гриша закончил "Сказку о любви", и я насторожился. "Нет", - подумал я, - она не просто сказала "Сережа", она позвала, окликнула меня"...

Наташа пристально смотрела в Гришины глаза, я почувствовал, что еще одно неуловимое мгновение - и она узнает меня.

Но в следующую секунду я невероятными усилиями словно выкорчевал Гришино тело из-за кухонного стола, Гриша молниеносно поднялся, глянул на наручные часы и тут же торопливо заговорил:

- Все, мне пора, у меня еще тысяча заказов. Сказку я оставляю на время вам, почитаете.
- И я протянул исписанные листы Наташе. Опешенная моим вскоком из-за стола, она машинально взяла их у меня из рук.
- Может, еще чаю? - засуетилась она.
- Нет, нет, я бегу, сумасшедше опаздываю, - уже из прихожей выкрикнул я, открывая входную дверь.
- Гриша, а как же вы пойдете на заказы, у вас даже инструментов с собой нет.
- Ничего, я забегу на работу, - бегло ответил я, вышагивая из квартиры.

- Но вы же не успеете!

- Я возьму такси.

- Гриша!.. - окликнула меня Наташа, стоя на лестничной клетке, когда я уже сбегал по ступенькам на этаж ниже.

- Что? - отозвался я, приостановившись.

- Когда вас ждать?

- Я позвоню, - выкрикнул я уже не бегу, ловко перескакивая ступеньки.

Урок Второй

- А теперь слушай меня внимательно, - чувственно произнес я Боживу.

- Постой, Сережа, - взмысленно остановил меня Юра.

- Ты о чем-то хочешь спросить?

- Да, мне надо посоветоваться. Я многое уже начинаю понимать и даже без волнения воспринимаю наше общение.

- А что, раньше было страшно?

- Нет, но потом немного жутковато, но теперь этого не будет, я спокоен, - определился Юра, - у меня возникли неясности, Сережа.

Я молчал в готовности воспринимать друга, но Юра тоже почему-то замолчал, насторожился.

- Сережа, - позвал он, - ты здесь?

- Говори, я слушаю, - отозвался я, и Юра облегченно вздохнул, там, у себя, на физическом плане. - Слава Богу, промыслил он, - ты здесь... мне нужно разобраться, Сережа... насколько я понял из твоих записей, немалое количество моих подчиненных в кинотеатре из "астральной шайки".

- Да, это так, - подтвердил я.

- И ты, - продолжал Божив, - из-за них ушел в летаргию.

- Да, Юра, из-за них, но больше все-таки по собственному несовершенству.

- Мне это сейчас трудно понять, но эти мерзавцы начинают меня преследовать.

- Как? - отзывчиво поинтересовался я.

- Не знаю, как это объяснить, то ли это были сны, то ли в самом деле, но события, происходящие со мною там, тут же получали подтверждение здесь, наяву: вначале Екатерина Васильевна соблазнила меня, а потом пришла в кабинет и намекнула об этом, и если это все правда, то астральную шайку я тоже видел. Они пытались меня утопить в океанском полу огромного здания, утащили туда на самолете, прямо отсюда, из кабинета, но я победил, утонул художник, художник моего кинотеатра, и сразу же последовало извещение о его смерти, реальное, с печатью отделения милиции.

- Екатерина, - промычал я.

- Что? - переспросил Божив.

- Нет, ничего, - опомнился я и тут же поправился, Екатерина Васильевна, как она тебе?

- Она не злая, вроде бы и располагает, но есть и сомнения. А почему о ней ты спрашиваешь, Сережа?

- Я не могу тебе сейчас многое сказать: всему свое время, ибо ты человек импульсивный и можешь проговориться.

- Ты же знаешь, я умею молчать, Сережа.

- Проговориться - не значит на физическом плане, а проговориться чувственно или в помыслах своих, но хватит об этом. То, где ты был, - Астрал, и что с тобой происходило, происходило в самом деле, только, как ты понимаешь, в мире ином, в мире тонкой энергетики. У меня мало времени, продолжим второй урок, по окончании которого я предложу тебе несколько структур защиты от воздействия твоих нападающих. Итак, проговориться в чувствах или мыслях своих, пожалуйста, это мною сказано весьма кстати. Тебе, Юра, как можно быстрее необходимо научиться выходить в Астрал, но прежде тебе надо уяснить такое понятие, как "свобода прикосновения", но не только узнать его основы, а свободно в случаях необходимости владеть им. Не отчаивайся, это не трудно, все придет с

практикой. Прежде всего "свобода прикосновения" не должна тобою восприниматься так ограниченно, как только свобода прикосновений только на физическом плане, идущая свобода движений твоего физического тела и свобода его ощущений. В Астрале, сама суть Астрала, как прежде всего мира твоих желаний, образов и чувств, есть "свобода прикосновений": ощущения, чувства, помыслы, вся эта совокупная человеческая гамма доступна беспредельно по первому движению души. Приблизительно к этому необходимо будет подобное состояние и на физическом плане. Одно из отличий Мага от профанов заключается в том, что Маг всегда строго обязателен в словах своих и делах, как и в помыслах, чувствах и ощущениях. Если что-то задумал Маг, то он ни в коем случае не оставляет течение своей мысли, ибо ни одна мысль не может возникнуть у него без его ведома, потому что Маг живет только в настоящем моменте, и все случайные мысли всегда прошедши или будущны. Ты должен приблизиться к совершенству Мага.

Но это вовсе не значит, что все, что ты подумал, тебе обязательно необходимо выполнить, и хотя это является обязательным условием, основополагающим в процессе реализации "свободы прикосновений", все же вначале тебе предстоит овладеть течением своих мыслей и только потом, вначале изредка, а далее все чаще, и в конце концов полностью перейти на обязательные воплощения своих мыслей: если уж подумал прикоснуться к чему-либо, будь то человеческое тело или предмет, то неминуемо выполни это, прикоснись, реализуй свое желание, задумал что-то почувствовать, обязательно почувствуй это, задумал помыслить о чем-то, не обращая ни на что внимания, мысли об этом, только лишь так ты перестанешь быть импульсивным, разбросанным человеком и обретешь равновесие мысли, души и земного тела. И вскоре, следуя правилу "свободы прикосновений", ты наработаешь астральное состояние на физическом плане, и даже придет время, но об этом потом, когда физический план явится для тебя астральным миром. Теперь немного скажу о привязках: покинуть свое земное тело и выйти в Астрал можно лишь только в двух случаях - либо через великую благодарность Высшим Астральным Началам, либо через полное неприятие физического мира, через абсолютное отрицание его, презрение. В первом случае, возвышаясь до благодарности, возникает вселюбие, а следовательно, безразличие, человек перестает различать маленькое и большое, плохое и хорошее, он вселюбив, а значит весь физический план для него становится как единое целое, здесь происходит переход в иное состояние души, в иной мир Астрала, ибо вся грубая энергетика физического плана, можно сказать, трансформируется, сливается с тонкими движениями чувств и мыслей человека, обращенного в благодарность, во вселюбие, весь мир Земли словно растворяется в нем. Во втором случае, когда человек находится в строгой параллели физическому миру, но в противоположности, в презрении, точно так же, как и в первом случае, происходит растворение всего физического плана, для презирающего он перестает существовать, и тогда оживает лишь мир его души - астральный мир. Но только презрение должно дойти до своей кульминации, а это значит, что необходимо будет презреть даже свое земное тело. На гребне "свободы прикосновений", через энергетическое дыхание, через образ мышления и жизни, в правилах благодарности или презрения, ты выйдешь в Астрал. Подытоживая понятие "привязки", я скажу: привязками является все без исключения, что является миром физическим, но это привязки в категории выхода в Астрал, ибо точно так же существуют привязки и в мире астральном. Так вот, поскольку и наше земное тело тоже есть суть физическая, следовательно и оно не что иное, как привязка, и пожалуй, самая основополагающая, потому что именно оно живет в мире Земли, заставляет нашу душу наслаждаться им через себя, во имя себя. Если предложить это же объяснение метафорично, то можно привести такой пример. Вообрази себе некоего человека, что лежит перед тобой на полу в твоей комнате, и он страстно влюблен в этот пол, он целует и ласкает его, нежится на нем и разговаривает с ним, и его жизнь не мыслится ему без этого, он страшно привязан к нему. Я специально даю пример в гиперболе, чтобы контрастнее подчеркнуть нелепость и бессмысленность, ограниченность души привязанной. Человека оттаскивают от этого пола, и он сходит с ума или умирает, либо вырывается и снова падает на пол в любви свой. И если

ты поразмыслишь немного и попытаешься себе представить любого другого человека, но только влюбленного в той или меньшей степени страстности, в какой-то другой предмет Земли или в так называемое физическое тело, то чем же этот человек будет отличаться от несчастного, влюбленного в пол твоей комнаты, их переживания и чувства будут сходны, и различием будут лишь форма их привязки. Сам посуди, чем отличается пол твоей комнаты как привязка от машины, квартиры и другого. Да ничем, только лишь формой. А теперь коротко скажу тебе о средствах защиты.

Христианская: определи для себя три храма, и в каждом храме ты должен будешь отслужить по четыре молебна о здравии, только все двенадцать дней твоей службы должны пройти подряд, без разрыва ни на один день. Обычно эти молитвы читаются с утра. Тебе необходимо будет ставить стакан воды на стол перед служителем культа, производящего молебен, а самому усердно молиться в это время. На тот же столик положить и сам молебен о здравии, написанный тобою, желательно от руки. Схематично молебен выглядит так: в верхнем правом углу листка последуют обращения - Всемиловнейшему Господу Иисусу Христу нашему, Пресвятой деве Марии непорочной, далее упомянешь Патриарха, епископов, какие тебе ближе по душе, своего святого и других святых по желанию, а так же, если захочешь, то упомянешь титулы и имена работников культа того храма, в котором ты собрался служить молебен. На самом верху листка посередине напишешь крупно: "Молебен". Как только упомянешь всех тех, к кому обращен "Молебен", напишешь опять же посередине листка, опять же крупно: "О здравии", теперь опять же столбиками, если таковых окажется много, начнешь перечислять имена врагов твоих, но прежде напишешь свое имя: когда перечисление недругов окончишь, если попросит сердце, то упомяни и всех ближних своих, тех, которые тебе особенно дороги, в конце молебна, как бы подытоживая все столбики имен, напишешь "и всех православных христиан". Такой листок с молебном необходимо приносить каждый раз новый на все двенадцать дней службы. И вот еще что, немаловажное обстоятельство, я упоминал уже, что прерывать двенадцатидневный цикл нельзя ни на один день, но это может произойти и не по твоей причине, и вот при каких обстоятельствах: во время некоторых христианских праздников молебны на освящение воды не читаются, поговоришь с православными прихожанами или с кем-либо из служителей культа, они подскажут, во время каких именно. И еще, есть храмы энергетически пустые, здесь тебе подскажет сердце либо опять же молва прихожан. И последнее, стакан воды, который ты поставил на освящение, ты должен сразу же после молебна выпить до капельки. Конечно самая лучшая защита, это состояние: "я дырка от бублика", то есть самая лучшая защита это самая полная открытость - "вот я, делайте со мной, что хотите", тогда наступает абсолютная невосприимчивость по той причине, что любое нападение проходит как бы сквозь тебя, ты становишься прозрачным, невидимкой, смело шагаешь навстречу любому энергетическому противодействию, не воспринимая его, ибо оно не задерживается, не отражается ни в одной твоей мысли, ни в одном твоём чувстве, ни в одном твоём ощущении. Я - дырка от бублика! Есть и еще некоторые христианские тонкости на сон грядущий и на день бодрствующий. Кратко упомяну и о них. Перед сном: "Ложусь спать, ничего не боюсь, в дверях Иисус Христос, в ногах Матерь Божия, в окне - Архангелы, над головой - Ангелы, сохрани меня, Господи, на всю ночь". На день бодрствующий - с утра перед выходом на улицу: "Выхожу на улицу, ничего не боюсь, впереди Иисус Христос, позади Матерь Божия, по бокам Архангелы, над головой - Ангелы, сохрани меня, Господи, на весь день и обереги от всякого зла". Как ты уже догадался, все эти христианские меры защиты основаны на принципах Космического Сознания, работают по структуре астрально-ментальных построений, и нужны они только человеку, слабому в вере своей, для укрепления таковой за счет сущностного эгрегорного фундамента христианства, но это вовсе не противопоставляет пользоваться ими, а только выказывает несостоятельность совершенства веры пользующегося. Хороший пример вышесказанному: мы знаем вкус лимона, и нам достаточно вспомнить о нем, чтобы поморщиться от его кислоты, возникшей в нашем воображении у нас во рту. Иными словами, приводится в действие эгрегор лимона. Так и

построена любая защита, в том числе и христианская. Но есть еще и другие средства защиты: если ты почувствовал, что на тебя нападают, или, как говорят, тебя сглазили, а сглаз - это тоже удар, симптомы различны: вялость, отсутствие аппетита, дискомфортность, неопределенно от чего повышенная температура, потливость, раздражительность, ожидание неизвестно чего и прочее, так вот, если ты почувствуешь, что на тебя нападают, можешь поступить следующим образом: попробуй хотя бы с утра и до вечера, но лучше пару дней, ничего не есть, побыть в одиночестве, без физических нагрузок желательно, ибо лучше во время голодания твоего поменьше и дышать, потому, что главный приток энергии к нам, а значит и доступ всевозможных нападений и привязок, осуществляется прежде всего путем нашего непосредственного общения с тонкой энергетикой, которая в первую очередь связана с дыханием. Соблюдая этот режим, постарайся в то время ни о чем не думать и ничего не желать, займись самым своим любимым делом, отдайся ему, войди в него всеми мыслями, чувствами, ощущениями. Следующая мера защиты: через дыхание.

Сядь на краешек стула, позвоночник натянут от копчика до темечка как струна, кисти рук лежат на коленях, ладони открыты к потолку, ни руки, ни ноги не замкнуты, голова слегка наклонена вперед, между подбородком и грудью расстояние в четыре пальца, абсолютно весь сосредоточься в позвоночнике, произнеси мысленно установки: "Я - позвоночник. Я не есть это тело". Твое земное тело напоминает в это время своеобразный костюм, его энергетический объем как бы обвисает на позвоночнике. Ни о чем не думая, не проявляя никаких чувств, не реагируя на ощущения земного тела, ты должен присутствовать только в настоящем моменте, даже без какого-либо видения образов при закрытых глазах, абсолютное спокойствие и пустота вокруг тебя, и если даже до тебя доносятся какие-либо шумы и звуки, то ты абсолютно не воспринимаешь их, не осознаешь, они если и слышатся, навязываются, то лишь как бесформенная энергетическая масса. Кстати, это состояние хорошо использовать и для выхода в Астрал. Теперь выдохни всю энергию воздуха, какой только есть у тебя в объеме твоего земного тела, выдохни до самого донышка через полуоткрытый рот и сиди в этом состоянии бездыханности до тех пор, пока твое изнеможенное тело, а значит нижняя часть эгрегора, само не позаботится о себе: пока дыхание само не прорвется в свои анналы земного тела. Когда ты будешь сидеть бездыханно, от позвоночника, от копчика вокруг тебя начнет все плавиться, в какой-то нетерпеливой истоме страха и наслаждения, не обращай на это внимания, постарайся получить от этого удовольствие, знай, что в этот момент рвутся все привязки, все протуберанцы, щупальцы энергетических нападений, идут возвратные удары.

Часть пятая СУЕТА

Друг детства

- Надежда Михайловна... Мама, вам чаю принести? Вы будете чай пить, Алексей Константинович? - заботливо спросила Наташа.

- Наташенька, ты не беспокойся, - тут же отозвалась мама, - иди к Сабинушке, я сама подам чай.

- Ну что вы, мама, у вас гость.

- Нет, нет, я сама, - встав с кресла, твердо и убедительно подытожила свое заверение мама. - Этот гость не совсем обычный, гость моего детства, - улыбнулась она в сторону Алексея Константиновича.

- Да уж, это точно, - немного застеснялся Алексей Константинович и приятно разулыбался.

- Ну как хотите, друзьям виднее, - определилась Наташа и ушла в зал к дочери.

- Леш, тебе некрепкий сделать?

- На твое усмотрение.

- Хорошо, сейчас принесу.

- Только, слышь, Надя, без сахара, хорошо?

- Боже мой, а что так сурово?

- Сахорок дело, конечно, неплохое... но... увы... Алексей Константинович пожал

плечами и развел руки в стороны.

- Диета?

- Она самая.

- Ты знаешь, один мой знакомый так говорит: "К черту все, если я сяду на диету, то потом она сядет на меня".

- Надь, я понимаю, ты философ, рассуждать - твоя профессия... но лучше за чаем.

- Без сахара.

- Как говорится, с точки зрения дифференциального подхода, это есть суть, совершенно приемлемая для меня.

- Все, иду.

- В рассуждения?

- За чаем, пародист, - сказала мама и вышла на кухню.

Скоро она возвратилась в комнату с двумя чашками горячего чая, которые дымились на небольшом никелированном подносе у нее в руках.

- Леш, поставь столик между кресел.

И Алексей Константинович тут же выполнил это поручение.

Вскоре они пили чай и разговаривали.

- Послушай, Леша, ты знатный криминалист.

- А ты хочешь в этом удостовериться?

- А почему бы и нет? Вот скажешь, какого происхождения чай, поверю.

- Так, - задумчиво произнес Алексей Константинович, отпив глоток чая из кружки, - сейчас определимся.... кажется...

- А ты не выкручивайся, говори точно, не ожидай, что я тебе подскажу.

- Индийский, - коротко выпалил Алексей Константинович и азартно заглянул в мамины глаза.

- Не-а, - расхохоталась она, - ни фига не угадал, грузинский.

- Ну ладно, этими мелочами пусть занимаются студенты-криминалисты, зато вот "Сказку о любви" сына твоего я, кажется, разгадал.

- Да, сказка очень хорошая, она так неожиданна для меня.

- Да нет, ты меня не поняла, Надя, - серьезно произнес Алексей Константинович.

- Что значит "не поняла"?

- Сказка действительно хорошая, но не в содержании дело.

- Слушай, Алексей, заканчивай туманить, что ты имеешь в виду, я тебе дала ее просто почитать.

- Хорошо, - сказал Алексей Константинович, взял стоявший возле кресла свой дипломат, бегло вскрыл его на коленях, извлек оттуда несколько исписанных от руки листов бумаги и протянул их своей подруге, - вот, - определил он, - прочти.

- Ну... и что... я уже читала, - проговорила мама, просматривая листы.

- Да нет, не сказку саму смотри, отлистни последнюю страницу, - и мама выполнила предложенное, - прочти, каким числом датирована рукопись. - И мама прочла дату написания.

- Написано десять лет назад, ну и что?

- Да ничего, сущий пустяк, эта сказка сфабрикована не более месяца назад, по крайней мере, переписана чьей-то рукой.

- Ты шутишь, - насторожилась мама.

- Можешь быть уверена, данные из экспертлаборатории.

- Да ты что, Леша, в самом-то деле, почерк-то Сережин.

- Ты уверена?

- Абсолютно уверена.

- Если хочешь, я смогу уточнить, действительно ли его почерк, хотя, конечно, дело это ваше, семейное.

- Тебе для этого нужен образец Сережиного почерка?

- Да, что-нибудь из его записей от руки.
- Хорошо, я тебе сейчас дам, но, право, ты что-то путаешь... Леша, если ты меня разыгрываешь, то поверь - это кощунственно.

- Надежда... я сам в затруднении... но это так.

Тогда, ничего не говоря, мама стала один за другим выдвигать ящики секретера и вскоре извлекла из одного из них папку-скоросшиватель, освободила из него два листка бумаги и протянула их другу детства.

- На, держи, только не говори пока ничего Наташе... Сумасшедший!

Размышления Дубинина

Во второй половине дня возле кинотеатра Лесного поселка настороженно скользнули тормоза милицейского мотоцикла с коляской. Участковый милиционер капитан Дубинин вытащил ключ зажигания, и мотоциклетный мотор выстрелил еще раз в два ствола глушителей и, словно поперхнувшись газами, умолк. Дубинин расстегнул шлем, стащил его с головы, пригнулся, осматриваясь по сторонам, и положил шлем на сиденье коляски, затем натянул на спинку сиденья дерматиновую накидку. Теперь капитан милиции ловко спрыгнул с мотоцикла и еще раз пристально огляделся по сторонам.

- Здравствуй, товарищ Дубинин! - восторженно, будто отрапортовала, сказала уборщица кинотеатра Марина Ивановна, которая только что выглянула из-за широкой входной металлической двери кинотеатра на площадь, чтобы удостовериться, кто прибыл, но, узревши участкового, она обрадовалась и теперь выскочила, ловко придвинув за собой дверь, на ступеньки кинотеатра. - Что новенького, Василий Васильевич? Никак дело новое заимели? Дубинин сурово посмотрел на Марину Ивановну и на секунду бегло оглянулся назад.

- Что ты орешь... Ивановна, - осипшим шепотом проговорил он.

- А что? - произнесла она тоже шепотом и тоже оглянулась назад на кинотеатровскую дверь.

- Иди сюда.

Марину Ивановну будто подхватили с места, как молоденькая сбежала она по ступенькам вниз на площадь и в одно мгновение оказалась возле Дубинина.

- Так-так, - негромко сказала она. Оба - и милиционер, и уборщица снова огляделись по сторонам.

- Что новенького? - спросил Дубинин.

- А где? - засуетилась Марина Ивановна.

- У вас в коллективе.

- А-а, поняла... Слушай сюда, надесь контролера три дня не было.

- Ну и что? Пил, наверное.

- Куда там. На работу пришел как стеклышко.

- А ты почему знаешь?

- Да как же мне не знать, я его рожу знаю, если после запою, а тут... - Марина Ивановна призадумалась, - абсолютно, как гвоздик.

- А жена его, контролерша, что говорит?

- Клавка?... Да она его сама обыскалась, а как явился, молчат оба. Спрашиваю - где был, говорят - тебя не касается.

- Ну ладно, это ты потихонечку разнюхай. Что еще?

- А что еще, вон весь кинотеатр бомбами обкидали.

Дубинин презрительно окинул взглядом фасад кинотеатра.

- Взрывпакеты, - сказал он.

- Я знаю кто... Сказать?

- Потом скажешь... Штраф наложу. Что еще?

- А так все по-старому, да, Лидия Ивановна, напарница моя, новую тряпку домой унесла, сама видела.

- Ну, это вы сами разберетесь, - словно отмахнулся от Марины Ивановны Дубинин и

уже собрался обойти мотоцикл, чтобы проследовать в кинотеатр, как Ивановна воскликнула:

- Стой, Василий Васильевич!

- Что? - недоверчиво отозвался Дубинин, но остановился. Марина Ивановна в два шага снова подскочила к нему.

- Я, правда, сама не присутствовала, но Кириллыч мне шушукнул.

- Киномеханик, что ли?

- Да, второй наш киномеханик. Так вот, он сказал, что на-дось странный человек за дверью библиотеки прятался: подслушивал разговор Зои Карловны и Екатерины Васильевны.

- Кириллыч?

- Что "Кириллыч"?

- Подслушивал, говорю, Кириллыч?

- Да нет же. Тот человек за дверью подслушивал разговор Зои Карловны с Екатериной Васильевной, а Кириллыч за ним подсматривал.

- А о чем говорили в библиотеке? - Дубинина это заинтересовало и он даже немного присел, наклонив ухо к Марине Ивановне.

- Кириллыч только подсматривал, не разобрать, что говорили. Кириллыч врать не будет - он парень честный.

- А что потом было?

- А потом самое интересное. Зоя Карловна его усекла, странного человека, того, что подслушивал, возмутилась.

- Так, - размышляя над чем-то своим, сказал Дубинин.

- А дальше жалость какая вышла, Кириллычу пришлось прикрыть свою дверь, но потом он их обоих видел.

- Кого - обоих?

- Они оба - Екатерина Васильевна и этот странный человек немного погодя, любезничая, вместе вышли из кинотеатра.

- Как он выглядел?

Марина Ивановна развела руками:

- Я не знаю, Кириллыч знает.

- Ясно, - определился Дубинин, - спасибо за информацию, Марина Ивановна.

- Да что мне, тяжело, что ли, Василий Васильевич? Я всегда рада помочь.

... Божив сидел у себя за рабочим столом в кабинете, он заполнял табель рабочего времени подчиненных своего кинотеатра, когда в кабинетную дверь увесисто постучали.

- Входите, открыто, - метнулся голос директора к двери.

Дверь отскрипела в кабинет, но никто не вошел.

- Входите же, - удивился Божив.

И теперь в кабинете в одно мгновение объявился участковый милиционер. Он вошел в кабинет молниеносно, развернулся лицом к Боживу, остановился и принялся пристально смотреть на Юрия Сергеевича, который тоже от неожиданности, не говоря ни слова, встал с кресла и замер, всматриваясь в капитана. Так они изучали друг друга с полминуты, словно виделись впервые, словно каждый из них ожидал объяснения от другого.

- Что-то случилось? - наконец-таки проговорил директор, решивший, что все-таки он хозяин кабинета и ему следует первому проявить инициативу. Дубинин немного помолчал, слегка скривив губы, продолжая не отрывая глаз от Божива. Юрию Сергеевичу показалось, что участковый что-то анализирует, но что...

- Здравствуйте, Юрий Сергеевич, - медленно, с подозрительной интонацией произнес Василий Васильевич, - можно мне присесть?

- Конечно, садитесь, пожалуйста, - сказал Божив и торопливо указал рукой на стул, расположенный рядом с его рабочим столом, а сам с достоинством присел в директорское кресло. Дубинин тяжеломерно прошел по ковровой дорожке кабинета и занял предложенное место, не спуская глаз с Юрия Сергеевича.

- Юрий Сергеевич, вы догадываетесь, по какому поводу я у вас?

- Нет, не догадываюсь, - озадачился директор.

Но Дубинин снова молчал, продолжая изучать Божива, он рассуждал про себя: "Если бы этот тип и в самом деле был на море, то наверняка бы остался... на его лице загар, хотя он наверняка там был недолго и мог использовать зонтик... И все-таки, это он... он. Две капли воды, как похож!"

- Так по какому вы поводу, Василий Васильевич?

- Что вы пишете? - спросил участковый и кивнул на листок бумаги, лежавший пред Боживым.

- Вот это? - поинтересовался директор, указывая на табель, положивши на него ладонь.

- Да, - подтвердил капитан, - это.

- Табель рабочего времени за истекший месяц, совсем замучился - больше всего из документов не люблю заполнять его. "Еще бы, - размышлял Дубинин, - напротив твоей фамилии, наверняка, несколько рабочих деньков липовых проставлено. Вот сейчас мы это и зафиксируем, чтобы потом не исправил в случае чего."

- Дайте посмотреть.

- А что, собственно говоря, такое, что-то я вас не пойму, Василий Васильевич.

- "Ага, испугался, значит... точно он... может, он вооружен? Расстегну-ка я на всякий случай кобуру", - и Дубинин незаметно потянулся к кобуре и приоткрыл ее. Божив протянул участковому табель.

- Вы не волнуйтесь, Юрий Сергеевич, - сказал Дубинин, изучая документ, но краешком глаза все-таки посматривая за директором, - мне нужно кое-что сверить.

- А-а, я понял, вы насчет художника, - подытожил Божив.

- Правильно говорите, меня интересуют его точные рабочие и отпускные дни, - определился участковый и возвратил табель директору. - А что, копию с этого табеля можно сделать?

- Хорошо, я сделаю копию, когда она вам нужна?

- Сегодня вечером завезете ко мне в участок, но только заверенную, Юрий Сергеевич, вашей подписью.

А что, если...

- Папочка, ну чего они не звонят? Уже который час? поинтересовалась Викина дочь Оксанка у Божива.

- О-о, вот те раз, у меня часы стали, - огорчился Юра, глянув на свои наручные часы. - Оксанка, - позвал он.

- Что, папочка?

- Посмотри в зале на будильник, а я пока яичницу дожарю.

Девочка выбежала из кухни, с минуту ее не было.

- Ну, что там? - крикнул Божив, перекладывая глазунью со сковородки на тарелки. Пршла еще минута, девочка вернулась на кухню, она держала в руках будильник и была чем-то огорчена.

- Ты что насупилась, дочка?

- Будильник тоже стоит, мы его вчера забыли завести, наверно, я его трясла, трясла, ничего не выходит, не тикает.

- Да что же его трясти, надо было завести, - улыбнулся Божив.

- Я завела, папочка, сейчас вот завела, но он все равно не работает.

- Дай-ка посмотрю. - Божив встряхнул будильник и преложил его к уху, раз, другой. - Да, - сказал он, действительно молчит, но не беда, я его в мастерскую отнесу.

- Папа!

- Что?

- А мы сегодня будем без времени жить?

- Отчего же без времени? Сходи к соседке Марии Федоровне, обиженно подсказала библиотекарша. из квартиры.

"Надо же, - подумал Божив, - и мои часы, и будильник остановились ровно в десять утра... но что же они-то и в самом деле не звонят?" - заволновался он, пошел в прихожую, взял телефонный аппарат, возвратился с ним на кухню и установил посередине кухонного стола. И только Юра отошел к окну, как раздался телефонный звонок, остановивший его ожидание. Божив метнулся к аппарату, подхватил трубку.

- Алло, - нетерпеливо сказал он, - я слушаю.

- Алло, это квартира Николаевых?

- Да, - тут же подтвердил Божив.

- Это вас беспокоят из роддома.

- Я ждал вашего звонка, кто у меня?.. Родился?

- Вы муж Николаевой?

- Да-да, я муж.

- Простите, как вас зовут?

- Юрий Сергеевич.

- Так вот, Юрий Сергеевич... - Божив насторожился, Бог ведь какие только мысли промелькнули у него в голове.

- У меня что-то плохо? - погрузневши, спросил он, ожидая услышать неприятное.

- Но если вы считаете, что рождение сына это плохо, тогда мы вам его не выпишем.

- У меня сын?! - заорал в трубку Божив и так подскочил на месте, что чуть не свалил телефон с кухонного стола.

- Вы что там, обезумели? - проговорили на том конце провода.

- Сколько? - тут же спросил Божив.

- Три пятьсот.

- Высокий?

- Пятьдесят три.

- А во сколько, во сколько родила?

- В десять утра.

- Спасибо. Конфеты за мной. А когда можно прийти посмотреть? - но в трубке уже звучали короткие сигналы. Вернулась Оксанка, она не спеша присела за кухонный стол, косясь на телефонный аппарат, как будто обижаясь на него.

- Двенадцать, - сказала она. Божив сидел напротив нее и весело уплетал яичницу.

- Ну чего ты радуешься, папочка, они не звонят, а ты радуешься?

- Уже по-зво-ни-ли, - по слогам, с выразительной игривостью снова восторжествовал Божив.

- Мамочка родила? - всплеснула руками девочка и прижала ладошки к щекам.

- И как ты думаешь, кого?

- Ой, папочка, только не девочку.

- Радуйся, Оксанка, твоя взяла - мальчик.

- Братик! - тоже восторжествовала девочка. И Божив, и Оксанка вскочили из-за стола, крепко схватились за руки и стали прыгать на месте.

- Братик, братик! - подкрикивала дочка.

- Братик, братик! - подзадоривал ее папа.

Они перестали прыгать, оба тяжело и радостно дышали.

- Братик, - заманчиво призадумавшись, снова проговорила Оксанка. - Во - класс! - подытожила она... Вскоре Наташа весело шагала в ногу с Юрой Боживым и его приемной дочерью Оксанкой по дороге в роддом навестить Вику - теперь уже маму двоих детей. Всю дорогу Оксанка, держась за руку папочки, вприпрыжку рассматривала прохожих, глазела по сторонам, ей было отчетливо радостно, и она заглядывала в глаза прохожим, выискивая в них ответное настроение, словно весь мир знал о ее счастье. Она не мешала папочке разговаривать с тетей Наташей, да она и не слышала их разговора.

- Я очень рада за вас обоих, Юра.

- Спасибо, Наташа, ты не можешь себе представить, какое у меня величественное

вдохновение сейчас.

- Я бы тоже хотела второго ребенка. - И Божив слегка придержал свой восторг, перестал выказывать его так ярко, он понимал, что радостью тоже можно убить, ибо радость, что и горе, слепы и безжалостны.

- Наташа, я не могу тебе много сказать, но я верю, я знаю, что Сережа обязательно вернется.

Наташа оживилась и подозрительно посмотрела на Божива.

- В каком смысле понимать твои слова, Юра? - с налетевшим волнением заговорила она.

- Сергей жив, - сказал Божив.

- Я это знаю.

- Да нет, ты не все знаешь, Наташа.

- Нет, я знаю, Сережа - там... - и Юра насторожился.

- Где... там? - исподволь поинтересовался он.

- Ты все равно не поймешь, Юра, он там, откуда пришла я.

- Ты пришла из Астрала?

- Я не знаю, как называется этот мир, я вообще ничего не понимаю, что происходит. Я никогда об этом никому не говорила, Юра, ведь я когда-то умерла, меня похоронили.

- Да, ну это понятно, - определился Юра, - всех нас когда-то похоронили, в прошлой жизни, если брать за основу теорию инкарнации.

- Нет, уж лучше молчать и дальше. Прав был Сережа, написав стихотворение "Молчание - золото", - сказала Наташа и обратилась к Боживу, - хочешь, прочту?

- Да, конечно, мне всегда были близки и понятны Сережины стихи. "Молчание - золото", говоришь, я не встречал это стихотворение у Сергея.

- "Однажды умный, - заговорила Наташа, - просто не за грош продал себя, он выразился так: "Молчи, дурак, за умного сойдешь!" Поверил в это искренне дурак... и светлым днем, особенно в ночи - дурак молчит, его целы бока... Дурак одернул умного: "Молчи, тогда и ты сойдешь за дурака". Дальше они шли молча. Юра терялся в догадках.

В роддом их не пустили, но они целых два часа простояли под окнами - Вика лежала в палате второго этажа. Выглядывая в открытое окно, она радостно разговаривала со своими посетителями, но все это время Юру ни на минуту не оставляли безответные размышления. Ненароком он посматривал на Наташу и анализировал неожиданные свои домыслы. Ему весьма не терпелось уточнить до объяснимости и, может быть, даже открыться Наташе, если такое позволят обстоятельства разговора, на неминуемость которого он все-таки надеялся, разговора откровенного, который поставит все на свои места. Юра надеялся на подробное общение по недосказанной теме с Наташей на обратной дороге из роддома. Но случилось другое, на что Божив никак не мог рассчитывать: может, Наташа не захотела продолжать бесе-ду и потому решила поступить именно так, а может, уж таковы были судьбинные обстоятельства, но, как бы то ни было, Наташа в одну минуту попрощалась с Юрой, Оксанкой и Викторией и уехала куда-то по делам.

Магический совет

- Алло! Иван, ты?

- Да, это я. А кто это звонит?

- Как тебе сказать... ну, в общем-то это я - Сергей... Истина.

- Сергей? - в трубке установилось молчание.

- Иван, ты меня слышишь?

- Да. Это я озадачился: что-то голос у тебя изменился. Ты проснулся?

- Нет. И голосом я говорю не своим, но все-таки своим.

- Около тебя кто-то есть и ты не можешь говорить?

- Да нет, все нормально, я стою здесь один, в телефонной будке.

- Откуда ты звонишь?

- Я недалеко от Центрального рынка, напротив храма.

- Я имею в виду - отсюда или оттуда.

- А, да нет, отсюда.

- Ясно, а что так стараешься не своим голосом говорить?

- Понимаешь, я тут не один, вернее, один, но не полностью. Этот тип смылся.

- Ты что, влез куда-то?

- Да, в председателя кооператива.

- Понятно. И что собираешься делать?

- Да есть кое-какие соображения.

- А что Эзоповым языком заговорил?

- Страхуюсь на всякий случай, откуда я знаю, как у тебя дела.

- Да нет, все нормально, можешь говорить напрямую.

- Хорошо, - сказал я и немного задумался: "Стоит ли все-таки Ивана привлекать, вмешивать в эти обстоятельства? Не должно бы мне поступать так слабо и подчеркивать в себе незадачливого ученика. И для меня медвежья услуга, и для Ивана - слабинка учителя".

- Ты что замолчал?

- Думаю, что сказать.

- Слушай, тебя что, заблокировали или сам играешь?

- Заблокировали.

- Ну это пустяк. Помочь?

- Думаю, что не надо. Это мое недоразумение, мне и расхлебывать.

- Ну, смотри, тебе виднее.

- Слушай, ты меня, Иван, извини, в случае чего я тебе позвоню, хорошо?

- Ладно.

- Как у тебя дела, Иван? Как живешь? Работаешь?

- Дела по-старому, правда, диссертацию успел защитить по медицине. Занятия продолжаю.

- Не женился?

- Женился, не так давно.

- Папкой скоро будешь?

- Да, эта проблема намечается.

- Поздравляю, - с грустноватым оттенком сказал я и тут же решил закончить разговор:

- Ну, ладно, Иван, я заканчиваю, пойду потихоньку.

- Ну ладно, пока, звони.

- Пока, Иван, - подытожил я и уверенно повесил трубку на автомат, и душа у меня заняла немного, вспомнились былые времена, когда я работал директором кинотеатра. Я вышел из телефонной будки в слегка расстроенных чувствах, но с твердой уверенностью продолжать борьбу, хотя моя устремленная позиция и находилась в расплывчатом состоянии, пока я длительно присутствовал в Астрале, но здесь, на Земле, на физическом плане, среди вороха страстей телесного преобладания я снова захотел обладать своим земным телом, и мне даже порою уже бывало не то чтобы трудно, скорее грустновато в минуты необходимости покинуть земное тело Гриши, ибо немало я уже в него вживался, и каждый раз, с ним расставаясь, я хотел возвращения. Я привыкал к нему, словно к одежде, без него я начинал себя чувствовать голым и даже, в какой-то мере, несовершенным, лишиться его для меня все больше начинало означать потерю любимой вещи, старого, удобного костюма, таким образом, я все больше привязывался к Гришиному физическому телу, и я еще не имел подобного опыта инородного вживления души на столь продолжительный срок, и потому не мог предвидеть, во что это все выльется, ведь не исключена была возможность, что моя инородная душа, насильственно вживленная в тело председателя кооператива, примет его, как благодатную почву, и пустит корни, но чувственные корешки уже появились, как очертания моей теперешней грусти. "Вот так, - подумал я, могу остаться Гришей".

И тут произошло вот уж совсем неожиданное: среди туманной суеты прохожих, среди

хаотичного их движения, в густоте уличного шума промелькнуло поодаль от меня, как некий знакомый сгусток, напряжение, и оно обозначилось, активизировалось в моей памяти раньше, чем я это смог проанализировать, мне ничего не оставалось, как ринуться за своей импульсивностью, что за маленьким ребенком-шалуном, и стеснительно оправдывать ее поведение

- Золотов! - не успев подумать, окликнул я человека в старом подранном костюме, совершенно обвисшем на его довольно упитанном теле. Он стоял и крикливо рекламировал газету.

- Самая клеветническая газетенка! - подпрыгивал он голосисто, потрясая пачкой газет у себя над головой. - Берите, покупайте, самая дешевая газетенка в городе!

Некоторые из прохожих неохотно, но останавливались: кто-то поглазеть на газетчика, а кто-то и вступить в перерекания с ним, подбросить ему какое-нибудь испачканное слово, другой останавливался, чтобы купить.

Золотов, продолжая выкрикивать и одновременно на ходу реализовывать свой товар, впился в меня глазами, лишь на мгновение отводя их, присматривая за публикой.

- Что-то я вас не припомню, - озадаченно говорнул он в мою сторону между рекламным слововоротом, - откуда мы знакомы?

- Я пристально слежу за молодой литературой, и с вашими стихами я тоже немного знаком, - начал оправдываться я, но уже понимая, что эта встреча мне не помешает, а наоборот, есть еще одна возможность укоротить астральную волю Магистра - Остапа Моисеевича, ибо я тут же припомнил обстоятельства, некогда столкнувшие меня с этим газетчиком.

- Вы читали мои стихи в сборнике? - как-то особенно сладко произнес слово "сборник", поинтересовался Золотов, видимо, до сих пор это был его единственный наиболее весомый выход в печать.

- Да, - тут же соврал я, потому что знаком я был со стихами газетчика только по одному тому злополучному четверостишию, изуродованному на астральном экране опечатками, хорошо продуманными астральной шайкой, дабы остановить стихотворца в развитии и направить его образ жизни, наполнить творческим опустошением, деградацией и печальной запущенностью в окружении необъяснимых, неведомо откуда сгущающихся невзгод.

В прошлый раз Золотов улизнул от меня, его судьба отшарахнулась от помощи, а мы бы могли помочь друг другу еще тогда, но теперь я не собирался упустить возникший случай поправить это дело.

- А правда, хороший сборник, - подбодрился Золотов, снова обращаясь ко мне, - целых шесть стихотворений моих! Вам понравились?

- Еще бы, - заискивающе поддакнул я, - вы настоящий поэт.

- Вы мои мысли читаете, - обрадовался газетчик, - тут недавно ко мне подходил мой знакомый, роман, говорит, издал, я ему так и сказал, как его там звали... фамилия у него дурацкая, а, Палецкий, так вот я ему так и сказал: "Ну, роман каждый Палецкий может написать, а вот шесть Стихотворений, выразительно подчеркнул слово "стихотворений" Золотов, - не каждый может опубликовать".

- Да, это точно, вы правы, - быстренько подтвердил я и принял серьезный вид, боясь, что Золотов усечет мою неискренность, потому что глаза у него были очень прозорливые по отношению к своей славе, а значит могли не упустить, подсмотреть мимолетные штрихи моего лица, означающие мое истинное отношение к так называемой поэзии этого газетчика.

Хотя астральная шайка вряд ли могла ошибиться в оправданности выбора своей жертвы, но мне все-таки не думалось, что этот тип Золотов и в самом деле может составить в перспективе авангард литературы.

"Но он же сейчас остановлен, уничтожен", - отвечал я себе, чтобы не столь уж поддаваться своим столь чувствительным взглядам на этого человека в предоставленной мне данности. Но жизнь, она гораздо неожиданнее, чем предполагаем мы, и если смахнуть со стола "крошки", то обнаружится, на первый взгляд, замысловатая, но если присмотреться,

логичная ее структура, клеенчатый рисунок.

- Послушайте, вы мне нравитесь! Я здесь недалеко живу, пойдете ко мне, выпьем по чашечке кофе, - предложил Золотов мне.

- А что, я не против, - сразу же согласился я, логика жизни начинала оправдывать себя, подтвердить свое незримое существование.

- Все, - сказал Золотов, - ну их на хер, эти газеты. И он нагнулся к своим ногам, подхватил черный обтрепанный портфель и ловко метнул в его нутро остаток нереализованного товара, затем он защелкнул портфель, подхватил его под мышку, ибо ручек не было, и добавил: - Ну что, идем? - Я готов, оживился и я, и мы задорно зашагали в гости к Золотову. Дорога была мне знакома, тогда, в Астрале, следуя за Золотовым по пятам в надежде быть понятым, я хорошо запомнил ее.

Газетчик жил в нескольких минутах ходьбы от Центрального рынка, не доходя до Братского переулка, и мы с ним действительно шагали в ногу, как братья.

Дома Золотов предложил мне присесть на все тот же диван, ведомый мне по Астралу, с кулачищами выпрыгивающих пружин под шелушащейся обивкой, и предложил чаю, ибо кофе не оказалось: Золотов много перетряс банок и, наконец, из одной из них, хотя они все были из-под кофе, просыпались чайные крошки, и по всей комнате теперь валялись пустые разноцветные банки.

- А я недавно женился, - осведомил меня стихотворец, замечательная баба, правда, немножко горбатая, но я не смотрю на это, у нее душа прямая, - расхохотался Золотов. - Мы не расписывались, но все равно живем, не убегает друг от друга, скоро она явится, и вы познакомитесь, только, пожалуйста, перешел на шепот Золотов, - вы с ней поаккуратнее.

- А что? - тоже прошептал я, недоумеваю.

- Ведьма, - сказал Золотов и добавил, - страшная.

- В каком смысле ведьма?

- В самом прямом.

- Да ну?

- Я вам говорю!.. С мертвецами, - негромко сказал стихотворец и огляделся по сторонам, - общается.

- Да уж, у вас не только стихи необычные, но и окружение тоже, - хвалебно сказал я, и Золотову это понравилось.

- А вы как думали, иначе я бы никогда не написал эти шесть стихотворений, правда, в последнее время мне что-то не пишется, - погрузневши, определился он и протянул мне чай в замусоленной чашке без блюдца. - Сахара нет, - добавил газетчик, - вчера кончился. Может, сейчас Ветистова притащит.

- А Ветистова это кто? - переспросил я, гадливо пригубив чай, но делая это незаметно, чтобы не насторожить хозяина, не оттолкнуть его расположенность ко мне. Роль откровенного почитателя всегда сложнее роли критика.

- Как, вы не знаете, кто такая Ветистова?

- Нет, - отрицательно покачал я головой.

- Да это же она самая.

- Кто?

- Моя жена, а я разве вам не сказал об этом?

- Нет. То, что у вас есть жена, вы упомянули, но что именно она Ветистова, об этом ни слова.

- Странно, ну да ладно, хотите, я вам свои первые стихи почитаю, они, правда, не вошли в сборник "Счастливый сон", Золотов рылся в шкафу. - Но, сами понимаете, редакция у нас "без слуха", так сказать, да и потом, разве можно вместить всю мою открытую душу... печатные площади ограничены, - надменно произнес стихотворец, и развел руками, и важно оттопырил нижнюю губу, в одной руке у него уже находилась тетрадка, такая же замусоленная, как и предложенная мне кружка с чаем. Теперь Золотов присел со мной рядышком, разлистнул эту тетрадь и сказал: - Вот, оно открылось - его и прочту,

напоминаю, это из первых моих стихов.

- Да-да, - подтвердил я и принял внимательный вид, читайте.

И Золотов нараспев задекламовал:

Найти бы

пятновыводитель,

Что с неба выведет

Луну!

Померк бы

мой руководитель,

И я ко тьме бы лишь

прильнул!

Хранитель мой - не обижайся!

Мне жаль усердие твое...

Ты мне вещаешь:

"Возвращайся!"

К тебе тянусь,

но на своем!

Я в телесах, я в низшем ранге,

под светом

извергаю

лай...

Меня ты мучаешь,

мой ангел:

оставь меня,

не оставляй!

- Да! - сказал я, когда Золотов прочел стихотворение.

- Я прочту еще одно, - заторопился он и бегло отмусолил пару страниц в тетрадке, приплюывая на пальцы. - "Дождь", таинственно произнес он название следующего стихотворения.

Вокруг: стоят

дома многоэтажные.

Вокруг:

деревья

взмокшие

сугулятся

враскач,

как дирижеры очень

важные.

И дождь лишь

аплодирует

распутице!

Вокруг дома жилые,

ну и что же!

А в них почти пусты

балконов ложи!..

Роятся на асфальте в лужах

капли,

да телевышка мокнет словно

цапля,

да дождь живой шумит...

Как за кулисами:

Зонты

и шелестят плащи расхожие.

На цыпочках торопятся

прохожие

скорей увидеть дождь

по телевизору...

- И вот, еще совсем крохотное, - не делая никакой паузы после отзвучавшего стихотворения, засуетился, заерзав на месте, стихотворец.

Блудник

К новой бабе мчит на "ладе",

Затемненные очки...

Красны, как в губной помаде,

Поворотов колпачки!

Наступило молчание. Я выдержал паузу, в которую постарался вложить свое многозначительно одобрение, а Золотов тем временем настороженно смотрел куда-то на пол, словно прислушиваясь к нарастанию моего восторга, а мне, признаться, и в самом деле показались его последние стихи довольно симпатичными, неплохими, но, конечно же, вызвать страстное восхваление, которого ожидал Золотов, они не могли. Мне ничего не оставалось делать, как прибегнуть к почитательской гиперболе: размашисто воскликнуть: - Вы - гений, Золотов! Да, это не каждому дано.

"А он действительно молодец", - добавил я про себя.

Золотов торжествовал.

- В наше время нелегко, - театрально проговорил он, встретить ценителя поэзии - истинного, - добавил он.

- Вы меня явно переоцениваете, - отозвался я на встречную похвалу, - А вы знаете, у меня к вам дело, и непростое, оно касается непосредственно вас, - определился я.

- Дело? Вы мне еще больше начинаете нравиться, - Золотов развалился на стуле напротив меня. - Говорите, я весь внимание, - уважительно потребовал он.

- Пожалуй, начну с того, что представлюсь вам: я должен перед вами извиниться, даже, скорее, немного огорчить, но не одна ваша супруга Ветистова - ведьма, в данном случае.

- Что? Вы тоже?

- Нет, я не колдун, как вы решили подумать. Я сенситив, энергетический интуит, так сказать.

- Обалдеть! А что это такое? - воскликнул Золотов и хлопнул ладонями себя по коленям.

- Понимаете, - слегка призадумался я, - э-э, м-да, сейчас объясню: природа меня одарила способностью воспринимать в какой-то мере некоторые структурные связи между прошлым и будущим, другими словами, определять причинно-следственную связь.

- Как это? - озадачился стихотворец, продолжая не понимать меня.

- Ну вот, собственно говоря, мы и подошли к делу, на примере которого вам станет определенно ясно, что же такое причинно-следственная связь, но как я ее вижу, вам предстоит убедиться чуть позже, когда вы проследуете по результатам моего совета.

- Все, я готов слушать, - сказал Золотов, но глянул на часы. - А-а, - отмахнулся он, - хрен с ними, не пойду сегодня больше горланить, говорите... как вас?..

- Меня зовут Гриша, - подсказал я.

- Ага, - кивнул стихотворец, - говорите, Гриша.

- Так вот, постольку поскольку я неравнодушен к вашему творчеству, - заговорил я и подумал: "Не слишком ли деловито и поучительно я изъясняюсь, может, стоит и попроще, а то заподозрит что-нибудь Золотов, не поверит, мало ли что ему на ум взбредет". - Так вот, - повторился я после непродолжительного раздумья, - я ведь, Игорь, знаю, отчего у вас жизнь теперь наперекосяк пошла.

- Так-так, - оживился он и наклонился поближе ко мне, умный вы человек, я чувствую.

- Что Бог дал, то и мое, я всегда говорю - лишнего у Бога не возьмешь, лишнее не

потеряешь.

- Классно сказано! - изумился мой собеседник.

- Ведь я не зря сегодня подошел к вам на улице, когда я прочел вашу подборку стихов в коллективном поэтическом сборнике...

- "Счастливым сон", шесть стихотворений, - вставил Золотов, - ну-ну, и что?

- Я прочел эту подборку и сразу же все понял - вам специально сделано, чтобы вы были несчастны.

- Вот гады! Это точно, - засуетился Золотов, - Вы знаете, это точно! Сто процентов правды, а я думаю, что же такое, не пишется мне и невезуха с ножом к горлу каждый день. А как же они, сволочи, сделали?

- Очень просто, вы помните свое стихотворение о памяти друга?

- Третье, - подсказал стихотворец, - третье по счету в подборке.

- Именно в этом стихотворении вам все и сделано.

- Стоп, - остановил меня Золотов, - сейчас я достану сборник. - Стихотворец кинулся к ближайшей книжной полке и вертуозно извлек оттуда небольшой целлофановый пакет, в котором аккуратно был завернут в газетку его поэтический сборник. Он снова уселся напротив меня на стул и заперелистывал эту книжицу. - Вот, - остановил он страницу, - мой титульный лист, все шесть стихотворений здесь.

- Но нам нужно третье, - ненавязчиво подсказал я.

- Да, третье, - словно получивши установку, попытожил Золотов и аккуратно стал отлистывать первую страницу, - раз, два, три, - вот оно, - отсчитал он и драгоценно подал сборник мне в руки, - только я вас прошу, страницу не загибайте, озаботился он.

- Да нет, что вы, я отношусь к поэзии с прилежанием, особенно к хорошей поэзии, - и Золотов приготовился растаять в удовольствии, когда я вздохнул полной грудью, чтобы прочесть стихи:

Передам дыхание по кругу

Но жалко, что не все, и в том беда... - продекламировал я с выражением, Золотов блаженствовал.

- В этих строках и зарыта собака, - уверенно сказал я.

Золотов скривился, словно ему прищемили палец.

- Опечатка, - оправдался он, - редактор гад, верстки не дал вычитать, там по-другому:

Передаем дыхание по кругу,

Но жалко, что не все, и в том беда...

Это так я выразился о смерти своего друга, - осведомил меня стихотворец, - а они все испоганили, через опечатку эти строки от моего лица прозвучали, ну и где же тут сделано, как?

- Я не буду вдаваться в подробности энергетического мира, но скажу вам одно... Но тут, огрызнулась замочная задвижка в прихожей, и в следующее же мгновение послышался торопливый голос: "Игоре-ок, Игорь Владимирович!"

- Ветистова, это она, - шушукнул мне на ухо Золотов, точно почувала, что вы здесь.

- О-о, у нас гости? - все еще из проходной раздавался голос среди какой-то неопределенной возни. - Игорек, у нас гости? - спросил голос еще раз.

- Да, Ветистова, у нас сенсетив, - отозвался стихотворец. - Потом договорим, - снова шепнул он мне, - она скоро уйдет, у нее в это время вечно дела.

- Ой, вы меня извините, - бегло заговорила Ветистова, вошедши к нам в комнату, - я так избегалась, столько дел, и везде я нужна. Вам Игорек не рассказывал, чем я занимаюсь, извините, как вас зовут, а я занимаюсь мертвецами, это вы и представить себе не можете, насколько это опасно и сложно, мы разыскиваем мертвецов по фотографии, но, правда, не всегда и мертвецов: бывает, и просто пропавших без вести.

- Меня зовут... - попытался я вставить фразу.

- А вы знаете, какой гениальный мой Игоречек, это восходящая звезда. Недавно целых шесть стихотворений опубликовали у него. Вы не читали?

- Читал, Гриша меня зовут, - тут же вдогонку добавил я, боясь, что мне так и не дадут представиться.

- Стоп... Гриша, - на мгновение Ветистова задумалась и приложила правую руку ладонью ко лбу, левую слегка отвела в сторону. - Так, - сказала она. - Гриша, Гриша, Гриша, ой, как же там, сейчас, одну минуточку, дайте сосредоточиться, все, мне все ясно, - снова оживилась она, - вы сенсетив.

- Ну да, я об этом уже говорил Игорю, а Игорь...

Но Ветистова снова перебила меня:

- Вы сенсетив, и очень хороший, хотите я вам скажу, в какой области вы работаете? Так... - Ветистова стала перемещаться передо мною, держа свои руки вытянутыми вперед, и ее ладони смотрели мне в лицо. - ... Так-так... та-ак, приговаривала она, закатывая глаза под потолок, и это чем-то напоминало туземный танец. - Все! - воскликнула Ветистова. Мне все ясно, вы очень хорошо чувствуете время, так?

- Ну, похоже, что вы приблизительно ответили, подтвердил я.

- Чем вы занимаетесь? Я угадала, да?

- Я умею видеть причинно-следственную связь.

- Ну вот же, я и сказала, чувствуете время.

Мне это начинало надоедать.

- Ветистова, ты - ведьма, - восторженно и одухотворенно похвалил свою супругу Золотов.

- Ой, какая же я ведьма, просто я действительно талантливый экстрасенс... Стоп, я прошу тысячу извинений, я совсем забыла, мне же позвонить надо сейчас, Львовна меня ждет, у нее клиентура по гороскопам наметилась, ей нужна моя консультация, я сейчас, мальчишки, одну минутку, только три слова, и все.

- Ну это действительно все, - шепнул мне Золотов, но я сидел непоколебимо, делая вид, что довольно серьезно отношусь к происходящему вокруг.

- Алло... Алло!.. - снова выкрикнула в трубку Ветистова, после того как поспешно несколько раз передернула телефонный диск слева направо. - Светочка, это ты?... Ага, и я тоже только что пришла, ты адреса их записала?... Ой, ну а что же ты... Да... Понятно... Ну ты же пойми, Светочка... Светлана Львовна, не перебивай меня, я сейчас, мальчишки, еще два слова, да нет, это я не тебе, это у нас гости... - Ветистова разговаривала по телефону с полчаса, не меньше, время от времени выкрикивая в мою с Игорем сторону: "Я сейчас, мальчишки, еще два слова, три минутки, и все, очень важное дело!" И я все-таки почувствовал себя весьма счастливым, когда Ветистова в одно, действительно, прекрасное, мгновение наспех бросила телефонную трубку на аппарат и, окутанная ворохом совершенно непонятных объяснений в мою сторону, извиняясь через слово, медленно отступила в прихожую, и вскоре ее хохочущий голос будто захлопнула входная дверь в какой-то банке, и он перестал быть слышен, это Ветистова все-таки ушла из дома.

- Дела, - сказал Игорь.

- Суета, - добавил я.

- Что? - не расслышавши моего слова, спросил Золотов.

- Я говорю, замечательная у вас жена, Игорь.

- Да, с женой мне повезло, у нее такой нюх на поэзию, она мои стихи сразу вычислила, ко лбу книжку приложила и тут же определила: "Самые лучшие стихи в сборнике твои, Игорь". А я верю ей, как себе, - похвалился Золотов, - ну, ладно, на чем мы там остановились?

Я снова открыл сборник, отложенный на время в сторону, и сказал:

- К сожалению, у меня очень мало времени, поэтому в подробности вдаваться не буду, но чтобы все ваши невзгоды рассеялись, Игорь, вам надлежит в первой строке третьего стихотворения в слове "передам" вписать перед последней буквой "м", только обязательно ручкой, от руки, букву "е", во второй строке букву "е" в слове "все" заменить на букву "е".

- И все?... - удивился Золотов, - но это я всего лишь исправлю опечатки, и потом...

книжку портить... - Но все-таки Золотов решился поверить мне, и вскоре мы распрощались.

* Часть шестая ПАРАЛЛЕЛИ ВРЕМЕНИ *

Почему?

Когда Наташа, так неожиданно для Божива, ушла от здания роддома, наспех, но заботливо попрощавшись и с Викой, и Оксанкой, ушла, как она объяснила, по неотложным делам, она безотлагательно направилась в Лесной поселок. За все это время, пока она проживала у Сережи, ни разу Наташа не выбиралась в свой родной уголок, она абсолютно не помнила, откуда она пришла в квартиру к Истине, и на все расспросы об ее отношениях с ним, будь то Сережина мама или же узкий круг знакомых теперь ей лиц, она всегда отвечала однозначно: "Я не могу вам об этом говорить, мне трудно объяснить".

И вскоре окружающие ее люди перестали докучать расспросами: Сережина мама, как воспитанный, порядочный человек, не могла не верить Наташе, и всего лишь однажды она произнесла: "Когда-нибудь, если сможешь, расскажешь сама, доченька..." Она приняла ее такой, как она есть.

Вскоре все упоминания о таинственном приходе Наташи улеглись.

Наташа не чувствовала себя подкидышем, и одно лишь только помнила она, как детское сновидение: она когда-то умерла, но пробел между смертью и сегодняшней жизнью Наташа никак не могла восстановить в своем сознании, и это ее беспокоило, и часто ее насиженная грусть у окна в Сережиной квартире уводила ее воображение в прошлую жизнь, в которой последние времена означались всего лишь пунктирами памяти.

Много раз пыталась Наташа вдуматься в расстояние между пунктирами, и сердцем она чувствовала, что эти расстояния не опустошенные, она все больше понимала, что они не поддаются воспоминанию, что они словно сами по себе живы и скорее могут вспомнить Наташу, нежели она их.

И теперь Наташа уверенно направлялась в свою родовую обитель в той замысловато-необъяснимой жизни.

Нет. Объяснить себе она никак не могла: почему столько времени не решалась, а скорее даже не возникла у нее потребность определиться в этой неприкосновенности - она просто думала, словно рассматривая все издали, и лишь только теперь ей захотелось принять в этом участие, участие в своих воспоминаниях.

И что ее заставляло, сейчас Наташа не объясняла себе, как не может никто объяснить на свете, как он засыпает каждую ночь, когда он переходит за границу яви.

На троллейбусной остановке маршрута номер девять Наташа уже стояла минут пять, размышляя о своих намерениях.

Возле нее находились еще несколько человек: какой-то военный паренек, цыганка и супруги - лет сорока пяти на вид.

И все, и вокруг, на всем обозримом протяжении не было больше ни души, даже машины куда-то запропастились, шоссе пустовало. И вдруг, первым это явление заметил военный паренек.

- Смотрите, смотрите! - восторжествовал он и принялся тыкать указательным пальцем вытянутой руки в сторону от остановки, взбудораживая всех вокруг.

- Ну и что, серебристая машина, - спокойно произнес мужчина из супружеской пары.

- Спортивный автомобиль, но каплеобразной формы, поддакнула его жена.

- Да нет же, - не успокаивался парень, - я же с самого начала, как он появился, увидел его, он упал с неба, там, вдалеке, на шоссе.

- Да вы что, с ума спятили, какой же это автомобиль, раскричалась цыганка, - у него даже колес нет!

- Он парит над шоссе, - воскликнул военный.

- А может, это реактивный самолет, - недоверчиво проговорила супруга.

- Черт побери, он медленно приближается к нам, забеспокоился супруг. Наташа стояла молча, ничего не соображая.

В эти мгновения говорливой переклички пассажиров на остановке она силилась, но

совершенно не могла припомнить, откуда и как она оказалась на этом месте, она просто понимала, что она человек и что вокруг нее люди уже объята паникой, она абсолютно спокойно воспринимала необъяснимое приближение серебристой каплеобразной формы по шоссе.

И вот эта серебристая необъяснимость остановилась, плавно зависла в двадцати сантиметрах от поверхности шоссе поодаль от суматошной кучки людей.

Теперь пассажиры приумолкли, и похоже было, что они тоже ничего не помнят, как и Наташа.

Вскоре сквозь зеркально-серебристую поверхность каплеобразной формы словно просочились два фиолетовых существа.

Они были почти прозрачными. Полностью повторяя очертания тела человека, существа стояли сейчас друг подле друга.

Затем они взметнули фиолетовые руки к небу, и серебристая каплеобразная форма вздрогнула, будто сгусток ртути, и начала медленно принимать другую видимость: вскоре на ее месте оказался серебристый столб, а поверх него, на уровне голов фиолетовых существ, сформировался увесистый металлический шар.

Одно фиолетовое существо шагнуло к шару, прислонило свои ладони к нему и тут же растворилось, другое же существо сделало знак кучке пассажиров последовать примеру первого существа.

И пассажиры, будто примагниченные притяжением этого шара, медленно, один за другим зашагали в его сторону. Вначале приложила свои ладони цыганка и тут же растворилась, затем проделали предложенное муж и жена, и их тоже не стало, последним исчез военный паренек, но он слегка поколебался перед тем как приложить свои ладони. Оставалась Наташа.

Фиолетовое существо сделало ей знак стоять на месте. Затем оно снова взметнуло фиолетовые руки к небу, и перед ним вновь образовалась серебристая капля.

Теперь существо жестами обратилось к Наташе и предложило приблизиться к нему. Наташа незамедлительно подошла, но не остановилась, а шагнула прямо в эту серебристую форму и растворилась в ней...

... Солнечные зайчики густо облепливали дом в глубине двора, расположенный среди ветвистых фруктовых деревьев, шелестящая зелень навевала прохладу, площадь у калитки была пустынна, это была огромная знакомая площадь.

На другом ее конце колонно высился кинотеатр, но вокруг не было ни души.

Наташа стояла у калитки на цыпочках и смотрела вверх нее во двор, в знакомый двор. Неожиданно на крыльцо дома вышла знакомая женщина, Наташа тут же узнала ее.

- Мама! - сдавленно выкрикнула она, и женщина обернулась на зов. Мама смотрела в сторону калитки, что-то ропотно шептала и крестилась.

- Наташа! - наконец-таки крикнула она, ноги ее подкашивались и заплетались. - Доченька моя, доченька! наговаривала женщина, одержимо приближаясь к заветной калитке. - Ты же умерла, доченька, Наташечка. - Наташа испугалась, точно была мертвой не она, а ее мама, приближающаяся к ней.

Тайная вечеря

- Пойдем со мной!

- В чем дело? Куда вы меня тащите?

- Пойдем, я тебе сказал, - обозленно прошипел какой-то мужчина, схвативший Божива за руку, в самом центре города, когда Юра возвращался из кинопроката.

Надвигался глубокий вечер.

Юра уже мысленно пожалел, что так надолго задержался у фильмокартотеки с тематическим планом.

Мужчина был не выше Божива по росту, но крепким невероятно, и поэтому он повиновался его стальной крюкастой руке и последовал молча за ним.

Божив уже узнал его и, может еще поэтому, не сопротивлялся. Так они прошагали

метров пятьдесят до поворота в темный, словно ожидающий крика, квартал.

Теперь мужчина увлек Божива в онемевшую подворотню, каблуки зацокали по бетону так, будто подворотня ожила и от ужаса заклацала зубами.

Боживу не хотелось идти, но он шел, потому что не хотел выказывать трусость, и он понимал, что эти его шаги, и даже не исключено, что сразу же там, в глубине двора, окажутся последними в этом городе, в мире.

Юра давно ожидал чего-нибудь подобного, но память подсказывала ему, что только трусость может победить человека, и больше никто.

Божив был уверен, что его не оставят в покое, потому что он уже сказал свое слово. Говорить может каждый, но слушать... В глубине двора, в тесноте темноты Божив отдернул свою руку, и ему это удалось, но он вовсе не кинулся бежать, хотя все обстоятельства позволяли ему это сделать, и теперь он увидел, точнее разглядел, как его пленитель слегка суетнулся в его сторону, но успокоился: Юра бесстрашно, как вкопанный стоял на месте.

- Что ты намерен делать, Купсик? - хладнокровно спросил Юра.

- Васильев, - ответил мужчина.

- Что?

- Моя фамилия Васильев, уважаемый Юрий Сергеевич.

- С каких это пор я стал уважаемым?

- С тех пор, как вы укукошили художника, - и Купсик постучал в какую-то дверь впереди. Сейчас же скрипнула темнота, широкое лезвие света полоснуло рядом с Боживым.

- Привел? - спросили Купсика из-за приоткрытой двери.

- Да, - коротко ответил тот.

Дверь во мгновение распахнулась настежь - это Купсик отдернул ее за ручку.

В небольшом коридоре с невысоким потолком никого не оказалось, когда после предложения Купсика Божив проследовал за ним внутрь помещения.

В крохотной комнате в плетеном деревянном кресле сидел человек, и Божив незамедлительно узнал его.

- Добрый вечер, - обратился тот к Юре с какой-то приторной, но взволнованной лаской в голосе.

- Здравствуйте, Остап Моисеевич, - прицелившись всем своим вниманием, ответил Божив этому человеку.

А прицелился Юра прямо в глаза Остапу Моисеевичу, который, не обращая внимания на отношение к нему вошедшего, рукавом пиджака протер по своему носу, и на рукаве осталась тонкая влажная полоска.

- У вас насморк, Остап Моисеевич? - попытался съязвить Юра, чтобы этим самым подчеркнуть свое спокойствие и готовность ко всему.

- У меня сегодня ты, - и Остап Моисеевич бросил на секунду взгляд в сторону Васильева. И Купсик одобрительно оскалился. - В гостях, - добавил Остап Моисеевич, снова обращаясь к Боживу. Юра, не спрашивая разрешения, развалился в кресле напротив Остапа Моисеевича.

- Молодец, - приветствовал тот, - я ценю в тебе твою уверенную наивность.

- Спасибо, - наигранно улыбнулся Божив, - но похвалы без халвы, все равно что сука без кобеля.

- Ясно, - принял вызов Остап Моисеевич. - Васильев, обратился он к своему компаньону, - приготовь нам кофе. - И Купсик не говоря ни слова удалился в соседнее помещение.

- Кофе - это хорошо, - взбодрился Божив, почувствовавший, что расплата с ним принимает затяжной характер и есть надежда уйти отсюда живым.

- Я бы тебе посоветовал быть более сговорчивым, Божив, ха-ха, - расхохотался Остап Моисеевич и вольготно откинулся на спинку кресла.

- А если нет? - осведомился Юра.

- Ты знаешь, Божив, здесь только два пути: либо договоримся, либо договоришься ты.

- Вы сказали "договоримся"? - отвечал Божив. - Это хорошо, ибо подчеркивает, возможно, что договоритесь и вы.

- Я ценю остроту, - после некоторого молчания заговорил Остап Моисеевич, - но самая острая острота, в конце концов, переходит... в нежность, ибо острее нежности нет ничего на свете.

- Неужели мы с вами сможем когда-нибудь расцеловаться, Остап Моисеевич?

- Да, я уже предложил свой поцелуй, теперь очередь за вами.

- Значит, очередь за мной? - Но Остап Моисеевич промолчал. - Короче, - активизировался Божив, - что вы от меня хотите?

- А-а, вот и кофе, - театрально воскликнул Остап Моисеевич в глаза, - халва прибыла, Юрий Сергеевич. Теперь все трое потягивали кофе из чашечек и некоторое время молча посматривали друг на друга.

- Но если, как ты выразился, Божив, говорить короче, неожиданно заговорил Остап Моисеевич, ставя чашечку на журнальный столик рядом с собой, - есть предложение. Скоро ты будешь выходить в Астрал, а следовательно, сможешь обладать, управлять более или менее серьезно энергетикой, искренне скажу, сожалею, что не мог тебя остановить в этом.

Поверь, что оно тебе было бы и не нужным, ты бы и так довольно успешно прожил свою жизнь, но раз уж так вышло и ты прорываешься под присмотром Истины, нет, я бы, конечно, не допустил подобного содружества, но, увы, Созерцателю виднее, а именно он позволил заблокировать мое вмешательство в астральные дела Истины и его учителя. - Остап Моисеевич продолжал говорить, а Божив подумал про себя: "Сережа говорил мне, что учитель совсем не помогает ему, но выходит, что все не совсем так, и потом Созерцатель... кто он, со слов этого мерзавца, Остапа Моисеевича, можно предположить, Созерцатель, как некий распорядитель, судья, а значит идет какая-то игра, но зачем, во имя чего? Если я отсюда вернусь, я обязательно переговорю обо всем этом с Истиной". - Короче, есть предложение, - вновь прорвался в сознание Божива голос Остапа Моисеевича, и Юрины размышления отступили.

- Хорошо, - сказал Божив, - хорошо, в чем его суть?

- Я понимаю, Божив, что вы, как и все нормальные люди, хотите хорошо жить.

- Естественно, что не откажусь.

- В таком случае, мы сговоримся быстрее: открывайте свою фирму, неофициальную, конечно, частную, со стороны закона гарантирую, что вас никто не тронет, никому не будет дела до вас.

- Простите, а вы что, имеете высокие связи?

- Нет, я просто работаю начальником увэдэ вашего района, я сам, так сказать, высокая связь, - хохотнул Остап Моисеевич.

- Это недурное дело. И чем же я буду заниматься в своей фирме?

- Вскоре у вас проявятся неплохие экстрасенсорные способности, вы станете хорошим сенситивом, Божив, и грех будет не заколачивать на этом деньги.

- Что ж, пожалуй, вы правы, Остап Моисеевич.

- Сильный всегда прав! - снова расхохотался тот. - Так вы согласны?

- Да, но давайте отложим наш договор до того времени, как у меня проявятся эти способности.

- Что ж, логично, я эту паузу принимаю, - сказал Остап Моисеевич. - Ну, давайте прорепетируем, - и он подал Боживу опустошенную чашечку кофе на блюдце, которую взял у Купсика. Погадайте на кофе, Божив.

- Но я не умею, - ответил Юра, принимая чашечку.

- Уверен, что у вас получится: переверните чашечку на блюдце вверх дном и через пару минут взгляните на ее доньшко.

Проделав манипуляции с чашкой, Божив взглянул на дно и в потеках остатков кофе разглядел образовавшуюся морду дьявола. - Вы, Купсик, рог от дьявола, надломанный, вас отведет Божья Мать.

Созерцатель

Я - Созерцатель...

Мой путь - к себе. Бесчисленное множество времени спотыкаться о мысли, преодолевать ужас и восторг, предвкушение, необъяснимость и диво, чтобы прийти и остановиться, и бесконечная протяженность приближения перестала быть даже мгновением...

Я могу жить без мыслей. Это вовсе не страшно, но мысли без меня жить не могут. Я порожаю, и вспоминаю, и забываю мысли.

Я властелин для каждой мысли. Для меня все они одинаковы, но мало кто из них знает об этом. Они слепы, потому что я зряч.

Если какая-нибудь из них останавливается передо мной и начинает прозревать, приближаться ко мне по моему безразличию, я начинаю забывать ее, и ужасы тогда одолевают ее путь. Ей остается одно - либо забыться, либо погибнуть. Лишь только та мысль, которая не погибнет и не забудется, придет и потеснит меня.

О, всесильная радость, взвейся, если такое случится! Тогда я уступлю ей место.

На пути продвижения каждой мысли множество мыслей.

У меня осталась одна - это я сам.

Бесчисленное множество времени я жду. Пытаюсь забыть что есть я сам. Я могу жить без мыслей. Я еще буду жить без них. Но пока мне приходится жить и видеть их, и куда бы ни глянул я, везде они.

Я, конечно, могу, и, может быть, я когда-нибудь это сделаю, забыть все свои мысли, растворить, но тогда я ослепну и прозреют они... Я перестану их видеть, но они будут вечно видеть меня.

Мой мир мыслей...

Он слеп и безумен. И для того чтобы видеть свое одиночество, и для того чтобы легко забывать мысли и находить их, я разделил его на множество миров. И каждая мысль есть в каждом из миров этих.

Мне же не приходится рассматривать вспомнившуюся мне мысль, проворачивать ее различными гранями: каждая мысль находится во всех мирах одновременно, но различными своими гранями.

Есть множество миров, которые с виду абсолютно одинаковы, но одна из мыслей каждого мира обязательно повернута иной гранью.

И бесконечность миров моих настолько бесконечна, настолько каждая грань каждой мысли пребывает среди каждой грани всех остальных окружающих ее мыслей, и те в свою очередь, каждая в отдельности, пребывает в том же соответствии, но еще каждая мысль в каждом из миров своих последующих, когда она уже обернулась в предыдущий всеми своими гранями и соответствиями с гранями других мыслей обязательно пребывает еще и в другом месте расположения среди мыслей. И там круговорот граней тоже повторяется.

Но и все миры мои находятся в вечном движении, и они существуют одновременно между друг другом. Вначале я вспоминаю какой-нибудь из миров своих и лишь только тогда вспоминаю одну из мыслей его. И таким образом я перебираю все всевозможье моих миров. И мне даже нет необходимости что-то перемещать или менять. Среди моих миров есть и такие миры, где всего одна мысль, или две, или более, или еще более. Да, и количество мыслей в мирах моих тоже различно.

Многие мысли уже видят меня или узрели мои очертания, и кто из них приблизится ко мне первой - не знаю... Я живу в каждом из миров своих...

Одновременно я живу в каждом из миров моих. И вижу свою жизнь в них в любой из существующих там мыслей. Но так же одновременно, хотя я и существую во всех остальных мирах, для того, чтобы приблизить к себе один из миров и разглядеть его, я забываю об остальных мирах. Ничего не в силах измениться в этом мире, который я выделил и не забыл в какое-то мгновение. И я ничего не в силах изменить в этом мире. Мне приходится следовать его правилам, его соотношениям мысленных граней.

И если я, а мне это доступно, поменяю хотя бы одну-единственную мысль, оберну ее другой гранью, то это уже будет другой мир, потому что все потечет в нем по-иному. Но тогда зачем мне было приближать первый мир и забывать остальные, разве для того только, чтобы забыть его и вспомнить другой? Тогда не проще ли перейти просто в другой мир?

Можно изменить грань мысли и оказаться через это действие в ином мире, либо изменить мир приближенный на другой мир, вспомнить другой мир, а предыдущий забыть, и тогда не надо будет менять грань мысли самому и тратить на это свои усилия, а грань мысли сама будет иной в ином мире, в следующем мире.

Когда я нахожусь в одном из миров своих и мне хотелось бы видеть существование какой-либо мысли в этом мире по-другому, то так как все миры существуют для меня одновременно, я просто вспоминаю реально существующий мир, именно тот мир, в коем существование этой мысли означает так, как мне нужно.

И это происходит реально.

Плавно приходит нужный мне мир, а предыдущий забывается реализация.

Урок Третий

Здравствуй, мой друг - Юра Божив!

Я все-таки тебе решил написать, хотя можно было бы позвонить, либо явиться воочию, но не хочется тебя травмировать лишний раз, ибо одно дело, когда я звучу в тебе в качестве внутреннего голоса, и, согласишься, абсолютно по-иному воспринимается человек или его голос по телефону здесь, на Земле, совершенно незнакомый, в котором лишь только и будет от меня... конструкция логики, да интонационный почерк речи, да островки нашей совместной памяти.

Сам понимаешь, ужасно воспринять такого человека, если учесть, что еще и его земное тело спит мертвецким сном у него дома на диване.

Так что не обессудь, хотя все-таки наша встреча и состоится впереди, но, мне кажется, после этого письма, вполне материального, тебе будет проще воспринять некоего Гришу, председателя кооператива, физическое тело которого я сейчас временно позаимствовал.

Как прочтешь и изучишь письмо, обязательно его сожги, потому что не исключено, что Гришу будут вскорости разыскивать, а нам не нужны случайные улики.

Ясно, что ты можешь и весьма подозрительно отнестись к этому письму: озаботишься, мол, кто-то подтрунивает или еще что-нибудь в этом роде, и твоя подозрительность будет оправдана.

Но сам посуди, если, конечно, ты никому не рассказывал о наших уроках предыдущих, тогда кто, как не я, тебе напомнит о них.

Я рассказывал тебе о том, что значит "Иисус Христос искупил все грехи наши, прошлые, настоящие и будущие", я предлагал тебе систему энергетической защиты, также я говорил о свободе прикосновений и привязках, о сущности Космического Сознания.

Подробнее напоминать не буду. Думается, что уже ты проникся доверием к этому письму, а если так, тогда я изложу тебе еще некоторые знания, что, как мне кажется, не лишни на пути твоего совершенствования.

Начну с того, что разберу подробно структуру и работу энергетического запрета.

Никогда, никому и ничего не запрещай: делать, говорить и прочее.

Что происходит во время энергетического запрета?

Поскольку, как ты уже знаешь, все в мире является энергией, то любое проявление, если так можно выразиться, житейской любой нашей мысли или чувства или ощущения суть энергетическое состояние.

Предположим, что ты выполняешь какое-то действие или кто-то производит определенное действие, а ты это действие запретил, не дал человеку реализовать его, воплотиться в нем, но ведь энергия этого действия не может исчезнуть бесследно, напор ее существует, а ты поставил барьер для этого.

Что здесь можно ожидать: предположим твой запрет окажется слабым, а следовательно, энергия, которую ты попытался остановить, твой щит разрушит и человек

выполнит намеченное действие с еще большим усердием, и результаты этого действия будут выше, если бы не было твоего запрета, а значит, в таком слабом смысле запрещая, ты только усиливаешь, оконкречиваешь и даже иногда направляешь.

Хорошим примером сему послужить может шланг, из которого течет вода... Сплющи кончик шланга, и тебе все будет понятно, что значит хрупкий, несовершенный энергетический запрет. Этим приемом неплохо пользуются некоторые талантливые и дальновидные учителя, политики и другие. Но можно ожидать и другого в процессе энергетического запрета.

Если твоего энергетического запрета так называемый щит сработает, произойдет следующее: энергия запрещенного действия, отпружинив от него, будет искать воплощение другого и обязательно во что-то выльется. Но здесь два пути: человек, действие которого запретили, может сам направить высвободившуюся энергию в необходимое ему русло, и если этот человек более или менее совершенен в управлении энергетикой, то достичь он сможет немалых результатов в каком-то ином деле, умный энергетик всегда радуется энергетическому запрету и даже иногда исподволь провоцирует его, ибо освободившаяся энергия в этом случае носит импульсивный характер, усиленный, то есть она увеличила свой потенциал через сопротивление щиту твоего запрета путем накопления своего определенного притока по времени.

Другими словами, энергия находится в протяженном движении, и метафорично это можно представить себе как свободную, расслабленную пружину, которая движется по какому-то каналу в определенном направлении, а движитель, предположим твой палец, подталкивает эту пружину сзади, таким образом, натываясь на какое-либо препятствие, с учетом того, что двигатель продолжает работать, пружина начинает сжиматься, и тебе ничего не будет стоить подталкиваемый конец пружины развернуть в любую сторону, если таковые есть, направить в любой другой канал и отпустить палец, иными словами, выключить двигатель - пружина с огромной силой не замедлит проявить свою беглую переориентацию и ударную способность.

Что же значит выключить двигатель и направить пружину в другой канал? Образно это выглядит так: человеку что-то запретили, но он умеет управлять энергетикой запрета (это условие в данном примере обязательно).

Человек пробует сломить запретительный щит, копится энергия его действия, но щит не поддается, не сломлен. Тогда человек, продолжая сопротивляться щиту, искренне идя в этом направлении, в то же самое время подыскивает подходящее направление для накапливаемой энергии.

Но это не должно продолжаться долго (чувство меры от сердца), и тогда, когда новое направление для энергии выбрано, ну, скажем, новое дело, человек резко останавливает свое желание произвести запрещаемое ему действие, и в единый момент ускоряется в пространство подысканного дела, если это дело связано с движением, перемещениями непосредственно его земного тела или каких-либо предметов с применением его физической силы, то здесь ясно, человек непосредственно сам выполняет все задуманное, но если это дело связано с движениями или перемещениями чувств, ощущений и мыслей его личных или же каких-либо других людей, но по его желанию, а также движениями и перемещениями предметов, то человеку достаточно будет просто отказаться от запрещаемого дела, действия, резко забыть о нем, и во мгновение, как бы с невероятной контрастностью увидеть другое подысканное дело, действие (чувство, ощущение, мысль и прочее).

Теперь, как же выглядит человек, знающий всю вышеописанную структуру энергетического запрета, но не владеющий энергетикой, не умеющий ею управлять.

Когда он определит своим сердцем, путем определенного опыта, что запрещающий щит сломить не удастся, этот человек может поступить следующим образом: он просто перестанет ломиться в этот щит, производить действие, резко забудет об этом, то есть, исходя из нашего примера, уже описанного ранее, отключит двигатель и тем самым перестанет сжимать пружину уберет палец.

Пружина, накопленная, сжатая, но освободившаяся энергия, сама отыщет направление своего применения.

Что же произойдет в этом случае?

Этот сгусток энергии направится по пути наименьшего сопротивления, распределится в том месте, где ее не достает. Как же это выглядит на деле?

Если принять как основополагающее, а это так и есть, что весь мир этот мир обязательных равновесий, и учесть то, что ту пружину, тот сгусток энергии, который мы направляли на запрещенное нам действие, мы черпали не иначе как из какой-то или каких-то энергетических чаш на весах равновесий, чаш, будем выражаться метафорично, выражающих наши дела или дела каких-нибудь людей, связанных с нашим желанием, предметов, как суть наше действие, то освободившаяся энергия заполнит какую-то из чаш до краев и если ее окажется еще больше, то наполнятся или пополнятся тоже и другие чаши или чаша.

Когда мы брали энергию, то это могло происходить так: спонтанно или осознанно.

Во втором случае, если мы взяли энергию осознанно, и ее устремленность запретили нам, а следовательно, мы живем сбалансированно, то освободившаяся энергия попросту возвратится в свою чашу, но сильной и свежей, она произведет скачок и не исключено, что значительный, в оставленном ранее деле (чаше).

В первом же случае, спонтанном в сборе энергии, мы черпаем энергию из чаш или чаши (дела) неведомого нам, то есть мы не знаем, какие дела наши ослабнут от этого и насколько какая-то чаша или какие-то из чаш лишатся энергии, разбалансируются.

Тогда, когда пружина, освободившаяся наша энергия, оттолкнется от запрещающего щита, она пойдет в самые близлежащие чаши и заполнит прежде всего их, и как сказать, но из-за такого спонтанного сбора энергии мы, к нашему недоразумению, можем лишиться продвижения каких-то весьма нужных нам дел, которыми занимались мы ранее, до спонтанного сбора.

Так зачастую рушатся все планы жизни, а причиной этого всего лишь могло послужить какое-то дело, которое мы решили произвести внезапно, оно даже может быть пустячным, но если оно встретило на пути своего следования энергетический щит, то последствия непредсказуемы, но опять же при условии свободного распределения нашей освободившейся энергии, энергии дела, которое нам запретили и от которого мы отказались.

Внезапно влетевшая в тарелку с борщом муха может расстроить свадьбу - так бы я сказал в приблизительном сравнении.

И все-таки вернемся и рассмотрим немного подробнее осознанный сбор энергии, наш второй случай.

Здесь очень важно твердо подчеркнуть следующее: осознанный сбор энергии на выполнение задуманного действия можно и должно производить только в состоянии Мага, и не иначе. Почему?

Потому что лишь у человека, достигшего состояния Мага, мир его дел четко сбалансирован, у него нет и не может быть так называемых чаш, не заполненных до краев, и его освободившаяся энергия, оттолкнувшись от запрещающего щита, действительно возвратится в чашу, из которой она была забрана, но это при идеальном магическом состоянии человека, и такого совершенства практически нет, поэтому Маг в той или иной степени всегда несовершенен. Как же в этом случае он поступает?

А поступает он так: он перемещает свои незавершенные дела, незаполненные чаши, сразу же неподалеку, располагает их в постоянном перемещении по ходу набранной энергии действия, как бы подстраховывается тем самым, и в случае возврата энергии от запрещающего щита многие его незавершенные дела ранее, незаполненные до краев чаши, приводятся в порядок в той или иной степени, наполняются.

Иными словами, Маг, производя какие-либо энергетические действия, с помощью собранной энергии, всегда помнит, как бы издали поглядывает на деле незавершенный и в любой момент готов он вернуться к ним, отказавшись от запрещенного ему дела, где

победить Маг не смог, сломить щит.

И еще, опять же исходя из мира равновесий, исходя из того, что лишнего не возьмешь, лишнего не потеряешь, требуется объяснить, что же происходит в мире дел Мага, человека при сборе энергии для произведения определенного действия, дела: предположим, что запрещенный щит сломан, преодолен (это будет справедливо и для того случая, когда щита не было вообще), тогда задуманное дело исполняется - чаша нового завершенного дела наполнена или же наполнена в какой-то мере, в какой-то мере произведено дело.

Но ведь энергия, при условии равновесия, а это аксиома, была набрана из уже существующих чаш, а значит пострадали, в некоторой степени опустошились, приостановились предыдущие дела, но в этом для Мага есть своя прелесть, удовлетворение, ибо он собирал энергию и располагал близко к щиту те чаши, те дела, которые ему не нужны, и даже не исключено, что вредны, либо необходимость в них отпала на пути совершенства. И такие чаши-дела при полном энергетическом опустошении вовсе исчезают. Так поступает человек - Маг.

И вот еще почему верна пословица "Нет худа без добра": ее справедливость состоит в том, что освободившаяся энергия от щита запрещающего балансирует чаши, в какой-то мере незаполненные, внезапно продвигает какие-то из наших дел, спонтанно или осознанно.

В данном случае щит олицетворяет - худо, а возвращающаяся энергия - добро.

Чтобы картина энергетического запрета увиделась более или менее объемнее, нельзя не сказать еще и об операторе, то есть о человеке, производящем энергетический запрет, выставляющем щит.

Что же происходит с ним, во время того, когда его энергетический щит сработал, его "жертва" подчинилась запрету, объект отступил от выполнения действия, и если произошло обратное - оператор проиграл сражение: его энергетический щит, которым он попытался запретить действие объекта ("жертвы"), преодолен, сломлен, разрушен или отвергнут.

В первом случае оператор либо потратил свою энергию впустую, либо, что не исключено, защитился от нападения, с последним все ясно, а со вторым: стоит ли тратить свою энергию, а значит свою жизнь, напрасно? Здесь выставление щита во втором случае всегда принадлежит лишь невежеству, ибо никто не в праве менять путь развития человека по своему на то усмотрению.

Если же разрушен щит оператора, то, в том случае, если на него нападали, он получит удар, а в том случае, если оператор запрещал не нападение, он потерял свою энергию щита, потому что разрушенная, она не возвратится к оператору, а сольется с прорвавшейся энергией объекта ("жертвы"), усилив ее.

Если подобное разрушение щитов у оператора будет происходить многократно, его дела будут идти все хуже, он будет опустошаться, не исключено - болеть, и может погибнуть.

До свидания, мой друг, скоро тебе позвоню.

Среди мертвецов?

Наташа испугалась, точно была мертвой не она, а ее мама, приближающаяся к ней.

И Наташа торопливо отбежала от калитки и спряталась за поворотом забора.

Исподволь она посматривала в сторону калитки и ожидала, что та женщина сейчас выйдет.

Сердце больно ужалило грудь Наташи, когда она увидела вышедшую из двора на площадь свою растерянную маму.

- Мамочка, - прошептали Наташины губы.

Женщина испуганно озиралась по сторонам, а Наташа не могла сделать ни единого шага из-за поворота. Опустошенная, с обвисшими руками, едва передвигаясь и покачиваясь, Наташина мама ушла с площади Лесного поселка, но калитка еще не захлопнулась! И тут к Наташе неожиданно вернулась полная память земной жизни, вся она воспламенела чувствами.

Наташа яростно ринулась туда, на площадь, к незакрытой калитке.

Женщина стояла посреди двора, когда Наташа возникла в калиточном проеме.

- Мама! - выкрикнула Наташа, женщина обернулась. Мамочка! - воскликнула снова ее дочь. Женщина немного помолчала, рассматривая обратившуюся к ней девушку.

- Вы кто? - сказала она.

- Я Наташа, мамочка, Наташа, - надрывно проговорила Наташа.

- Зачем же вы так? - печально отозвалась на восклицание обращающегося к ней человека женщина. - Моя дочь умерла, а вас я вижу впервые, девушка.

- Мамочка, это же я и есть, Наташа, твоя дочь, взволнованно заговорила Наташа, быстро приближаясь к женщине, она подошла и обняла ее, и они обе заплакали.

Так они простояли с минуту. Женщина гладила девушку по голове.

- Успокойся, доченька, успокойся, - приговаривала она, - очень жаль, что я не твоя мама, вот, присядь сюда, на лавочку. - Наташа рыдала. - Я тебе сейчас водички принесу. И на некоторое время женщина скрылась в доме. Вскоре она пришла с кружкой в руке и, приблизившись к Наташе, присела рядом с ней, и снова она гладила девушку по голове.

- Вот, попей, доченька, попей водички, легче будет, уговаривала она. Наташа отхлебнула глоток воды из предложенной кружки, и снова слезы обиды навернулись на ее глаза.

- Вот, посмотри, доченька, - обратилась женщина к девушке, доставая из кармана широкого халата небольшую фотографию, и она протянула ее девушке. Наташины рыдания остановились, но она еще всхлипывала. Наташа пристально смотрела на свою фотографию, на карточке в алюминиевой оправе была она!

- Но это же я и есть, мамочка, - недоумевала девушка.

- Бедная доченька, как ведь какое-то горе тебя скрутило, - ответила женщина. И тут Наташа словно опомнилась.

- Принесите мне зеркало, - попросила она, - у вас есть зеркало?

- Да, конечно же, я сейчас, доченька, - спохватилась женщина и торопливо ушла в дом и так же торопливо вернулась с зеркалом в руке. - Вот, пожалуйста, доченька, держи зеркало, а вот и платочек возьми, приведи себя в порядок, милая.

Наташа приняла зеркало из рук женщины и во мгновение взглянула в него.

- Господи! - воскликнула она и больше ничего не смогла проговорить.

Теперь Наташа шагала через площадь Лесного поселка, даже, скорее, беззаботно брела, все ее чувства остановились там, у зеркала.

Бессердечно шла Наташа, узнаваемый мир не узнавал ее.

Яркое сочное солнце отвесно жмурилось, оно высвечивало Наташу, высвечивало площадь, словно циферблат огромных часов, на которых означались две стрелки: Наташа и ее тень.

Никто теперь не мог узнать Наташу, потому, что от ее прежнего обличия только и осталось всего очертания фигуры и длинные вьющиеся волосы.

Там, в зеркале, она увидела совсем другое лицо, не ее лицо, точно позаимствованное у кого-то, оно было уродливым, с синяками под глазами, с мясистыми носом, губами, с широкими скулами, обтянутыми пористой кожей, приземистый лоб, а эти узкие некрасивые глаза, обвисший подбородок, словно это было не лицо, а маска! "Мои волосы и голос, когда я взглянула поверх калитки, обрадовали мамочку, - уже почему-то безболезненно, бесчувственно думала Наташа, - но это ужасное лицо отвергло нашу встречу".

Наташа поднялась по ступенькам кинотеатра, остановилась возле колонн.

- Здравствуйте, - медленно проговорила она в сторону уборщицы Лидии Ивановны, которая, нагнувшись у ведра с грязной водой, отжимала тряпку.

- Здравствуйте, девушка, - приподняв голову, отозвалась та и как-то вдумчиво посмотрела вслед поздоровавшемуся с ней человеку, будто что-то припоминая.

А Наташа не замедлила скрыться в прохладе кинотеатра, потому что новые слезы залили ее лицо.

Но тут, в малом фойе, Наташино сердце дрогнуло воистину и прежние чувства

вернулись к ней: из директорского кабинета вышел с весьма озабоченным лицом, словно о чем-то думающий глубоко... вышел внезапно, и от неожиданности Наташа сразу же отвернулась... Сережа.

- Сереженька, - прошептали Наташины губы.

- Наташа?! - возник позади отвернувшейся девушки голос Истины. Незамедлительно Наташа обернулась, даже не успев подумать о том, что у нее нет своего лица.

- Извините, я обознался, - опечаленно проговорил Сережа.

- Сергей Александрович, - обратилась к директору мужиковатая контролерша, только что вышедшая из большого фойе, она приблизилась к Истине.

- Да, я слушаю вас, Клавдия Титовна.

- Вот, я говорю, какие суки, - произнося слово "суки", она искоса взглянула в сторону Наташи, - такие же вот и магнитофон сперли, а вам отвечать, Сергей Александрович. Директор ничего не ответил, он закрыл кабинет на ключ, еще раз внимательно окинул взглядом некрасивую девушку и направился было на выход из кинотеатра, как мужиковатая контролерша незамедлительно окликнула его:

- Сергей Александрович!

- Что такое? - приостановившись у входной двери и слегка обернувшись на зов, с нескрываемой неприязнью отозвался директор.

- Дверь-то в большое фойе... шпингалет отломали, гады, как сопля теперь телепается.

- Попросите Кириллыча, он прикрутит, - отрезал директор и вышел из кинотеатра.

- Девушка, вы в кино? - требовательно спросила контролерша Наташу, и это прозвучало так, словно она хотела сказать: "Если нет, то какого черта здесь стоите, убирайтесь".

Наташа постучала в окошко кассира и только теперь почувствовала, что в левой руке у нее смята какая-то бумажка, она раскрыла ладонь и глянула на нее, в ладони оказалось три рубля одной купюрой.

Фанерная задвижка отодвинулась, и в проеме окошка показалось лицо зевающего кассира.

Наташа протянула ему три рубля.

- Вам один? - послышался вопрос из глубины кассы, словно из деревянной коробки.

- Да, - подкивнула Наташа, - один на сейчас.

- побыстрей, девушка, журнал заканчивается, - будто взвизгнула контролерша позади Наташи. Контролерша рассмотрела поданный Наташей билет и, не оторвав контроля, положила его себе в карман.

- Проходите, - рывкнула она, - на свободное место!

В полутьме Наташа нащупала первое попавшееся место в зале и не спеша присела не него, чтобы не скрипеть жестким откидным сиденьем.

Единственное пустое место, как потом, приглядевшись, определила она.

Только что растаяли последние титры, и теперь начал разворачиваться его сюжет: в больничной палате, на единственной деревянной койке, стоящей поодаль от окна, лежала очень красивая девушка, она спала.

- Господи, - прошептали Наташины губы, и в это же время какой-то мужчина, сидящий рядом с нею в зале, слегка наклонился к Наташе и негромко, но восторженно проговорил: "Обалденный фильм, я его уже видел три раза и каждый раз по-новому".

- А как называется? - шепотом спросила Наташа у мужчины.

- "Астральное тело", девушка, - недоумевающе ответил тот, - "Астральное тело", - разборчиво выговаривая слова, подтвердил он еще раз. На экране дверь в больничную палату приоткрылась, и в палату вошел и приблизился к спящей девушке...

- Сережечка, - прошептали Наташины губы, Наташа с еще большим усердием прильнула взглядом к экрану, и в следующее мгновение она удивилась еще больше, когда увидела крупным планом во весь экран лицо спящей девушки - это было ее, Наташино, лицо! Это была сама она, Наташа! Наташа - та девушка на экране открыла глаза, словно ожила.

- Сережа, - промолвила она шепотом, - ничего не понимаю, обними меня, пожалуйста, мне страшно, я боюсь тебя.

Сергей Истина подошел совсем близко к Наташе, присел на краешек ее кровати, нагнулся к ее лицу и прошептал:

- Все прояснится, не бойся меня, все прояснится...

- Ты думаешь? - с напряжением в голосе спросила Наташа. - А ты, случайно, не призрак?..

- Нет... Я настоящий.

- А я? Может, я призрак?

- Нет, ты тоже настоящая, видишь, я глажу твои волосы и ощущаю их нежность, а сейчас ты чувствуешь мою ладонь на щеке. Ведь правда?..

- Да, твоя ладонь настоящая, я даже могу дотронуться до нее губами.

- Как твоя фамилия, Наташа? Вахтерша не пропускает меня, - ласково проговорил Истина.

- Сказкина, а твоя?

- Истина, Сережа Истина...

- Истина, - повторила Наташа. - Это правда?

- Да.

- Серьезная фамилия, ты не находишь, Сережа.

- Наверное так, а твоя фамилия очень ласковая Сказкина.

- Истина рождается тяжело, вырывается из тьмы, освобождает свои крылья из тины невежества, - прошептала задумчиво девушка на экране.

- Откуда это? - поинтересовался у нее Сережа.

- Я не помню, - отрешенно ответила девушка, - пришло в голову просто сейчас. - Она всмотрелась в глаза Истине. - А я тебя уже не боюсь. Ты словно родной мне человек... - сказал она

- У нас есть тайна, наша тайна. Она объединяет нас, Наташа... Ты помнишь хижину?

- Не надо об этом, Сережа, пожалуйста, мне снова становится страшно...

На экране Истина и его девушка замолчали, они долго, очень долго смотрели друг на друга и было незримо видно, как их чувства и мысли переплетались.

- Я видела тебя вчера, Сережа, - наконец проговорила девушка первой шепотом.

- На площади поселка, у свадебных машин? - в ласковой задумчивости отозвался Истина.

- Нет, - произнесла девушка медленно, и было видно, как ее любимый внутренне весь насторожился, словно его что-то напугало, и с экрана зазвучал закадровый голос Сережи, не спеша он рассуждал про себя: "Нет - это значит, что Наташа видела меня в другом... месте, но где и как, ведь вечером вчера она находилась уже здесь, в больнице!.."

- И где же ты меня видела? - вслух произнес Истина.

- В твоём дворе, - ответила ему Наташа.

- А-а, возле хижины, - обрадовался Сережа, но по выразительным глазам Наташи видно было, он понял, что обрадовался напрасно: "Возле хижины мы виделись в том, замысловатом сне, тогда где же она могла меня видеть?" проговорил Истина про себя снова закадровым голосом, и он еще больше насторожился, его дыхание, словно затаившись, пружинило у него в груди.

- Я видела тебя вчера вечером в твоём дворе на футбольном поле, - Истина вслушивался в каждое слово своей Наташи. - Ты возвращался откуда-то домой, очень печальный, и несколько минут постоял на футбольном поле. Я подошла и поцеловала тебя, а ты отшатнулся от меня и так поспешно ушел...

На экране в глазах у Истины возник ужас, и снова прозвучал его закадровый голос: "Уж не призрак ли, действительно, Наташа?" - Сережа погладил волосы девушки и прикоснулся к ее щеке ладонью.

- А потом появился какой-то туман, - продолжала говорить Наташа. - Я увидела людей

в белых халатах, и один из них похлопывал меня по щекам, я поняла, что приоткрыла глаза, меня тошнило и очень кружилась голова...

- Можно, я буду тебя навещать? - прошептал Истина.

- Да, конечно... - утомленным голосом ответила Наташа. - А сейчас уходи, пожалуйста, я постараюсь уснуть. - Она закрыла глаза. И тут Наташа в зале вскочила с места, взветренная чувствами, она отвернулась от экрана, она больше не в силах была продолжать смотреть фильм.

Так же как и тогда, в больничной палате, и там, на экране, она ничего не понимала сейчас.

Наташа выскочила из зала.

Дверь большого фойе была заперта на расшатанный, отвисший шпингалет, который слегка держался на единственном шурупе.

Наташа навалилась плечом на дверь, она не помнила себя, и все мелькало перед ней.

Шпингалет, звякнув, отскочил на паркет фойе, распахнулась дверь настежь.

- Обалдела, сволочь! - где-то растаял позади Наташи возмущенный голос контролерши, но Наташа уже стояла у двери, у закрытой двери в директорский кабинет. Вспыхивали ее торопливые размышления: "Божив, - думала Наташа, - директором же работает Божив!.." Теперь всем телом Наташа навалилась на кабинетную дверь, - от неожиданности она чуть не свалилась с ног на пол, потому что дверь свободно распахнулась:

- Юра?! - еле удержавшись на месте, сделав один шаг в кабинет для равновесия, воскликнула Наташа. За рабочим столом в кабинете сидел Божив.

Наташа? - удивился он. - Что-то случилось? Откуда ты взялась?

- Наташа стояла и смотрела в лицо Боживу, ничего не соображая.

- А где Сережа? - спросила она.

В свою очередь Божив задумался, даже насторожился.

- Но... он... спит... - В заботливом, сдерживаемом спокойствии проговорил он и встал из-за стола.

- Спит, - словно припоминая, сказала Наташа, - да... конечно же.. Сережа спит... извини меня, Юра, я плохо себя чувствую, - извинилась Наташа и решительно зашагала прочь от директорского кабинета, прочь из кинотеатра. Но только Наташа сделала шаг, первый шаг на площадку перед ступеньками у выхода из кинотеатра, как у нее закружилась голова, все ее тело стало невесомым, и яркий свет ударил в глаза, и Наташа закрыла их, она словно куда-то проваливалась, но яркий свет продолжал видиться, и где-то вдали промелькнуло что-то серебристое и знакомое...

- Наташенька, доченька, что с тобой? - беспокоилась возле Наташи Надежда Михайловна, когда Наташа снова открыла глаза и огляделась по сторонам. Не сразу она поняла, что находится у себя дома, на кухне, в квартире своего любимого Сережи Истины.

- А где я была? - спросила Наташа, обращаясь к Сережиной маме, Надежде Михайловне.

- Ты была дома, - удивилась Надежда Михайловна, - но тебе стало плохо, ничего, это бывает, я едва успела удержать тебя и усадить на стул.

- А раньше? - снова спросила Наташа.

- Ну, - призадумалась Надежда Михайловна, - еще раньше ты приехала, в смысле пришла, из роддома, - вы с Юрой навещали Вику.

- Да, я вспомнила, - оправляясь и приходя в себя, проговорила Наташа.

- Это у тебя, Наташа, оттого, что ты мало на свежем воздухе бываешь, - заботливо укорила Надежда Михайловна свою невестку. И тут раздался телефонный звонок, телефонный аппарат стоял и на кухне, на холодильнике. Наташа потянулась рукою к нему, а в это время, когда звучал телефонный звонок, Сережина мама выходила из кухни в прихожую.

- Я сама возьму трубку, - сказала она и не замедлила подойти к другому телефону в прихожей. - Алло, - послышался ее голос, - да, она дома... странно... да нет же, дома... давно

это было?... Невероятно... хорошо... до вечера, Юра.

Божья Мать

Вечером, после работы, перед тем как зайти, как и договаривались, к Надежде Михайловне в гости, Божив решил посетить храм.

Юре было не по себе, хотя он и привык, уже начинал осваиваться с подобными необъяснимостями, но все равно неожиданность каждой новой встречи с ними заставила даже его настороженность врасплох.

Вот и теперь, после сегодняшнего Наташиного появления в кинотеатре и одновременного ее же нахождения у себя дома, Юра опять разволновался.

Тут же ему припомнился и разговор, его разговор с Наташей по дороге к Вике в роддом, и опять же сегодня! У самых ворот храма стоял человек, позади него стул с растрепанной и замусоленной спинкой, прислоненный вплотную к церковной изгороди.

Человек опирался на костыли, обеих ног у него не было, вместо них из-под коротких брюк на асфальте стояли две заостренные деревяшки протезов с разорванными резиновыми наконечниками.

В одной руке человек держал протянутую кепку.

Когда Божив приблизился к нему, он ужаснулся про себя: вся поверхность тела человека, не прикрытого одеждой: руки, шея, лицо - была покрыта гнойными струпьями.

Омерзение и жалость, желание помочь и отвергнуть, остановиться и пройти мимо, - и от этого Божив в нерешительности замедлил шаг.

- Помоги мне, - слюняво произнес человек, на шаривший шатким взглядом Юру. Божив полез в карман и достал оттуда рубль, положил эту бумажку в кепку, протянутую кепку человека.

- Положи... мне в карман, - сказал человек, обращаясь к Боживу.

И Юра, с внутренним отвращением все-таки, но положил невпопад, не сразу, но засунул деньги в едва отщелканный карман обтрепанной дерматиновой куртки этого калеки, рукава у куртки были некогда оторваны, и в душе ему стало гадко за свои пальцы, выполнившие это.

- Помоги мне, - опять заговорил человек.

- Чем помочь? - спросил Юра.

- Помоги мне... присесть... на стул... - будто выкорчевывая слова из глотки, прикусывая свой непослушный язык, сказал калека.

Несколько секунд Божив стоял в нерешительности, множества "нет" и "да" столпились в его душе, они расталкивали друг друга, и Божив стоял лишь потому, что он смотрел на них, он вспомнил урок Истины "о свободе прикосновений", и тогда он просто забыл об этой толпе, хотя она продолжала шуметь, толпа его чувств.

Божив схватил калеку под локти, ощутил ладонями влажные струпья, но теперь он не придавал этому значения, свобода прикосновений торжествовала в нем.

Юра отозвался на помощь с восторгом.

Но все-таки, в какой-то момент, одно из брезгливых чувств его как бы отшатнуло слегка назад голову Божива от лица калеки, ибо их лица были в это мгновение совсем рядом друг подле друга, и от того, что Божив немного подернулся назад, калека вырвался у него из рук, соскользнули его локти с подставленных ладоней Божива: изуродованный кожной болезнью калека скользнул спиной по кирпичной колонне ограды, рухнул на свой стул, и его лицо все перекошилось от боли.

- Извините, я не удержал вас, - только и проговорил Божив, едва наклонившись к стонущему человеку, но тот не слушал его, боль продолжала кривить лицо, но постепенно улеглась, и Божив, отпятившись назад на пару шагов, торопливо зашагал прочь, в храм.

Толпилось много людей, и приходилось от проталины к проталине протискиваться среди них, так в помещении храма Юра приближался к иконе Казанской Божьей Матери.

Шла большая праздничная служба: народу было так много, что мало кому удавалось отвести локоть в сторону, и от этого казалось, что каждый молящийся через невероятную

скованность движений будто украдкой накладывал на себя крест, будто стесняясь его, будто каждый незримый его крест был украденным, будто здесь, в храме, витала незримая Божья Милость, и каждый исподволь пытался принять ее в себя побольше.

Еще издали Божив заметил и признал даже со спины, среди прихожан, своего недавнего знакомого: он тоже стоял в нескольких метрах от иконы Казанской Божьей Матери.

Этот человек стал как бы поерзывать головой, словно почувствовал устремленный взгляд Божива на него.

Наконец, Юра приблизился к иконе насколько мог, и хотя прихожане на всем его пути через храм к алтарю огрызались, он все-таки сумел найти в себе спокойствие, искреннюю расположенность помолиться, теперь он стоял бок о бок с Васильевым, с тем самым Купсиком, который совсем недавно так зловеще тащил его по вечерней улице города за руку на очную ставку с Остапом Моисеевичем - таинственным Магистром "астральной шайки".

Васильев стоял в костюме и галстуке, в черных солнцезащитных очках.

Из дневников Сергея Истины Божив был уже знаком с тем, как действует зло, с тем, как невежество осуществляет свои безнаказанные расправы.

Только если невежество наказывает по дозволению Бога, оно не будет наказано последним, потому что здесь вступает в силу первородный закон Космической Справедливости, Вселенского Равновесия: "Лишнего не возьмешь, лишнего не потеряешь".

Купсик только изредка бегло накладывал на себя кресты, озираясь по сторонам, и было ясно одно, что он пришел в храм по какому-то тайному умыслу, и не исключено, чтобы сотворить наказание кому-то в миру.

- Купсик, - негромко обратился Божив к Васильеву.

- Васильев, - тут же отозвался тот.

- Здравствуй, - поздоровался Юра.

- Здравствуй, Божив... Что ты тут делаешь?

- Грязненький я, Купсик, как и все люди, очиститься пришел, покаяться перед Богом.

- Понятно, - подытожил Васильев. Разговаривая, они даже не посматривали друг на друга: их взгляды были устремлены на икону Казанской Божьей Матери. Две горки свечей на двух никелированных подсвечниках освещали Божественный Лик, пронзительно пылающий разноцветием красок, казалось, икона была не освещена свечным огнем, а сама светилась. Божив ощущал между собой и этой иконой какое-то незримое соприкосновение, какое-то напряженное пространство, и он усердно молился, и учащенно кланялся в пояс, отчего Купсик стал искоса поглядывать на него, словно Васильеву от этого соседства стало неуютно у иконы.

И тут Юру словно осенило, будто что-то заставило его внутренне заговорить с иконой, обратиться к ней: "Божья Мать Казанская, заклинаю тебя именем Бога Всевышнего и всеми именами Святых, Ангелов и Архангелов, не слушай больше словеса..." "Грез невысказанный - наполовину прощенный!"

Любое наказание происходит только по Божьей Милости, Господь наказывает или позволяет быть наказанию, привести его в исполнение лишь за грехи наши. Всем, чем ты обладаешь, можно и нужно поделиться с любым человеком из мира сего, но: грехом своим поделиться можно только с Богом! Ведь если ты расскажешь о своем грехе кому-либо из простых людей, то человек, услышавший о твоём грехе, ранее не знавший такого, будет испачкан тобою, его душа испачкается твоим грехом, невольно он будет иметь дурной пример для своей жизни, да и ты сам, каждый раз, когда будешь встречать этого человека или вспоминать о нем, или даже будет вспоминать о твоём грехе сам человек, знающий о нем, вспоминать без тебя или в твоём присутствии, каждый раз ты неминуемо будешь чувствовать, как этот грех твой высказанный постоянно обновляется воспоминанием, энергетически подпитывается.

Таким образом, ты привязал свой грех на физический план, материализовал некогда возникшую только в тебе его энергетическую конфигурацию: обронил его и спотыкаешься.

Но это если ты высказал грех простому человеку, а если же ты "обронил" свой грех в душу невежества, то оно только обрадуется этому и обязательно использует его в наказание твое, в торжество зла по Божей Милости, но все-таки во твое благо, ибо невежество: если оно само накажет тебя, а значит сотворит зло, а значит - сотворит свой грех, то все равно, когда-то, но это невежество будет наказано Господом за свой грех, также и за наказание безвинного..."Словеса невежества, обращенные к тебе, отведи от меня, все дела и помыслы, направленные на меня из лона черных магов, колдунов, наговорщиков во горе и печаль мои, во истязание моего тела и души, во смерть мою, отведи все это зло и невежество, Божья Мать, защитница моя, отведи в преисподнюю, не слушай более черных магов, колдунов и наговорщиков против меня..." договорил про себя Юра...

И случилось неожиданное: то напряжение, то чувство соприкосновения с иконой у Божива исчезло, словно образовалась пропасть, провал между ним и иконой, и Божив насторожился и даже немного испугался этого.

"Я что-то не так сказал?" - снова мысленно обратился Божив к иконе.

И в следующее мгновение Юра едва удержался на ногах, потому что незримая сила его потянула к иконе, увлекла так резко и неожиданно, что он пошатнулся вперед, и тогда Божив стал усердно креститься, а его душу, чувства и помыслы с невероятным устремлением будто уносило в бездонную космическую глубину иконы.

И теперь случилось такое, от чего Божив молниеносно припомнил ту, своеобразную "тайную вечерю" с Остапом Моисеевичем и Купсиком, ибо Купсик в единый момент будто надломился от иконы, отшатнулся от нее и не замедлил раствориться в толпе, покидая храм.

"Вы, Купсик, рог от дьявола, надломленный, вас отведет Божья Мать", - вспомнились Боживу его гадальные слова, его предсказание.

* Часть седьмая ПОЧЕРКОМ ИЗИДЫ *

Это принадлежит...

Пришел Божив, и Надежда Михайловна озабоченно посмотрела ему в глаза в прихожей, она очень уважала его и всегда верила ему, но сегодня ей очень хотелось, чтобы он ошибся...

Им никак не удавалось, и Боживу, и Надежде Михайловне, остаться наедине, чтобы переговорить: ведь Наташа слышала разговор, их телефонный разговор, неотступно находилась рядом с ними в этот вечер.

И мама Сережи Истины, и Юра переглядывались, долго переглядывались, и им неуютно было чувствовать себя заговорщиками.

А Наташа сама себя ощущала третьим лицом, но уйти в соседнюю комнату была не в силах, а может, и ушла бы, да Сабина уже спала, а предлог тоже отойти ко сну был гораздо мучительнее, нежели остаться здесь, среди безмолвного разговора о ней, который она улавливала в переглядах Надежды Михайловны и Божива: к чему уходить и неминуемо прислушиваться, лучше уж честно присутствовать рядом, все-таки определила для себя Наташа.

Шло обычное чаепитие и разговоры о предметах и действиях.

Надежда Михайловна всегда была честным человеком, и для нее всегда означало слово "скрывать" - значит убивать! Да!.. Что ты скрывает, то убил...

Ты убил движение, ибо, скрывая, ты удерживаешь, а кто вправе убить движение? Никто, даже Господь, ибо Господь сам суть движение, разве может Господь убить сам себя, не был бы он тогда Богом, а убийцей, а значит, человек скрывающий есть убийца, он покушается на Бога, и его надо судить, и наказание неминуемо.

Есть одно на свете, чего не может сотворить даже Господь, единственное и неизблемое: Бог не может убить сам себя, а значит, скрыть, остановить... движение. Надежда Михайловна не выдержала.

- Наташа, - сказала она, проговорила внезапно посреди словесной замусоренности вечера, и ее обращение прозвучало как готовность к наведению порядка, она больше не хотела отворачиваться, когда Наташа смотрела ей в глаза. - Наташа, повторила она еще раз в

пространстве молчания, когда приумолк и Божив, Надежда Михайловна была философом и, может быть даже, одним из тех единственных философов, которые верили в то, что говорили и писали.

Несколько секунд после отзвучавшего "Наташа" даже тишина молчала, даже она прислушалась.

- Да, - прозвучал коротко голос Наташи.

- Но ты же была дома, - медленно подбирая слова, будто предлагая вернуться к такому необходимому и здравомыслящему, устоявшемуся и правильному "нет", сказала Надежда Михайловна.

- Да, - снова ответила Наташа.

Божив молчал, он еще многое не усвоил из уроков Истины, но из его дневников теперь для Юры обозначилось одно: молчи, и слушай, и жди, когда предложат слушать тебя.

- А как же ты могла... - заговорила было Надежда Михайловна, но осеклась, ибо в единый момент поняла не имеющееся право свое на такой вопрос.

- Могла, - не подыскивая слов, ответила Наташа, даже не пытаясь как-то защищаться.

- Ты сегодня видела Сережу? - наконец-то проговорил Божив, отодвинутый, отштрихованный молчанием.

- Сережа не узнал меня, - ответила Наташа.

- Наташа, где ты его видела? - серьезно сказал Надежда Михайловна.

- Он работает в кинотеатре.

- Наташечка, там сейчас работает Юра.

- Я знаю, и Сережа тоже.

- Надежда Михайловна, - вмешался Юра, - Наташа просто устала.

- Да, я устала. Я и в самом деле устала, Надежда Михайловна. Извините, Юра, я пойду прилягу.

Наташа ушла к себе в комнату.

Юра и Надежда Михайловна некоторое время сидели молча.

- Ты знаешь, Юра, - заговорила Надежда Михайловна, - а ведь Наташа не больна, и она вовсе не устала... умом, ты понимаешь, о чем я говорю.

- Да, конечно, Надежда Михайловна.

- И эта "Сказка о любви", - как бы рассуждая вслух, сказала Надежда Михайловна задумчиво.

- А что значит "Сказка о любви"? - поинтересовался Божив.

Но тут неожиданно раздался телефонный звонок, и Надежда Михайловна сняла трубку.

- Алло, - сказала она.

- Алло, Надя, добрый вечер, это Алексей, у меня мало времени. Завтра с утра созвонимся и встретимся, ты не возражаешь? Слушай Алексей, - взволновалась Надежда Михайловна, - завтра само собой, скажи одно ... рукопись?!

- Да. Это принадлежит Сереже.

Смерть?

В эту ночь Божив долго не мог уснуть: он медитировал, выполняя астральное дыхание.

Именно сегодня Юра понял одну закономерность - астральное дыхание нельзя делать непосредственно перед сном: энергетика должна уложиться, а для этого требуется определенный промежуток времени, чтобы освоить ее, должна наступить энергетическая осмысленность.

Ранее Божив всегда выполнял это дыхание за час, полтора до сна, и теперь ему стало ясно, необходимо, выполнив дыхание, забыть о нем, а это нелегко дается человеку за короткий промежуток времени. Час, полтора - подходящий отрезок.

Сегодня Юра, основываясь на дневниках Истины, твердо решил выйти в Астрал, он просто подумал об этом уверенно и постарался не привязываться к этой мысли, забыть о ней, осуществил установку.

Долго, вперемежку с медитациями на диване, он плавно ходил по комнате взад и

вперед, словно проплывая среди земных форм, ни в чем не сдерживая свои мысли, чувства, ощущения, свое физическое тело воспринимая как телесную одежду.

Он смотрел как бы со стороны на свои мысли и чувства, все шумы, если таковые доносились с улицы, Юра слышал как некую бесформенную энергетическую массу, и он совершенно не осознавал ее.

Не задумываясь для чего, по первому желанию он прикоснулся к предметам своей комнаты, и в сознании своем находил их объемную предметность иллюзорной.

Божив, словно некая мысль, главенствующая, умеющая мыслить самостоятельно, осмысливал пространство комнаты так, будто это он размыслился вокруг: и шкаф, и люстра и стол, и кресло все, что находилось в комнате, было взмыслено Боживым, это был он сам.

Таким образом Юра осваивал свободу прикосновения, зарабатывал астральное состояние. Немало времени он уделил и рассмотрению своих астральных рук.

Закрыв глаза и расслабившись в кресле, Юра воображал свои земные руки и выполнял ими различные движения, ощущал ими всевозможные поверхности, открыл глаза и ощупывал астральными руками различные отдаленные предметы.

Божив знал, что видение астральных рук и умение манипулировать ими одна из важных работ свободы прикосновений в подготовке к выходу в Астрал.

Немало Юра уделил внимания своим энергетическим отрывам от земного тела - самостоятельности воображения: продолжая сидеть в кресле, Юра кувыркался вперед и назад, делая полные обороты в своем видении, также вращался по кругу, вправо или влево.

Потом Божив лег на диван на спину и основательно расслабился, ни единая его мысль не имела напряжения, труднее всего всегда оказывалось расслаблять глаза.

Юра ушел в позвоночник: "Я - позвоночник, я не есть это тело", - взмыслил он установку про себя. Как бы отталкиваясь от самого доньшка объема земных своих ног, Юра начал как бы ужиматься к темечку, подтягиваться через весь объем своего земного тела, и те части тела, в которых уже не было его ощущений и мыслей, он просто забывал, их больше не было для него, они словно растворялись, будто никогда и не существовали в его сознании.

Одновременно его внутренний взгляд, остановленный, улавливал всевозможные красочные образы, они были объемны и настоящи, и воображение Божива разглядывало их со всех сторон, и также одновременно Юра смедитировал свой слух в темечке, он как бы слушал темечко и возникающий в нем ветер.

И вдруг, в одно единое мгновение Божив осознал себя только внутри своего земного тела, в этот момент он абсолютно забыл все на свете, там, за поверхностью его земного тела, которое он теперь воспринимал как некий энергетический объем, Божив не мог помыслить о пространстве, а тем более о каких-либо предметах в его просторах, не ведал он, где находится в это время, напроць он забыл о мире, точно его и не было, так же забыл, как он забывал части своего земного тела, подтягиваясь к темечку.

Рельефно вычерчивая позвоночник, Юра стал пытаться отделиться от своего тела, он продолжал вслушиваться в нарастание взветренного шума, и в конце концов, он стал этим взветренным шумом, и словно вспыхнул ветром весь объем его земного тела, и теперь Юра стал как бы бесформенным, вытянутым сгустком ветра, который еще ко всему был самым воплощением некоего необъяснимого гула.

Так продолжалось недолго. Полностью осознавая самого себя, Божив силился, возмутительно желал выхода в Астрал! Во мгновение ветреный сгусток, ожесточенно колеблющийся и вибрирующий, с гулким шумом рванулся с места, но тут же возвратился обратно, и Юра снова вначале ощутил себя внутри объема земного тела и потом, сколько ни пробовал, не смог повторить выхода.

"В момент выхода нельзя желать самого выхода, вспомнилось ему из дневника Истины. - Само желание выхода в Астрал это самая коварная, но последняя привязка к физическому плану.

Дальше ожидает страх, и лишь потом восторг картинной галлерей Астрала".

"Какое растворение всего, какой невероятный полет взветренного гулкового потока, это и

есть... смерть?" - подумал Божив и только часа через два уснул.

Было...

На следующий день Божив проснулся рано, и хотя сон его был непродолжительным, но все его тело звучало восторгом души: вчерашний отпечаток памяти о выходе в Астрал торжествовал в каждом его движении.

В последнее время, читая и перечитывая дневники Истины, Юре очень хотелось познакомиться с кем-либо из учеников Корщикова.

Именно сегодня Божив решил посетить областной Дворец Здоровья, разыскать психофизиолога Олейникову Аню, близкого человека Саши Корщикова, познакомиться.

Почему именно сегодня? Потому что Юра долго готовился, ожидал своего первого астрального выхода, ему не хотелось общаться на ощупь, и он знал, что истинно понимать можно только понимающего себя. В Боживе радостно высился Человек-Ветер.

О Саше Корщикове Юра знал очень мало, ему известно было только то, что Саша некогда непродолжительный промежуток времени являлся первым учителем Истины и что именно он предложил Сереже для постижения Священную Книгу Тота, также Божив знал, что Корщикова уже нет в живых и что его смерть была удивительно необъяснимой, и то, что у Саши при жизни имелась написанная им некая работа по энергетике, она и притягивала Божива познакомиться с Аней: "Работа Корщикова должна быть у нее", - предполагал он.

Отыскать Олейникову Аню не составляло особого труда, ко всему прочему, ее фотография висела на первом этаже Дворца Здоровья на Доске Почета, и неведомо как, когда Юра прохаживался по фойе этажа, его взгляд остановился именно на этой фотографии.

Оставалось подняться на скоростном лифте на шестой этаж и спросить у дежурного отделения психофизиологии, в какой комнате работает Аня.

Олейникова находилась в шестьсот двенадцатой...

Юра не замедлил постучаться в комнату и приоткрыть дверь.

- Можно войти? - спросил он.

- Пока занято, - ответили ему.

- Извините, я хотел бы видеть Олейникову.

- Это я, - ответили Боживу, - проходите, присаживайтесь в кресло, но несколько минут вам придется подождать. Вот, Олейникова предложила Боживу, когда тот уселся в кресло, полистайте пока журнал. Юра разлистнул разноцветный журнал "Америка" и не спеша стал рассматривать красочные иллюстрации. Между Олейниковой и каким-то молодым человеком шел разговор. Божив исподволь улавливал его.

- Да нет же, вы меня никак не хотите понять, возмутился молодой человек.

- Ну почему же... Это вы что-то не так воспринимаете. Вы правильно сделали, что пришли к нам, в чувстве интуиции вам нельзя отказать, в вас нарушена энергетическая конфигурация, замусорены определенные протоки в области между лопаток на протяжении позвоночника, и даже не исключено, что до самого затылка.

- Откуда вы это можете знать? - не унимался молодой человек.

- Но я же только что зондировала вас прибором.

- Это вот эти железки?.. - И молодой человек указал рукой на стол.

- Ну да, как бы вы их ни называли, но они четко работают.

- При чем тут спина?! Я же вам сказал уже - у меня ангина, простуды замучили!

- Извините, - вмешался Божив, - но вы не правы.

- Почему это я не прав?! - сказал молодой человек, нервно повернувшись в сторону Божива, словно слегка огрызнулся.

- Да потому, что энергетика - это основа вашего здоровья, и ангина, и все, как вы выразились, простуды результат ваших неправильных мыслей, - и Олейникова бросила внимательный изучающий взгляд на Божива.

- Что вы меня сразу начинаете оскорблять, откуда вам знать, как я думаю? Один мой товарищ тоже об этом все время долдонил и долдонил и доигрался...

- В каком смысле? - спросил Божив.

- Спит, в летаргии теперь.

Божив заметил, как Аня насторожилась.

- Простите, как его зовут, вашего товарища? поинтересовался Божив.

- Сергей.

- Он работал директором кинотеатра?

- Да, вы откуда знаете?

- Я его друг из Москвы.

Молодой человек приумолк, но в следующее мгновение оживился:

- Вы Юра Божив?

- Да.

Аня отошла к окну и смотрела вниз на дорогу, она о чем-то задумалась.

- А вы ведь тоже знаете Сережу Истину, - внезапно обратился Божив к Олейниковой, - и знали Корщикова. При упоминании о Саше Аня едва уловимо вздрогнула, а молодой человек, до сего времени смотревший на Божива, пытливым взглядом окинул своего врача. Аня повернулась к ним лицом. Ненадолго в кабинете наступило молчание.

- Извините, - заговорил Божив, обращаясь к молодому человеку, - вы тот самый Павел Мечетов? Сергей много рассказывал о вас, я даже читал некоторые ваши рассказы и стихи.

Мечетов застеснялся и опустил глаза.

- Вы давно из Москвы? - негромко задала вопрос Аня Боживу.

- Не один год, как я живу в этом городе.

- Как сейчас Сережа? Я давно не была у него.

- В двух словах не скажешь, но официально спит.

- Что значит "официально"? - возмутился Мечетов.

- Я у него на прошлой неделе был, все та же летаргия.

- О Корщикове вы узнали от Сережи? - поинтересовалась Аня.

- Из его дневников, из них же я узнал и о вас.

- Да, - задумчиво произнесла Аня, - теперь я понимаю, зачем вы пришли, - вам нужна работа Корщикова.

- Мне необходимо с ней ознакомиться, если, конечно, это возможно. У вас она есть?

- Есть, - сказала Олейникова, а Мечетову ничего не оставалось, как поглядывать то на нее, то на Божива, замысловатый разговор заинтересовал его, и он силился его понять.

- И вы можете дать ее почитать мне, хотя бы на время?

- Приходите завтра часиков в двенадцать, она у меня дома, я принесу. Сможете?

- Смогу, - подтвердил Юра.

После небольшого разговора об Истине Божив собрался уходить, но, прощаясь, он поинтересовался у Ани, продолжает ли она занятия, и услышал ответ: "Было... Это когда-то было", печальный ответ, после которого Божив ушел, а Мечетов увязался за ним.

Есть кому!

Екатерина Васильевна всегда оставалась в земном теле Гриши, когда я выходил в Астрал, потому что председатель ушел, и у меня еще не было возможности, чтобы отыскать его по астральным следам воображения, но и продолжать жить в земном теле кооператорщика неопределенно долгое время я больше не мог.

Наступило критическое время, и я искал выход: оставить Гришино физическое тело означало не что иное, как его смерть, а не покинуть его - приближало конфликтные перспективы.

Оставалось одно - все-таки уйти, но замена, требовалась некая сущность, которая согласится занять временно Гришино воплощение - физическое тело. С ведьмой мы долго думали, кто же?

Отчаявшись, я решил посетить сорок пятую камеру городской тюрьмы в низшем астральном плане. Людочка!

Почему-то мне показалось возможным рассчитывать на ее помощь, потому что я вспомнил некогда прозвучавшее предложение ее астрального тела об этом.

Сгусток моего астрального воображения незримо завис в углу под потолком сорок пятой камеры, поодаль от решетчатого окна.

Арестанты спали на нарах. Ночь... Решетчатая лунная дорожка протягивалась по полу всей камеры.

Я намеревался разбудить Людочку и уже приготовился выполнить это: войти через фиолетовую чакру земного тела женственного утонченного заключенного и плавно помочь его астральному телу осуществить выход, я знал, что сейчас, во время сна, это астральное тело связано с физическим легкими энергетическими прикосновениями и для меня не составит никакого труда увлечь его за собой в астральный мир, и оно, едва покачнувшись, окутанное ветренным ореолом, сотканным из оборвавшихся ощутительно-чувственных энергетических нитей привязок воображения, проделает предложенный путь.

За световой день, и вообще за период бодрствования, нашему астральному телу так вскруживает голову земное воплощение, что оно удивительно прочно верит в его иллюзорность, как в неподкупную праведность, истинную подлинность его существования, оно увлекается его наслаждениями, но и утомляется его усталостью и, подчас, болью, и потому, отходя к так называемому сну, астральное тело словно отпускает своеобразные вожжи, энергетическую связь со своим земным телом, чтобы отдохнуть, побывать в созерцательном одиночестве: оно отделяется, обособливается, чтобы залечить язвы привязок своего воображения, этим самым восстановиться.

Но не каждый человек, не каждая человеческая сущность может полностью восстанавливаться, абсолютно порывать со своим земным телом в течение сна, отсюда приходят и накапливаются: многолетняя усталость, преждевременная старость и множество болезней.

Только та человеческая сущность способна выйти в Астрал или приобщиться к астральному видению, которая умеет в единый момент отделиться от своего земного воплощения и забыть о нем.

Я еще не определил для себя, не было времени, почему Людочка, ее астральное тело, не могло выходить в Астрал самостоятельно, но так легко поддавалось воздействию инородной воли и покидало свое земное тело, словно оно никогда не принадлежало ему.

Это я успел осмыслить только сейчас. Неожиданно, в самое последнее мгновение, перед моим устремлением воздействовать на астральное тело Людочки, до меня донесся чувственный разговор, насколько я понял, это общались две астральные сущности, возникшие тоже в сорок пятой камере, но я их не видел.

- Что это вы решили сегодня прогуляться со мной?
- От безделья.
- Гы-гы, тоже скажете, у вас ни одного движения лишнего нет.
- Ладно, это моя забота.
- Может, сами это сделаете?
- Не хватало еще, чтобы я тебе девочек подавал. Иди, я тебя подожду здесь.
- И все-таки, почему вы сегодня со мной? Га-гы...
- Чтобы подчиненные всегда оставались таковыми, к делу их иногда надо подводить за ручку или собственным примером.
- Так, может...
- Я уже сказал, иди сам.
- Конечно, пойду, я...
- Пшел, сказано тебе, надоел!

И в следующее мгновение увидел я обоих: Это были Остап Моисеевич и Купсик! Я испугался... "Сейчас они меня увидят, и Бог весть куда повернется моя астральная судьба", - обреченно подумалось мне. Но удивительно, они совершенно не замечали меня! И тут-то я понял почему: мне уже удалось в некоторой степени укоротить, пресечь астральную волю дьявола, ее энергетические проявления, в разлуке двух влюбленных, которых мне удалось спасти, в бедах Игоря Золотова, прекращенных исправлением печаток, и, наконец, гибель

сатанинского художника по воображению Божива, при помощи ведьмы Екатерины вот почему укрепилась моя астральная воля и, как следствие этого, моя защитная реакция, моя невидимость сейчас, при появлении членов астральной шайки.

Нет, конечно же нет, я еще не смел гарантировать свою окончательную победу или сколько-нибудь основательную, вряд ли могло бы мне еще удастся вернуться в свое земное тело, на такую степень силы уже рассчитывать было нельзя, но я неминуемо почувствовал, что самостоятельность, прочная подвижность моего астрального воображения увеличилась, стала более податлива мне во встречах с астральными проявлениями.

Купсик приблизился к области живота Людочки, мне это было знакомо и неприятно. Он забрался в земное тело утонченного арестанта, и вскоре случилось совершенно неожиданное для меня.

Астральная сущность Остапа Моисеевича бросилась к темечку заключенного. "Оба хотят войти", - подумал я.

Но нет, события развернулись иначе.

Остап Моисеевич энергетическим взмахом своего воображения выдернул астральное тело Людочки из недр земного воплощения, в суете оттолкнул его от себя в сторону.

- Посидишь там, - взмыслил он, обращаясь в глубину темечка, - я тебя научу, как брать лишнее, - и он расхохотался и отплыл в сторону, астральное тело Людочки в это время зависло возле меня.

- Нет!.. Я не хочу сидеть здесь, - разъяренно завопило земное тело Людочки - утонченного арестанта, оно, обезумевши, вскочило с нар так, что рядом лежавший Пахан чуть не свалился на пол, и стало растерянно метаться по камере, подпрыгивая и хватая что-то в воздухе.

- Нет! Нет, я прошу вас, Остап Моисеевич! - кричало оно, рыдая. - Не оставляйте меня! - Вскочил и Пахан.

- Что за паскудность?! - проорал он на любимого заключенного.

- Крыша поехала, - тихо сказал Косой.

Остап Моисеевич неистово, дьявольски хохотал, а ко мне пришла неожиданная идея: пока Магистр увлечен своей жертвой, астральным наказанием провинившегося подчиненного, надо увлечь Людочку, ее сущностный астральный сгусток в область своей невидимости, я почувствовал, что мне это под силу, тут же воплотил свою задумку.

Остап Моисеевич продолжал хохотать, но почему-то уже озираясь по сторонам, видимо, он выискивал астральное тело арестанта, но, насколько я понимал, с каждым последующим мгновением Магистр не видел и его, как и меня.

Это обрадовало меня и доставило некоторое удовлетворение отмщения, но я понимал и другое: Остап Моисеевич может применить выход созерцательного просмотра всевозможных близлежащих энергетических конфигураций, и даже невидимых, и потому я решил не искушать свою судьбу недолгой победой и поспешил увлечь астральное тело Людочки, которое уже поняло, в какой ситуации оно находится, увлечь за собою, укрыть от непредвиденных посягательств.

И тогда, когда я и Людочка уже унеслись далеко от опасного места и остановились у лесной комнаты Екатерины, у самого темечка Гриши, я предложил неожиданному спутнику укрыться со мною вместе в земном теле кооператорщика. Испуганная Людочка тут же согласилась на это.

Улики

В контрасте сознания и расплывчатого видения вокруг себя земных предметов, Божив пришел на работу рано, он не спал всю ночь: вчера вечером Вику выписали из роддома.

Юра уже заметил, что в сонливом состоянии он всегда лучше воспринимает и понимает.

Читая рукописи Истины, он всегда примерял их на себя, он словно проходил их школу не только в размышлении, но и в практике, и он знал: ширина медитационного луча каждого человека в его сношении с миром различна.

Один в разговоре слышит только себя, другой слышит и себя, и собеседника, и как птички поют вокруг или звенит вода, или рычат машины, а третий слышит, своеобразно лавируя и управляя своим медитационным лучом, ему доступно своеобразно перебрасывать этот луч во мгновение в любом направлении.

Каждый день медитационный луч нашего сознания различен по своей объемности. Вот почему не каждый день мы имеем возможность воспринимать что нам хочется, вот почему мы так часто абсолютно равнодушны ко всевозможному разношумью, разнозвучью вокруг и запросто выполняем какую-то работу, слыша и видя только ее, и вот почему тоже немало часто мешает нам производить какое-то дело даже самое малое: чей-то сторонний далекий разговор, неразборчивый шепот, музыка, присутствие человека, людей, предметов, позвякивание посуды на кухне, чье-то шарканье подошв в прихожей - и мы уже раздражены, все это вспыхивает в расширенном луче нашего медитационного сознания и слепит нас как встречный свет, когда мы рискнули вести автомобиль нашего дела, приходится постоянно прищуриваться в чувствах и ощущениях, мыслях, чтобы не упустить, разглядеть дорогу, но все равно, скорость нашего продвижения в такой день невысока.

Не мучайте себя, люди! Когда не делается малое в большом, отдайтесь большому, когда не делается большое в малом, отдайтесь малому.

Вот и сегодня Божив, как только проснулся, убедился в том, что ныне он не может воспринимать мир расширенно, объемно, его медитационный луч сознания словно лезвие бритвы медленно передвигался в своем радиусе, и, может, еще поэтому, когда его сознание по существу не управляло всевозможьем вокруг, насколько это было ему возможно по опыту, и возник его первый, наиболее существенный конфликт с жизнью на Земле: еще в малом фойе его встретила Зоя Карловна и, вежливо повиливая глазками, подала ему в руки повестку, где значилось - вызов товарища Божива в отделение милиции на предмет беседы с капитаном Дубининым о смерти художника. Явка обязательна, в противном случае...

И Юра тут же покинул кинотеатр и направился по полученному адресу. Дубинин крепко сидел за своим рабочим столом, с минуту не приглашал он Божива присесть.

После краткого обмена приветствиями капитан продолжал разглядывать какую-то бумагу. Наконец, Дубинин словно опомнился, словно прочел в конце этой бумаги "товарищ участковый, к вам пришли".

Тогда он тут же оторвал свой взгляд от листка, и его губы надломились в снисходительной улыбке: глаза в глаза смотрел теперь Дубинин так, словно достаточно ему только нажать кнопку, и Божив растворится.

- Что ж, садитесь, товарищ Божив, - в услужливой надменности сказал Дубинин.
- Спасибо, Василий Васильевич, - ответил Божив, усаживаясь на стул.
- Вы что-то хотели уточнить по поводу художника?
- Вы меня недооцениваете, Юрий Сергеевич, пожалуй, все уже уточнено.
- Что значит "уточнено"? Зачем вы тогда мне голову морочите, вызываете сюда.
- Вот, - тут же будто отпарировал Дубинин, протягивая листок бумаги директору кинотеатра, - прошу вас подписать расписку о невыезде, - вы подозреваетесь в убийстве, в убийстве художника кинотеатра нашего города.

Юра ничего не ответил. Подписал бумагу, поданную ему, и сразу же, слегка взволнованный, возвратил ее обратно.

- Вот так-то оно будет надежнее, Юрий Сергеевич.
- А что же вам не дает права арестовать меня сейчас? раздумывая, медленно проговорил Божив.

- Все против вас, все улики налицо, остается разоблачить ваше, на первый взгляд, железное алиби, но оно на первый взгляд железное, уверен, что все прояснится, Юрий Сергеевич.

- Постойте, но каковы же улики?
- Имеются очевидцы убийства, они подлинно подтверждают вашу внешность, без сомнения - убивали вы, очная ставка еще будет, но это чистая формальность, не сомневайтесь.

А вот ваши отпечатки пальчиков и ваши следы можете считать что уж подали заявку на ваше заключение в тюрьму, - язвительно сказал Дубинин, и снова линия его губ надломилась в надменной улыбке.

- Вот так-то, Юрий Сергеевич, - добавил капитан.

Ноль три

Теперь наступало время, когда все более или менее начинало проясняться, по крайней мере проявляться в направлениях развития. Когда я помог укрыться Людочке от непредсказуемой агрессии Остапа Моисеевича в земном теле Гриши, мы все: Екатерина Васильевна, Людочка и я пришли к единому мнению о дальнейшей судьбе кооператорщика, его телесной оболочки, и с тем я и направился в Лесной поселок в кинотеатр к Боживу.

Предварительно я созвонился с ним, и он рассказал мне по телефону, что находится под подозрением в убийстве художника и потому попросил меня проявить максимум осторожности и конспирации: "Не исключено, что за мною следят", - предупредил он.

Коротко я посоветовал Юре успокоиться и объяснил недоказуемость его вины, ибо и в самом деле, алиби директора кинотеатра, его присутствие на рабочем месте в злополучное мгновение убийства неопровержимо, и потому, как бы ни старалось соответствующее следствие, ему никак не удастся логически состыковать одновременно нахождение так называемого подозреваемого в двух местах, разделенных между собой сотнями километров, но все-таки подтверждаемых абсолютно здравомыслящими, психически нормальными свидетелями.

Итак я и Юра договорились встретиться...

- Молодой человек, вы к Екатерине Васильевне? окликнула меня уборщица кинотеатра Марина Ивановна, а я уже намеревался открыть дверь кабинета Божива, но приостановился и оглянулся.

- Нет, мне нужен директор, он здесь? - спросил я в свою очередь.

- Туточки он, Юрий Сергеевич, - отзывчиво сообщила старушка, - а я думала, вы к Екатерине Васильевне, ее нет.

- Я это знаю.

- А вы ей кто приходитеесь?

- А вы, - спросил я Марину Ивановну, - вы кем ей приходитеесь?

На мгновение старушонка опешенно задумалась.

- Х-м... Как же это... - подыскивала выражение она, ну-у... я ее знаю, - выпалила Марина Ивановна и обрадовалась тому, что нашлась, что ответить.

- Это хорошо, - подтвердил я, - я тоже ее знаю, - и с этими словами я скрылся в кабинете Божива. Божив нетерпеливо ожидал моего прихода, и потому, как только я вошел в кабинет, он, окинувши беглым взглядом Гришино земное тело, тут же спросил:

- Сережа?

- Да, это я, - не замедлил с ответом я. Юра едва улыбнулся, он встал и вышел из-за стола мне навстречу, но в двух шагах остановился в нерешительности; трудно ему было поверить в такую трансформацию человеческой сущности. Я сам преодолел расстояние между другом и обнял Божива.

Я почувствовал, как он пугливо вздрогнул всем телом, но продолжал настороженно молчать и лишь через несколько секунд, будто очнувшись от утомительного размышления, тоже обнял кооператорщика.

- У нас не так уж и много времени, Юра, - убедительно сказал я другу на ухо.

- Я закрою дверь на ключ, - предложил Божив.

- Хорошо, так будет спокойнее, - согласился я. Медленно наши руки опустились, и наше объятие распалось. Юра пошел и запер дверь в кабинет, сразу же вернулся к себе на рабочее место, а я присел рядом, на стул возле сейфа, и облокотился на знакомый полированный стол.

- Что будем делать? - заговорил Божив.

- В общем так, слушай меня внимательно, Юра, как ты уже понял, я не бездействовал и

кое-что мне уже удалось: астральная воля Остапа Моисеевича усечена в некоторой степени, больше того, его подручный Купсик, ты с ним знаком?

- Васильев? Знаю лично.

- Так вот, Купсик сидит в тюрьме.

- Божья Мать, - медленно проговорил Божив, - все осуществилось, как я увидел.

- Астральное видение? - поинтересовался я.

- Нет, этот мерзавец, Остап Моисеевич, попросил меня погадать на кофейной гуще Васильеву.

- Понятно... Так вот, я продолжу, заключение Купсика само собой неожиданно предложило мне выход, я совсем было уже зашел в тупик в размышлениях об этом моем сегодняшнем земном теле... как с ним поступить.

Но все в порядке, есть кому понаходиться в этом земном воплощении председателя кооператива. Долго объяснять не буду, да это пока и не суть важно, короче, некий арестант, в земном теле которого сейчас присутствует Купсик в сорок пятой камере городской тюрьмы, согласился мне помочь: он займет мое место.

- А что же будет с тобой? - заволновался Юра. - Снова астральное заключение?

- В немалой степени пока да, но, если ты будешь не против облегчить мою последующую жизнь, то иногда я буду пользоваться твоим телом.

- Господи! - воскликнул Божив. - Да кто же против?! Мое тело полностью к твоим услугам.

- Спасибо, друг. А о своем существовании на то время, когда я буду овладевать твоим телом, можешь не беспокоиться, есть одна астральная библиотека, моя библиотека, в которой ты неплохо проведешь часы дальнейшего совершенствования по энергетике и Космическому Сознанию.

Да и потом, я не думаю, чтобы тебе пришлось скучать: в большинстве случаев, мне думается, все-таки, что ты будешь помогать мне работать здесь, на физическом плане из Астрала.

Вдвоем-то мы быстрее поставим на место астральную шайку.

- Да, конечно, же, Сережа, ты прав, я обязательно согласен, только вот не пришлось бы и мне оказаться в земных застенках...

- Ты все-таки беспокоишься о гибели художника?

- Вика родила, она уже дома, - задумчиво сказал Божив.

- Я понимаю тебя, но еще раз гарантирую самым крепким образом: недоказуемо! Твое алиби совершенно, улики его не смогут преодолеть, нет на Земле еще уголовных законов по энергетике и Космическому Сознанию.

- Я верю тебе, Сережа, и все-таки знобит меня от моего воображения.

- У страха глаза велики, не будем больше об этом.

- Да, верно, достаточно. Значит, говоришь, Купсик в тюрьме, а заключенный из сорок пятой согласился тебя заменить?

- Именно так, но здесь есть один не очень приятный нюанс, в котором ты мне сегодня должен помочь.

- И что же это? Что мне необходимо сделать? Я согласен на любую грязную работу.

- Твои действия скорее будут деликатными, Юра. Правда, придется сыграть роль, но иначе нельзя.

- Хорошо, объясни в чем дело, сценарий.

- Ты знаешь, Божив, это от нас не уйдет, это мы обязательно выполним в конце моего посещения.

- Как скажешь.

Мы немного помолчали...

- Сергей, - первым заговорил Божив, - я тебе должен кое-что сказать о твоём учителе.

- О Корщикове? - переспросил я.

- Иване, - определился Юра.

- И что же?

- Совершенно случайно я узнал, что он тебе помогал.

- Та-ак, - задумался я, - а что тебя в этом беспокоило?

- Насколько я понял из твоих дневников, Иван обладает не меньшей астральной силой, нежели Магистр, Остап Моисеевич.

- Это верно, и я начинаю понимать, что ты хочешь этим сказать, ты имеешь в виду, почему он мне не поможет освободиться от летаргии?

- Разве для него сложно?

- Для него труда нет, но это сложность моя, я ее сложил. А вот насчет того, что я был под постоянным присмотром Ивана, я не ожидал узнать.

- Так ты ничего не знал? - удивился Божив.

- Нет, я в самом деле ничего не знал, - сказал я и немного призадумался, проговорил вслух, словно для самого себя, - это нехорошо, Иван... получается неправда... Да-а... Но почему?

- Сергей!

- Что? - тут же опомнился я.

- Не исключено, что тело этого кооператорщика скоро начнут разыскивать.

- Я в этом не сомневаюсь... Его семья, товарищи по фирме, вскорости они и в самом деле заподозрят исчезновение, потому я сегодня и здесь.

- Нет. И это тоже, но... есть еще и другие обстоятельства.

- Какие же?

- Скажи, ты был у Наташи?

- А ты откуда знаешь?

- "Сказка о любви".

- Вот оно что... Наташа догадалась?

- Нет, совершенно случайно ее прочел один товарищ твоей мамы, друг ее детства, он криминалист, Алексей Константинович...

- Понятно.

- Свеженаписанная рукопись была датирована прошедшими годами.

Заострилось молчание...

- Наташа тоже знает? - обратился я к другу.

- Она не знает... С ней вообще творятся непонятности.

- В каком смысле?

- Если бы не обстоятельства времени, я бы вообще мог сказать, что она бредит одержимо печалью разлуки с тобою. Меня это заинтересовало.

- Что ты имеешь в виду под обстоятельствами времени? осведомился я.

- Небольшая загвоздка вышла, и, честно говоря, я сам виноват; поспешил, необдуманно поступил: Наташа приходила сюда, в кинотеатр, совсем недавно, и в это же самое время, как выяснилось, она была дома. Здесь, в кабинете, она почему-то ожидала встретить тебя и выглядела, мягко говоря, в растерянном ужасе, если не сказать безумно, и эти обстоятельства уже известны твоей маме.

- Спасибо, Юра, я постараюсь со всем этим разобраться. Конечно же, тебе было бы лучше не выставлять Наташу перед мамой...

- Извини, но я сам испугался и потому поспешил.

Теперь снова на некоторое время мы замолчали...

- Кое-что я у тебя хотел уточнить, Сережа, - сказал Божив. Я отзывчиво посмотрел другу в глаза.

- Скажи, Созерцатель... кто это?

- В двух словах будет сложно объяснить даже то, что мне известно о нем, поверь, не все пока доступно и мне, но прежде... откуда ты об этом узнал?

- Магистр сказал, что по разрешению Созерцателя было не допущено помешать Ивану тебе помочь.

- Так, еще одно то, о чем я не знал. Хорошо, с этим я тоже сам разберусь... - сказал я, немного подумал и повторил:

- Созерцатель, - и я оживился, - это некое существо, насколько я понимаю, обладающее мощным источником Космического Сознания, ему подчинены все и все, но, в отличие от Бога, он является как личность... Пожалуй, больше сказать я пока не могу, разве что добавить последнее: Созерцатель ни на чьей стороне.

- Знаешь, Сережа, - резко вдруг поменял тему разговора Божив, - мне кажется, хорошо было бы, если бы ты навел на Наташу и постарался объясниться. Думаю, что я смогу тебе в этом помочь. Это меня тоже мучило и озадачивало, и потому в несколько минут я и Юра оговорили вопрос и некоторые детали моего посещения Наташи. Вскоре приблизилось самое главное, наступило время прощаться.

- Теперь, - сказал я, и в моем голосе прозвучали нотки итога, интонация окончания, - нам пора завершать, ты сейчас, Юра, снимешь телефонную трубку и вызовешь "скорую помощь". Божив слушал меня внимательно, - объяснишь врачу, что с посетителем кинотеатра, то бишь со мной, случилась неприятность, подозрение на помешательство. Остальное беру я на себя, постараюсь оправдать предполагаемое директором кинотеатра.

- Ясно, - печально отозвался Божив.

Пожар

Только что спеленутого в рубашку для буйных сумасшедших председателя кооператива утащили из кинотеатра на носилках в машину "скорой помощи": огрызнулась захлопнутая дверца медицинского автомобиля, на секунду буксанув на месте от резкого газа, взвились колеса на своих осях и, перешептываясь с асфальтом, унесли в кузове здравоохранения очередную жертву на лечение.

Божив еще оставался стоять на ступеньках, прочно задумчивый с виду, а внутри его сосредоточенность суежилась, и ей трудно было остановиться, каждое мгновение все новые чувства Юрия Сергеевича отказывали ей в приеме.

Молниеносное изменение произошло в болевых точках психики Божива, ущемленные случившимся, они наперебой напоминали о себе.

Солнце уже отвисало на небе за полдень, но его откровенная жара продолжалась, и жесткий свет его впивался в глаза.

... Неожиданно из-за кинотеатра стремительно подрулил к Юрию Сергеевичу мотоцикл с коляской, в седле сидел Дубинин, он тут же умертвил мотор, отключив зажигание, и Божив не видел, как из-за того же угла, откуда только что объявился участковый милиционер, прищпоривая три колеса, выглядывала в пол-лица Марина Ивановна.

- Так, Юрий Сергеевич, что здесь происходит? - бойко заговорил Василий Васильевич, спрыгивая с подножки мотоцикла на асфальт. - От сообщников избавляемся или как? Что молчите?

- Извините, но вы еще не уступили мне место для ответа, - определились Божив.

- Кого забрали, почему?

- А я откуда знаю.

- Как же так, не знаете?

- Нет, не знаю.

- А разве этот толстячок, которого увезли, не ваш товарищ? Взбунтовался, хотел вас выдать?

- Ну вот, видите, вы сами все знаете...

- У меня служба такая: глаза и уши по всему поселку расставлены, и каждый шорох таких, как вы, Юрий Сергеевич, в особую тетрадку записан.

- Ну ладно, хватит театральных подмостков. Во-первых, толстячка в товарищах никогда не имел - для меня он случайный посетитель, а во-вторых, мне уже начинает надоедать ваша назойливая подозрительность, а в третьих, вам знакомо такое понятие, как "презумпция невиновности".

Дубинин немного помолчал, словно припоминая, что же такое "презумпция".

- Я же все равно выясню, кто это был и зачем, - сказал он, - чистосердечное признание смягчит обстоятельства вашего дела.

- Пойдите, какого дела?

- Вашего, товарищ Божив.

- Ошибаетесь, Василий Васильевич, пока ничего не доказано, это ваше дело, а не мое.

Участковый злобно запнулся, подыскивая необходимые слова, а Божив тем временем было собрался возвратиться к себе в кабинет и сделал уже пару шагов по направлению к входной двери.

- Вы что же думаете, вы уходите, а я остаюсь? - окликнул Божива участковый.

- Мы вместе проследуем к вам в кабинет.

Теперь Божив сидел за своим рабочим столом и равнодушно смотрел в лицо Дубинину.

- Будьте добры, я подожду, - говорил тот, - напишите мне объяснительную записочку по поводу сегодняшнего происшествия, связанного, как вы изволили выразиться, со случайным посетителем.

Неторопливо, небрежным почерком Божив письменно объяснил участковому недавнее событие, и Дубинин внимательно освоил их, прочитывая и перечитывая слова, останавливаясь призадуматься на запятых и точках.

- Хорошо, - скоро сказал он, - я присовокуплю это к делу, - но я не сомневаюсь, что вы подписали себе еще лишние годики.

- Как же вам хочется меня посадить, Василий Васильевич.

- Не посадить, а посадить на место, - сказал участковый, и тут же внутренне возгордился и обрадовался собственной удачливой находке в словесах. "Мы тоже не лыком шиты", подумал он.

И тут Божив как-то хладнокровно, чисто созерцательно, в единое мгновение, когда ненадолго прикрыл глаза ладонью, увидел необычную картину.

Участковый и Марина Ивановна, искаженные страхом, выглядывают из-за увесистых фасадных колонн кинотеатра на площадь Лесного поселка, а у самого кинотеатра стоит мотоцикл, объятый огнем.

И Божив не успел даже разобраться, проанализировать: то ли он это захотел увидеть сейчас, то ли это видение пришло откуда-то само внезапно, и он всего лишь подсмотрел его.

Почитав объяснительную и уложив ее в толстенную папку, Дубинин распрощался с Юрием Сергеевичем. Вскоре Юра услышал страшные вопли, душераздирающее "караул!", оно ворвалось в малое фойе с улицы и зависло в кабинете.

"Что за чертовщина?" - подумал Божив и поспешил выяснить в чем дело.

Когда Юра выскочил на ступеньки, то происходившее на площади поразило его: от мотора мотоцикла полыхал огонь, и уже начинал облизывать бензобак.

Справа от Юры за колонной стоял участковый, слева, тоже за колонной, - уборщица Марина Ивановна, видимо, она и возопила только что о помощи.

Оба они, словно ожидая взрыва гранаты, которую только что бросили на площадь, в одну секунду выкрикнули в сторону директора: "Назад!", "Сейчас взорвется!" - наспех накладывая на себя изломанные кресты, причитала Марина Ивановна.

Не раздумывая ни на одно движение, ни на единое замирание на месте, Божив устремился к ящику с песком, что находился в малом фойе под лестницей, на второй этаж кинотеатра, там он набрал полное ведро песка, промелькнул мимо перепуганных за колоннами, подбежал к мотоциклу и пригорошнями стал засыпать огонь.

Через пару минут огненные языки обмякли под песком и, едва просачиваясь через него, совсем угасли. "Что же это было? подумал Божив. - Я беззаботно увидел картину пожара, сидя в кабинете, и скоро забыл о ней, но явь повторила увиденное, напомнила о нем".

Все отражается в чувствах, увиденное без чувств напоминает о себе, если о нем забыли, дабы опять же все-таки отразиться в чувствах.

Кто?

Надежды Михайловны дома не было. Вместе со своей крохотной внучкой она ушла в

гости к одной из своих многочисленных подруг. Наташа, озадаченная пространством тишины и беззаботности, сидела в кресле в комнате свекрови и откровенно беззвучно плакала.

Так уж устроен человек, у каждого найдется причина неожиданно опечалиться или порадоваться на любой момент своей жизни: все зависит от того, какая картинка его жизни вспыхнет в памяти, и даже не важно прошлое или будущее - все помнится, и то, и другое, то, откуда мы идем, - прошлое, то, куда мы идем, - будущее, и если повернуть обратно, то прошлое поменяется местами с будущим, вот мы и ходим, и живем в пространстве нашей памяти.

Направление нашего движения! Будущее и прошлое разделено сущностью нашей, суть есть единое целое... Два электрических звонка, словно два пронзительных штриха, подытожили Наташино одиночество на текущий момент, и откуда раздались они, эти два звонка, из прошлого или будущего... Наташа вышла в прихожую открыть дверь.

На пороге стоял Божив.

- Здравствуй, Наташа, - сказал он, непосредственно улыбнувшись.

- Здравствуй ... Юра, - замедленно произнесла Наташа, утирая припухшие глаза ладонями.

- К тебе можно? - робко поинтересовался Божив. - Ты одна?

- Да, заходи.

- Ты что, плакала?

- Есть немножко, но это так, навеянная печаль, до нее всегда рукой подать. Проходи сюда, в комнату Надежды Михайловны.

Юра прошел в предложенную комнату и тут же присел на краешек разобранной кровати, у него слегка подрагивали пальцы рук, и Наташа заметила, что Боживу как-то неуютно: то ли он почему-то смущался, что не замечалось ранее за ним, то ли что-то скрывал.

- Ты будешь чай или кофе? - поинтересовалась Наташа.

- Присядь, пожалуйста, рядом со мной.

И Наташа, собравшаяся было выйти на кухню, остановилась и своим задумчивым взглядом отыскивала глаза Божива, которые он несколько мгновений прятал от нее, делая вид, что рассматривает свои ладони.

- Присядь... пожалуйста, - повторил Божив.

Наташа села рядом с Юрой.

- Что с тобой? Ты что-то хочешь мне сказать? - заботливо сказала она. Пронеслось несколько мгновений, и неожиданно Юра крепко обнял ее за плечи.

- Что ты? Я не понимаю тебя, - шептала Наташа, а Юра уже многочисленными поцелуями ласкал ее шею и вскоре уловил ее губы. Лаская Наташины груди, он опрокинул ее на кровать, Наташа протестовала, но не могла сопротивляться.

Конец второго романа

Мира и Добра моему трудолюбивому читателю!

Всеслав Соло.

Сегодня уже изданы такие книги Всеслава Соло как:

1, 2 и 3 романы "Скоморох или Начало Магии", "Изида или Врата Святилища", "Натура или Всея Любовь" Астрально-мистической Эпопеи "Астральное тело".

1-я книга вечеров Соло "Как Стать Магом? или Остаться в живых!" - учебник Высшей Магии.

2-я кн-а в-ов Соло "Как Стать Магом? или Пространство окружения!"

3-я кн-а в-ов Соло "Как Стать Магом? или Видящий Себя!"

4-я кн-а в-ов Соло "Как Стать Магом? или Воля в Законе!"

5-я кн-а в-ов Соло "Как Стать Магом? или Продолжается Путь!"

6-я кн-а в-ов Соло "Как Стать Магом? или Законы Законов!"

Книга стихов "Кафедра Земли"

Мистическая мелодрама "Переодетые в чужие тела", книга из Астральной Библиотеки Сергея Истины, главного героя Астрально-Мистической Эпопеи "Астральное тело"

Если Вы хотите стать постоянным подписчиком на любые изданные и готовящиеся к изданию книги В.М. Соло, так же, если Вы желаете приобрести таковые на выбор, то Вы можете произвести заявку по адресу:

113152 г. Москва, а/я № 57 или позвонить по телефону: из Москвы - 8 (гудок) 257 4-61-06; из других городов - 8 (гудок) 09657 4-61-06.

По этому же адресу и телефону принимаются отзывы о книгах Всеслава Соло, рассматриваются возможные контакты на предмет издания и реализации таковых.

Мой мистический роман "Переодетые в чужие тела" написан совершенно не случайно.

Если Астрально-Мистическую Эпопею "Астральное тело" можно назвать своеобразным крупным планом идеи, которая старательно и планомерно воплощается мною в литературе (я имею в виду идею о "Растворении Земли"), то, "Переодетые в чужие тела" и другие мои подобного плана книги станут повествовать панораму мира, что располагается за кадром крупного плана Эпопеи. Герои "Переодетых в чужие тела" тоже примут свое участие в очередных романах "Астрального тела", но, конечно же, в рамках их сюжетов.

Читая Эпопею, читатель благодаря таким романам как "Переодетые в чужие тела", сможет, будет иметь возможность узнать о том или другом герое Эпопеи более подробно, узнать то, каким образом тот или другой герой пришел на ее страницы.

Если Астрально-Мистическую Эпопею я называю крупным планом моей идеи, то "Переодетых в чужие тела" и другие подобные ближайшие книги можно обозначить как крупные планы того мира, в котором грани идеи формируются и рождаются, подрастают для реализации в Эпопее.

Вот почему роман "Переодетые в чужие тела" является книгой из Астральной библиотеки главного героя Эпопеи Сергея Истины, и не могло быть иначе.

Всеслав Соло

Настроение

Вы имеете эту книгу стихов "Кафедра Земли", но вы даже и не подразумеваете о том, что согласно Основополагающему Магическому Закону Аналогии, Эта книга имеет Вас. Да, это именно так. Вдумайтесь внимательно и вам откроется то, что обязательно существует энергетическая обратная связь не только с автором, но и со стихотворной сутью изложенного в данной книге, ибо развивая себя, читая и осознавая эту книгу, вы не меньше развиваете автора и саму суть, которую он описал. Отсюда, от вашего правильного понимания материала книги, зависит скорость, глубина и объем развития как автора, так и сути его стихотворений. Будьте осторожны и не ленивы, испытывая такую ответственность.

Конечно же, эту книгу стихов можно читать, изучать, осознавать и другое, но автор знает о том, что прежде всего эта книга стихов явится источником настроения для адепта Высшей Магии, обнаружится исключительным подспорьем, почвой для изучения и осознания, практического освоения учебников Школы Высшей Магии Соло, потому что эта книга заключает в себе энергетический потенциал автора, несет энергию его устремленности, которая не может не помогать.

Школа Высшей Магии

или

Как Стать Магом?

Книги моей школы Высшей Магии Мысли, а на сегодняшний день их вышло уже пять (в конце данной книги они проименованы) рассчитаны на самостоятельное теорико-практическое освоение изложенных в них материалов по движению и превращениям как предметных так и беспредметных мыслей.

В серии книг моей школы, я впервые излагаю свои таинственные практические вечера по Магии Мысли, которые совершенствовал и проводил на протяжении последних, теперь уже, семи лет в среде своих, как я обычно выражаюсь, соучеников.

В данной серии книг, независимо от уровня уже имеющихся знаний, подготовки,

читатель найдет для себя ответы на всевозможные необъяснимые до этого вопросы, она изложена доступно и организованно. Экстрасенсы, Сенситивы, Лекари, Врачи, Астральщики, Ментальщики, Энергетики, Политики, Бизнесмены, Педагоги, Психологи, Философы и многие другие, даже самые обычные люди, просто Мужчины и Женщины, все, кому понадобятся эти книги, извлекут из них то, что они пожелают, и, как говорю я обычно: "Удачи вам, Мира и Добра, Осознания Себя."

Вы действительно можете научиться управлять своими предметно-беспредметными мыслями, материализовывать их во времени и пространстве, ибо каждый человек - маг, только неосознанный.